

Х 31

Знаменітій Христіанинъ

ОСТАВІТЕ ДѢТЕЙ, И НЕ ВОЗРАЖАЙТЕ
МНѢ, ЯКОВОМУ
БО ЕСТЬ ЦРЬВО МЕНЕШЕ МА. МІ. ІІ.

Кн. I. Январь. 1911.

30
56

МАЛЕНЬКІЙ ХРИСТІАНИНЪ.

— 12
Книжка 1-я.

3/11/83-16

СЕРГІЕВЪ ПОСАДЪ.

—
Типографія Св.-Тр. Сергіевой Лавры,

1911.

Печатать дозволяется. Виѣанія. Января 16 дня, 1911 года.
Цензоръ, Ректоръ Виѣанской Духовной Семинаріи,
Архимандритъ Филиппъ.

СОРВАННАЯ РОЗА.

динъ престарѣлый отецъ потерялъ единственную, нѣжно любимую дочь: она внезапно умерла; хотя отецъ и не ропталъ на Бога, но ему очень тяжело было переносить свою невозвратную потерю.

Съ глубокою скорбію поселился онъ въ своемъ маленькомъ загородномъ домѣ, и единственнымъ его удовольствіемъ было то, что онъ часто ходилъ въ близъ лежащій прекрасный садъ, принадлежавшій сосѣднему богатому владѣльцу. Тутъ ежедневно проводилъ онъ по нѣскольку часовъ, не видя ни

кого, кромѣ садовника, потому что хозяинъ сада по большей части проживалъ въ городѣ.

Безутѣшный отецъ съ особеннымъ удовольствіемъ любилъ сидѣть подлѣ великолѣпнаго розоваго куста, на которомъ былъ только одинъ и единственный цвѣтокъ; за то какъ была хороша эта роза!

Садовникъ, видя какое удовольствіе доставляетъ горестному отцу эта роза, обѣщалъ ему съ особеннымъ усердіемъ ухаживать за нею и никому ея не отдавать, чтобы онъ могъ, сколько возможно, наслаждаться ея красотою и запахомъ; и бѣдный отецъ считалъ розу не иначе, какъ своею собственностью. Но—увы! въ одно время, утромъ, къ удивленію старика, роза исчезла. Ее сорвали.

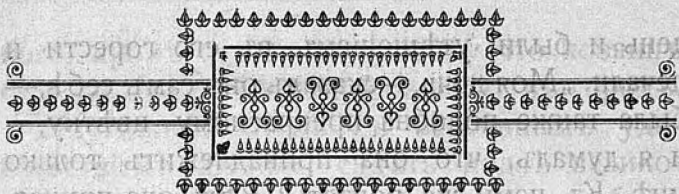
— Что ты сдѣлалъ?—сказалъ онъ съ упрекомъ садовнику,—не ты ли обѣщалъ мнѣ беречь и сохранять цвѣтокъ?

— Это правда,—отвѣчалъ тотъ грустно,—но что же дѣлать? Господинъ пожелалъ сорвать именно ее.

Слова садовника: „господинъ пожелалъ сорвать ее“, занимали печальнаго отца цѣлый

день и были утѣшеніемъ въ его горести и печали. „Моя дочь, — сказалъ онъ самъ себѣ, — была также подобна прекрасному цвѣтку, — и я думалъ, что она принадлежитъ только мнѣ. Къ чему же роптать? Вѣдь она принадлежала Богу, и Господь Богъ захотѣлъ ее взять къ Себѣ... Господь далъ, Господь и взялъ. Буди имя Господне благословенно отнынѣ и до вѣка.

ОЖЕРЕЛЬЕ МАРИИ.

 подарилъ царь любимой дочери Маріи ожерелье. Дорогой былъ подарокъ. Ожерелье стоило дороже всѣхъ сокровищъ на землѣ. Каждая жемчужина въ отдѣльности была рѣдкой красоты, славилась своимъ блескомъ по всему міру и была извѣстна подѣ особымъ именемъ. Одну жемчужину называли любовью, другую правдою, третью кротостью, четвертую послушаніемъ, пятую ласкою, шестую усердіемъ и т. д.

Вырядится, бывало, Марія, украсится ожерельемъ; жемчуга горять, переливаются,—чудо-дѣвочка, заглядѣнье! Смотрѣть, сердце

радуется. Думаешь, если бы всѣ дѣти да всегда такими были, такія пригожія да радостныя, свѣтлыя да привѣтливыя!

Не умѣла только Марія цѣнить разумно отцовскій подарокъ. По своему дѣтству не могла еще, какъ слѣдуетъ, понять цѣнность ожерелья. Она не только одѣвала его въ важныхъ случаяхъ, а шалила съ нимъ; шутя, забавлялась, бросала безъ призору. Часто нить обрывалась, жемчужинки разсыпались по полу, съ трудомъ потомъ находили ихъ. Попортились кое-гдѣ жемчужинки; на одной случилась царапина, на другой оказалось пятнышко, — потускнѣло ожерелье.

Пришелъ праздникъ великій. Пиръ былъ у царя. Вырядили дѣвочку, надѣли ожерелье на шею. Не блеститъ ожерелье, не переливаются жемчуга. Увидалъ отецъ, опечалился.

— Дѣточка, милая, что это значить? Отчего нѣтъ въ ожерельѣ прежней красоты? Не берегла ты мой подарокъ, вотъ и испортился онъ. Впрочемъ, пока еще исправить горе можно; царапинки загладимъ, пятнышки счистимъ, ожерелью вернемъ прежній блескъ: порча пока еще чуть-чуть тронула жемчу-

жинки. Но если ты и дальше такъ же небрежно будешь относиться къ моему подарку, пропадетъ оныя совсѣмъ. Въсто царпинъ будутъ трещины, пятнышки испещрятъ всѣ жемчужинки, погубится вся красота. Дѣтки, вы поняли, конечно, притчу: царь—это Богъ, царская дочь—наша душа, жемчужины—наши добродѣтели, пятна—наши недостатки. На жемчужинѣ, что правдой называется, по нашему недосмотру заводятся ложь, хитрость, лукавство; на любви—зависть, важничанье, гордость; на кротости и послушаніи—грубость, рѣзкость на словахъ, рѣзкость и въ дѣлѣ. Такъ и погибаетъ все ожерелье. Чаше, дѣти, пересматривайте отдѣльныя жемчужинки: все ли въ исправности, нѣтъ ли гдѣ пятень?

ЧТО ГОВОРИТЬ ЧЕЛОВѢКУ ЛИЛІЯ?

Лѣбла, какъ первый снѣгъ: будь и ты чистъ и свѣтель душою. Расту я открыто и безпритворно; будь и ты откровененъ (чистосердеченъ), простъ и невиненъ сердцемъ. Я всегда обращена къ небу и клоню мою головку къ солнцу: приклоняй и ты голову на святую молитву, а душой взирай туда, гдѣ живетъ Богъ святой и возлюбленный. Съ неба течетъ ко мнѣ роса: съ неба притечетъ и къ тебѣ благодать (помощь свыше, милость) Господня, если ты будешь ждать ея, какъ я жду росы небесной—утро и вечеръ. Я дѣлю мой души-

стый запахъ и мою нѣжную влагу со всѣми, кто хочетъ: раздѣляй и ты свои дарованія (способности), свои труды и все, что имѣешь, съ братьями—людьми. Я служила образцомъ для украшенія въ храмъ Соломона: служи и ты по своей чистотѣ и благочестію примѣромъ душевной красоты въ Церкви Христовой; пусть твои слова, поступки, обращеніе съ людьми будутъ примѣромъ для твоихъ братій. Смотря на меня, человекъ, вспоминай о томъ, какъ Господь любитъ Свою церковь; всею душою, всѣмъ сердцемъ люби и ты своего Господа“.

БРАТЪ И СЕСТРА.

Сережа и Аннушка остались дома одни, и братъ сказалъ сестрѣ: „Пойдемъ, поищемъ, не осталось ли въ домѣ чего-нибудь вкуснаго, и полакомимся“.

— „Если бѣ ты меня повелѣ въ такое мѣсто, гдѣ насъ никто не увидитъ, то, пожалуй, я пошла бы съ тобою“, отвѣчала Аннушка.

— „Пойдемъ въ кладовую: тамъ мы найдемъ что-нибудь хорошенькое, и никто насъ не увидитъ“.

— „Нѣтъ, Сережа, тамъ можетъ увидѣть насъ сосѣдъ: онъ колетъ на дворѣ дрова“.

„Ну, такъ пойдемъ въ кухню,—уговаривалъ Сережа сестру:—тамъ стоитъ цѣлый горшокъ

меду, и мы намажемъ себѣ по большому ломтю хлѣба“.

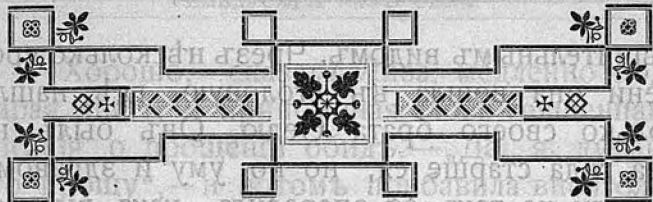
— „Въ кухнѣ увидитъ насъ сосѣдка: она, вѣрно, теперь сидитъ у окна и прядетъ“.

— „Ахъ, какая же ты трусиха, Анюта,— сказалъ маленький лакомка;—пойдемъ, если такъ, въ погребъ кушать яблоки; тамъ ужъ навѣрное насъ никто не увидитъ“.

— „Ахъ, милый Сережа, неужели ты думаешь, что въ погребѣ уже никто насъ не увидитъ?... Развѣ ты не думаешь о Томъ, Кто видитъ черезъ стѣны и отъ Котораго и въ темнотѣ нельзя скрыться?“ Сережа испугался.

— „Правда твоя, сестрица, сказалъ онъ:— Богъ видитъ насъ и тамъ, гдѣ человѣческій глазъ ничего не видитъ; а потому ни наединѣ, ни въ темнотѣ не должны мы дѣлать ничего такого, чего не смѣли бы сдѣлать при другихъ и при свѣтѣ“.

— „Правда, — сказалъ Сережа, — но что же намъ дѣлать?“ — „Намъ надо сдѣлать то, что намъ нравится, — сказалъ онъ, — но такъ, чтобы не было стыда передъ Богомъ и людьми“.

Семьдесятъ разъ семь.

аленькая Лиза сидѣла у окошка и учила свой урокъ. Солнышко весело свѣтило на нее; она чувствовала себя счастливой, и ей сильно хотѣлось сдѣлать что-либо угодное Богу, Который сотворилъ все такъ прекрасно. И вотъ, когда она повторяла про себя слова священнаго писанія: *если братъ твой согрѣшитъ передъ тобою семь разъ въ одинъ день, и семь разъ въ одинъ день приступитъ къ тебѣ и скажетъ: я раскаиваюсь,—ты долженъ простить ему,—* ея сѣрые глаза приняли серьезное и задумчивое выраженіе, и она сжала губки съ очень

рѣшительнымъ видомъ. Чрезъ нѣсколько времени она вошла въ столовую, гдѣ нашла только своего брата Одея. Онъ былъ на два года старше ея, но по уму и здравому смыслу не такъ ее опередилъ, какъ вы, можете быть, воображаете. Одея находился, по-видимому, въ самомъ дурномъ расположеніи духа.

— Экая жалость! — въ такой день въ школѣ сидѣть!

Таковы были его первыя слова, которыя онъ произнесъ, а судя по его очень некрасиво надутому лицу, и впредь отъ него нечего было ждать хорошаго. Съ этими словами онъ бросилъ книгу, которая была у него въ рукахъ, на другой конецъ комнаты, гдѣ она упала на полъ съ разорваннымъ переплетомъ и развалившимися листами.

— Одея! — закричала Лиза. — Не моя ли это „Арифметика“? Вѣдь ты знаешь, какъ я ее берегла.

— И вправду твоя, — отвѣчалъ онъ съ искреннимъ огорченіемъ. — Я думалъ, что это моя. Увѣряю тебя, что я не нарочно, Лиза. Прости меня!

— Хорошо, — сказала Лиза, медленно подбирая листы и припоминая слова священнаго писанія о прощеніи обидъ. — „Да, я думаю, что прощу“, — и потомъ прибавила вполголоса: — *разъ!*

Послѣ завтрака дѣти отправились въ школу. Вдругъ Одея закричалъ: — Лиза, какая громадная собака! Глаза — какъ угли, и языкъ висить — навѣрно, бѣшеная.

Бѣдная Лиза страшно испугалась и побѣжала; въ страхъ она, конечно, не замѣчала, что было у ней подъ ногами, и, попавъ ногой въ прегадкую яму, упала. Паденіе было очень неприятно: она не только ссадила себѣ кожу на одномъ локтѣ, но, кромѣ того, испортила совсѣмъ новый башмачекъ, который еще недавно блестѣлъ, какъ зеркало. На башмакѣ осталась большая царапина. Лиза залилась слезами и вовсе не изъ-за локтя, потому что она умѣла переносить боль, какъ какой-нибудь герой, но — бѣдный новый башмакъ! Его уже нельзя было поправить.

— О, Одея, какъ тебѣ не стыдно говорить такія вещи! Это вовсе не бѣшеная собака, а просто Катонъ, который и мухи не обидитъ.

— Ахъ, Лиза, почему же я зналъ, что ты упадешь? мнѣ только хотѣлось, чтобы ты пробѣжалась немножко. Я очень жалѣю, что ты ушиблась, я раскаиваюсь въ своей глупости. Не можешь ли ты меня простить?

— Постараюсь, — отвѣчала Лиза, дѣлая надъ собой большое усиліе, чтобы, проглотить обиду, и тихонько проговорила съ глубокимъ вздохомъ: — *два!*

Въ школѣ Федя велъ себя все время крайне безпорядочно. Во-первыхъ, онъ взялъ у сестры пописать карандашъ и потерялъ его; затѣмъ, какъ разъ въ ту минуту, когда она встала, чтобы присоединиться къ своимъ класснымъ подругамъ, шалунъ протянулъ ноги, какъ только могъ длиннѣе, и Лиза споткнулась о нихъ и упала при общемъ смѣхѣ, весьма этимъ сконфуженная. Братъ, конечно, принялся увѣрять, что онъ „нечаянно“, и что, дескать, ему „ея очень жалко“. Чѣмъ же онъ виноватъ, что у него такія громадныя ноги? Онъ такъ старался упрятать ихъ обѣ подъ скамейку; что же ему дѣлать, если онѣ не помѣщаются? Онъ такъ глубоко огорченъ этимъ случаемъ.

Терпѣливая маленькая Лиза должна была простить еще разъ. Въ теченіе остального утра она претерпѣла отъ Оеди еще двѣ-три обиды, о которыхъ было бы слишкомъ долго рассказывать.

Но обратимся прямо къ ихъ выходу изъ школы. Тутъ Лиза съ ужасомъ увидала, что погода вдругъ измѣнилась, и дождь полилъ, какъ изъ ведра; но Оедя занялъ у кого-то зонтикъ, раскрылъ его, взялъ подъ руку сестренку и храбро пошелъ впередъ. — Осторожнѣе! — кричала Лиза, — ты такъ раскачиваешь зонтикъ, что съ него каплетъ мнѣ прямо на голову.

— Надѣюсь, что ты не умрешь отъ нѣсколькихъ дождевыхъ капель, — возразилъ Оедя.

Дома бѣдная дѣвочка съ горестью увидала, что зонтикъ полинялъ, и что хорошенькая розовая подкладка ея капора была совершенно испорчена грязными полосами.

— Въ самомъ дѣлѣ, это ужъ слишкомъ! — сознался Оедя, при видѣ ея огорченія.

Честное слово, Лиза, я это не нарочно! — Если бы ты знала, до чего мнѣ тебя жаль, ты навѣрное бы простила меня.

— Я тебя прощаю,— сказала Лиза съ уси-
ліемъ. Потомъ она принялась что-то вычи-
тывать по пальцамъ и произнесла наконецъ
со вздохомъ:—*семь!*

— Что ты цѣлый день считаешь?—спро-
силъ ее братъ съ любопытствомъ. Она ни-
чего не отвѣчала и весело побѣжала обѣдать,
повторяя про себя:—*семь разъ!* Ахъ, какъ
это было трудно, и какъ я рада, что больше
прощать не нужно: я просто не выдержала
бы больше.

Послѣ обѣда дѣтямъ нужно было зани-
маться уроками къ слѣдующему дню.

— Охъ, охъ, охъ!—зѣвнулъ Федя,—преж-
де, чѣмъ примусь за это тройное правило,
которое мнѣ такъ надоѣло, заведемъ-ка одинъ
разъ ящикекъ съ музыкой, который тебѣ
подарилъ дядя. Пусть онъ намъ сыграетъ
пьесу.

Глазки Лизы заблестѣли. Она поддалась
искушенію и выбѣжала изъ комнаты. Вскорѣ
она возвратилась съ своимъ сокровищемъ и
съ величайшей осторожностью завела ящикъ
позолоченнымъ ключикомъ; но лукавый Фе-
дя тихонько отъ нея вставилъ щепочку въ

хрупкій механизмъ ¹⁾, такъ что чудесный ящикъ оставался безмолвнымъ, когда дѣвочка приготовилась слушать.

— Что это значить?— вскричала она, поблѣднѣвъ.

— Не безпокойся, возразилъ Одея. Преважно.— Я необыкновенно искусный волшебникъ, и если только ты позволишь мнѣ дотронуться до твоего ящика, то все пойдетъ отлично.

Лиза дрожащею рукой протянула ему ящикъ. Мальчикъ смѣло засунулъ туда пальцы, но, должно быть, слишкомъ поторопился вытащить щепочку. Хрупкія пружины лопнули и въ ящикъ послышался такой трескъ, какъ будто онъ сейчасъ разлетится вдребезги, и все смолкло. Одея, точно въ воду опущенный, взиралъ на бѣдный ящикъ.

Милая Лиза, сказалъ онъ, наконецъ, съ глубокимъ огорченіемъ, — вѣдь онъ совсѣмъ испорченъ. Простишь ли ты меня когда-нибудь?

— Нѣтъ, — закричала Лиза, топая ногой. — Я не могу, да впрочемъ и не нужно больше

¹⁾ Механизмъ — внутреннее устройство всякой машины.

прощать: это *въ восьмой разъ*. Бѣдный мой милый ящичекъ! Ты это нарочно сдѣлалъ, злой мальчишка! Сейчасъ же побѣгу въ твою комнату, изорву твоего бумажнаго змѣя и испорчу все, что попадется на глаза.

Терзаемый угрызеніями совѣсти, Федя не пробовалъ даже остановить сестру. Она бѣгомъ промчалась черезъ сѣни, вся въ слезахъ, съ пылающими щеками, и какъ разъ наткнулась на дядю.

— Это что такое?—вскричалъ онъ.

Но прежде чѣмъ онъ успѣлъ выразить свое удивленіе, Лиза уже рассказывала ему свои горести.

Когда она кончила, дядя спросилъ ее:

— Итакъ, Лиза,—ты думаешь, что *теперь* ты имѣешь полное право злиться?

— Да, съ жаромъ объявила маленькая дѣвочка.—Да, я имѣю на это полное право. Я простила его ровно *семь разъ*. Это ужъ *восьмой*.

— Такъ ты, значитъ, не знаешь, что въ другой разъ Господь сказалъ апостолу Петру, что надо прощать брату *семь разъ* и еще *семьдесятъ разъ* *семь*?

— Семь, да еще *семьдесятъ разъ* *семь*!

Но ты, навѣрное, не знаешь, дядя, что это трудно, все прощать и прощать? — сказала Лиза со слезами.

— Ну, нѣтъ, мнѣ кажется, что я немножко знаю, сказалъ дядя съ улыбкой и потомъ проговорилъ, какъ бы про себя: — Я думаю, что ученики Христовы нашли, что это очень трудно, потому что, какъ только услышали эту заповѣдь, то всѣ воскликнули въ одинъ голосъ: „Господи! умножь въ насъ вѣру!“ Да, маленькая Лиза, прибавилъ онъ вслухъ, это ужасно трудно, но мы всѣ должны стараться объ этомъ и не считать, сколько разъ мы прощаемъ людямъ обиды, такъ какъ очевидно, что семьдесятъ разъ семь, — это и значить: *всегда* прощать.

— Нѣтъ, нѣтъ, этого я никакъ не могу! — сказала дѣвочка, рыдая, и упрямо отвернувшись отъ бѣднаго Оеди, который стоялъ на порогѣ.

— Я тебѣ подарю мою новую книгу съ путешествіями, Лиза! Буду копить всѣ свои деньги, пока не куплю тебѣ новаго ящика съ музыкой! — воскликнулъ онъ со слезами. Но она ничего не слушала.

— Ну, хорошо, сказалъ дядя, пусть будетъ

по-твоему. Только совѣтую тебѣ не читать больше „Отче нашъ“.

— Это отчего?—спросила Лиза съ удивленіемъ.

— Да ты только подумай, каково тебѣ будетъ сказать Богу: „и остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ“, т. е. прости меня, Господи, какъ я прощаю Одея.

Лиза покраснѣла, какъ ракъ. Съ минуту она задумалась, потомъ закричала, что не можетъ обойтись безъ „Отче нашъ“, устремилась къ раскаявшемуся грѣшнику, который все еще стоялъ на порогѣ, бросилась въ его объятія и разразилась горькими слезами.

Съ тѣхъ поръ шалунъ Одея сдѣлался гораздо нѣжнѣе и внимательнѣе къ своей маленькой сестренкѣ, а если вы спросите его: „сколько разъ Лиза прощаетъ тебя теперь? По-прежнему семь разъ?“—вы увидите, какъ его славные, честные глаза затуманятся слезами, и онъ отвѣтитъ вамъ: „Лиза такъ добра, что не считаетъ больше, а я не смѣю считать. Я и безъ счета увѣренъ, что она прощаетъ меня всѣ семьдесятъ разъ семь“.

Дорогая копеечка.

(Разсказъ каторжника).

Я возвращался съ работы одинъ, съ конвойнымъ, навстрѣчу мнѣ прошла мать съ дочерью. Дочь была дѣвочка лѣтъ девяти.

Я ужъ видѣлъ ихъ разъ. Мать была солдатка, вдова. Мужъ ея былъ подъ судомъ и умеръ въ больницѣ, въ арестантской палатѣ. Въ то время и я тамъ лежалъ больной.

Жена и дочь приходили въ больницу прощаться съ покойнымъ; обѣ ужасно плакали.

Увидя меня, дѣвочка покраснѣлась и прошептала что-то матери. Мать тотчасъ же остановилась, отыскала въ узелкѣ что-то и

дала дѣвочкѣ. Дѣвочка бросилась бѣжать за мной. Она всунула мнѣ въ руку монету и сказала: „на, несчастненькій, прими Христа ради копеечку“. Я взялъ копеечку, и дѣвочка возвратилась къ матери совершенно довольная.

Эту копеечку я и теперь храню у себя.

Сиротка Катя.

Урокъ любителямъ сплетенъ.

Одна женщина, извѣстная любительница разносить по домамъ сплетни, пошла къ священнику и исповѣдалась. Онъ далъ ей спѣлый терновникъ и велѣлъ всѣ его тоненькія зернышки по одному развѣять по вѣтру. Она удивилась, но повиновалась. Исполнивъ приказаніе, она заявила объ этомъ священнику. Теперь онъ предложилъ ей собрать развѣянные сѣмячки. Она разомъ увидѣла, что это невозможно. Это хорошій и яркій урокъ о грѣхѣ сплетни и клеветы.

И. Тургеневъ.

БРАТЪ.

 аболѣла Таня. Докторъ прописалъ ей горькое, противное лѣкарство. Таня пила его, — морщилась и плакала. Увидѣлъ это ося маленькій братъ Серёжа. Онъ ласково сказалъ сестрѣ: „Дай, Танюша, я буду пить лѣкарство за тебя. Мнѣ тебя жаль“.

(По Ушинскому).

Сиротка Катя.

Умерла у Кати мать, умеръ и отецъ. Осталась Катя круглой сиротой. Только и было у Кати родныхъ, что дядя съ тёткой, да и тѣ очень бѣдные.

Дядя и говорить своей женѣ:

— Возьмёмъ Катюшу къ себѣ.

— Полно! — говорить тетка. — Возьмемъ Катюшу, — не на что будетъ и соли купить, похлебку посолить!

— А мы ее... и не соленую, похлебку-то, — отвѣтилъ мужикъ. Такъ дядя и взялъ къ себѣ жить сиротку Катю.

И. Тургеневъ.

Зимній вечеръ.

Хорошо вамъ, дѣтки,
Зимнимъ вечеркомъ!
Въ комнатѣ уютной
Сѣли вы рядкомъ;

Радость, любопытство

На лицѣ у васъ:

Слушаете жадно

Мама вы разскажъ.

Пусть гудить сердито

Вьюга подъ окномъ,

Хорошо вамъ, дѣтки,

Въ гнѣздышкѣ своемъ!

Но не всѣмъ такое

Счастье Богъ даетъ,—

Есть на свѣтѣ много
Бѣдныхъ и сиротъ:
У однихъ могила .
Рано мать взяла,
У другихъ нѣтъ въ зиму
Теплаго угла...
Если приведется
Встрѣтить вамъ такихъ,
Вы, какъ братьевъ, дѣтки,
Приголубьте ихъ.

Плещеевъ.

Отецъ и сыновья.

тецъ училъ сыновей жить дружно. Они не слушались и часто ссорились. Тогда онъ велѣлъ принести вѣникъ и сказалъ: „Сломайте“.

Сколько сыновья ни старались, а сломать вѣникъ не могли. Тогда отецъ развязалъ вѣникъ и велѣлъ ломать каждый пруть отдѣльно. Братья легко ихъ переломали.

Отецъ съ грустью сказалъ: „Такъ будетъ и съ вами. Если станете жить дружно—никто васъ не одолѣетъ; если будете ссориться, да каждый дѣлать по-своему, то всякій васъ погубить.“

С М Ъ С Ь.

Долголѣтіе животныхъ, рыбъ и птицъ.

Слонъ живетъ до 200 л., верблюды до 100 л., носорогъ и бегемотъ до 80 л. Киты живутъ до 300 и даже до 400 л., щука до 300 л., карпъ до 150 л., семга до 100 л., орлы и соколы до 200 л., вороны и лебеди до 100 лѣтъ.

Содержаніе современнаго трансъ-атлантическаго судна.

Современные пароходы, совершающіе рейсы между Европой и Америкой, вмѣщаютъ 1,100 пассажировъ, для нихъ онъ беретъ 27,000 фун. мяса, рыбы 850 кгр., ветчины 300 кгр., картофеля 175 бочекъ, салата 2,400 головокъ, фруктовъ 5000 кгр. мороженаго

1000 порцій. Для приготовленія хлѣба употребляется 90 бочекъ муки, 175 кгр. дрожжей, 20,000 яицъ, 1,500 ф. масла. Изъ напитковъ, кромѣ винъ и ликеровъ, 3,000 бут. пива, 375 бочекъ того-же напитка, 2,650 литровъ молока и массу яствъ и напитковъ въ грандіозныхъ размѣрахъ.

О собакахъ.

Нѣкоторыя собаки имѣютъ способность узнавать своихъ хозяевъ даже на портретахъ. О подобномъ случаѣ рассказываетъ одинъ естественникъ. Кромѣ того собаки могутъ имѣть музыкальныя наклонности. Одна маленькая собачка не могла выносить извѣстный маршъ Шопена, но музыку Оффенбаха слушала съ удовольствіемъ.

Гдѣ люди живутъ дольше?

Одна нѣмецкая газета даетъ интересныя статистическія свѣдѣнія: среднее число лѣтъ въ Швеціи равняется—50, Англіи—45, Швейцаріи—44, Франціи—43, Австріи—39, Италіи—39 и Германіи—36.

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Сорванная роза.	3
Ожерелье Маріи	6
Что говоритъ человѣку лилія?	9
Братъ и сестра.	11
Семьдесятъ разъ семь.	13
Дорогая копеечка. (Разсказъ каторжника).	23
Урокъ любителямъ сплетенъ.	25
Братъ.	26
Сиротка Катя.	27
Зимній вечеръ.	28
Отецъ и сыновья.	30
Смѣсь.	31

Безплатное приложеніе къ журналу „Христіанинъ.“

НАЗЫВНІЙ
ХРИСТІАНИНЪ

СЛОВАМИ СЕТИ И КЕ БОЖЕВАН
ТЕ НАЗЫВНІЙ КО МНѢ РАКОВИ
ВО БѢСѢ ЦРЬВЪ НВОЕ МА БІ.ХІ

Кн. 2. Февраль. 1911.

МАЛЕНЬКІЙ

ХРИСТІАНИНЪ.

ДРАГОЦѢННОЕ НАСЛѢДСТВО ОДНОЙ ВДОВЫ.

Книжка 2-я.

СЕРГІЕВЪ ПОСАДЪ.

Типографія Св.-Тр. Сергіевой Лавры.

1911.

МАДЕНРІІ

ХРНСТІАНР.

Печатать дозволяется. Виоанія. Февраля 16 дня, 1911 года.
Цензоръ, Ректоръ Виоанской Духовной Семинаріи,
Архимандритъ Филиппъ.

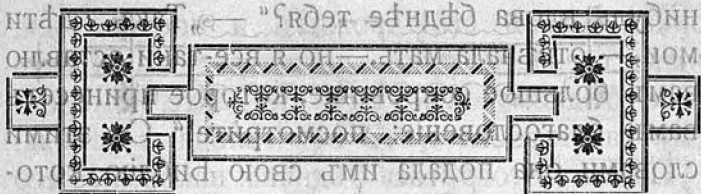
ННЖНН
2-Р.

ПОСЛАДЪ СЕРІЯВЪ

Тшпорѣія Ов-Тр. Сербіювоу Пярды

1911

ДРАГОЦѢННОЕ НАСЛѢДСТВО ОДНОЙ ВДОВЫ.

Видна бѣдная женщина лежала больною, и смерть ея уже была недалеко. Женщина эта была вдова и все время своего вдовства проводила въ молитвѣ и слезахъ. Теперь насталь часъ разлученія ея съ міромъ. Вокругъ ея постели стояли уже взрослыя дѣти ея, и глазами полными любви, смотрѣли на умирающую мать. Собравъ послѣднія силы, она еще разъ приподнялась и, взглянувъ на дѣтей сіяющимъ радостію взоромъ, сказала: „дѣти, я оставляю вамъ огромное сокровище“. Дѣти посмтрѣли съ удивленіемъ на мать и сказали: „милая матушка, какъ же это можетъ быть? Развѣ была когда-

нибудь вдова бѣднѣе тебя?“ — „Такъ, дѣти мои,— отвѣчала мать,—но я все-таки оставляю вамъ большое сокровище, которое принесетъ вамъ благословеніе: посмотрите!“ Съ этими словами она подала имъ свою Библію, которая лежала у ней подъ подушкой, и сказала: „знайте, дѣти, что нѣтъ ни одного листка въ этой книгѣ, который бы не былъ орошенъ моими слезами; вотъ это и есть сокровище, которое я оставляю вамъ: исполняйте все, что въ ней написано,—и вы будете счастливы“. Дѣти съ благоговѣніемъ приняли послѣдній даръ матери. Слова ея глубоко легли въ сердцахъ дѣтей. Они старались исполнить, чего требуетъ отъ насъ слово Божіе, и были людьми благочестивыми, добрыми и счастливыми: и они всеѣмъ повторяли, что Библія есть сокровище, которому нѣтъ цѣны на землѣ.

РСТЭВВ... Н... ТТН... О... В...
 Р... Н... Н... Р...
 а... е... е... е... е... е...
 !вдохх н вдохх ато атак нтсрвсх вх умэ
 отэ этмрджн, вхнндв рсатрото этнтэ
 -ом отр, втснхх ндвх этнвдох, этнкожпх н
 .эйтсврх вх гсвх атнхлсрлхх ано н, этжх

БѢДНОСТЬ.

е всѣмъ тепло и сытно живетъ зи-
 мою на бѣломъ свѣтѣ. Есть бѣдность
 непокрытая по деревнямъ, у которой
 ни угла теплаго, ни куска сытнаго
 нѣтъ. Холодно зимою въ нетопленной избѣ
 сидѣть. Холодъ и голодъ гонять старика
 изъ дому. Тяжело ему таскаться подъ окнами
 да Христа ради вымаливать кусокъ хлѣба;
 но голодъ да холодъ—не свой братъ... Нѣтъ
 у бѣдняка теплаго угла, нѣтъ и теплой одеж-
 ды; лаптишки худы, армякъ въ дырахъ—
 вѣтромъ шить, нищетою подбитъ, шляпа въ
 клочьяхъ. Холодъ до костей пробираетъ ста-

Пустите отогрѣться бѣдняка, накормите его и успокойте, подайте ради Христа, что можете, и онъ благословитъ васъ на счастье.

Дѣти съ благоговѣніемъ приняли похвалный
первостепенный отъ насъ похвалъ отъ насъ

[illegible]

ОТВЕТИЛО СВОЮ УМННД, ОЛВКПСТ ИЗВУЧАСТНИВЫМИ: И

ѿ ѿнѣ потѣнорѣи ономѣи бѣдоу хъ сѣти
вѣндетсѣи трѣноту вѣдоу хъ вѣнѣи адоу хъ вѣнѣи

нмвнжю гдоп рзтвкзвт умэ олэжрт. умод гзн

он пошел в поход — не свой брат... Нет!

— ЯЗЫКОВЫЕ ИЛИ КУЛЬТУРНЫЕ ПОСРЕДСТВА НЕ МОГУТ БЫТЬ ПРИМЕНЕНЫ В ОТНОШЕНИИ НЕКОТОРЫХ ПОДЪЕМНИКОВ, КОТОРЫЕ НЕ МОГУТ БЫТЬ ПОДЪЯТЫ С ПОМОЩЬЮ ТАКИХ ПОСРЕДСТВ.

ВТО АТЭВҚИДОҚИ ЙЭТСОЯ ОД АДОЛОХ АХВАРОКИ

Сиротка Груня.

Въ большомъ городѣ была ярмарка. Какъ разъ въ это время случилась страшная повальная (заразительная) болѣзнь. Много народу перемерло. И жилъ въ это время въ городѣ небогатый пріѣзжій торговецъ, съ женой и дочкой семилѣткой, по имени Груней. Отецъ и мать заболѣли; больныхъ тотчасъ же свезли въ больницу, чтобы отъ нихъ другіе не заразились, а Груню такъ и забыли. Осталась Груня одна. Плачетъ, бѣдная, отца съ матерью зоветъ. Плакала-плакала, да и задумала искать отца съ матерью.

Бродила Груня цѣлый день по улицамъ, наголодалась, притомилась, голубушка, наконецъ, спросами да разспросами добралась до больницы. Въ больницу ее не пускаютъ, прочь гонять, а она не уходитъ, плачетъ, да кричить: „къ мамѣ пустите! Христа ради, миленькіе, пустите!“

Ѣхалъ мимо купецъ Чапуринъ. Видитъ онъ: убивается дѣвочка, остановился, разспросилъ. Жалко ему стало дѣвочку, зашелъ въ больницу, разспросилъ о родителяхъ Груни; а они ужъ померли. Еще жалче стало купцу и рѣшилъ онъ: взять сиротку къ себѣ, замѣнить ей отца родного. Какъ порѣшилъ—такъ и сдѣлалъ. Привезъ Груню въ свою семью и говоритъ женѣ и двумъ дочерямъ: „жена, вотъ тебѣ третья дочка, а вамъ, дочери, сестрица“.

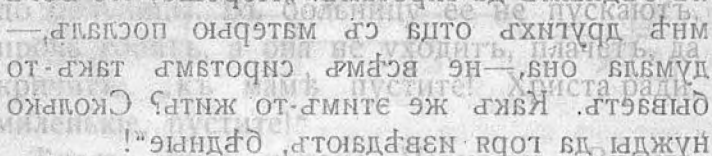
И стала жить Груня въ чужой семьѣ, какъ въ своей. Чапурины держали ее, какъ родную дочь: такъ же кормили, одѣвали, такъ же ласкали, учили, такое же приданое готовили, а дочери ихъ Груню сестрицей звали и крѣпко полюбили.

И Груня выросла дѣвочка—золото! умная,

ласковая, а главное—добрая-предобрая. Помнила она свое сиротство и крѣпко привязалась къ бѣднымъ да сиротамъ. „Хорошо, что Богъ мнѣ другихъ отца съ матерью послалъ,—думала она,—не всѣмъ сиротамъ такъ-то бываетъ. Какъ же этимъ-то жить? Сколько нужды да горя извѣдаютъ, бѣдные!“

Чапурины выдали Груню замужъ за хорошаго и любимаго ею человѣка, наградили ее наравнѣ съ своими дочерями. А Груня до конца жизни своей все о бѣдныхъ да сиротахъ печалилась да заботилась, и много сиротъ называли ее своей „матерью богоданной“.

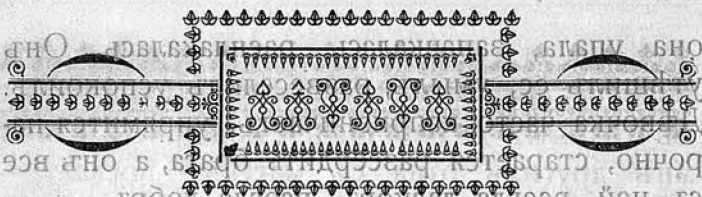
ВЪДЪ ЭТО МОЯ МАЛЕНЬКАЯ СЕСТРА!

Кончить заниматься, приготовить уроки и опять къ ней, онъ ее и уложить, онъ и убаюкаетъ. Все свободное время она съ нимъ. Сосѣди даже удивляются. Что за мальчикъ, точно нянька, все съ сестрой да съ сестрой! Разъ приходитъ онъ изъ школы, а

она упала, запачкалась, расплакалась. Онъ утѣшилъ ее, умылъ, развеселилъ успокоилъ. Дѣвочка часто капризничаетъ, упрямится нарочно, старается разсердить брата, а онъ все съ ней, всегда ласковъ, всегда добръ.

Платѣ у него простое и бѣдное, за то сердце золотое. Всѣ его любятъ и цѣнятъ.

— Митя, да что же ты не пойдешь поиграть съ товарищами? Развѣ тебѣ не скучно постоянно возиться съ этой дѣвочкой? говорятъ ему. Митя радостно улыбнулся и нѣжно поцѣловалъ ребенка.— Да вѣдь это моя маленькая сестренка! сказалъ онъ, прижимая ее къ себѣ и крѣпко цѣлуя.

ПРИЕМЫШЬ

1. Въ бѣдной тѣсной избѣ крестьянина Степана Воронина кишѣла работа: за верстакомъ, заваленнымъ цѣлой грудой желѣзныхъ и мѣдныхъ полосокъ, готовыхъ и полуготовыхъ замочковъ, кучей нехитрыхъ инструментовъ, сидѣлъ самъ хозяинъ, далеко еще не старый человѣкъ, но совершенно сгорбленный и болѣзненный на видъ; подлѣ него сидѣла дочь его, лѣтъ двѣнадцати, и складывала одна съ другой части замочковъ; хозяйка усердно работала тутъ же надъ совсѣмъ уже готовымъ замкомъ, подпиливая его уголки напильникомъ. Въ избѣ было душно и темно.

Вѣ работали молча. Потъ крупными каплями лился съ лицъ утомленныхъ работниковъ. Вдругъ, низенькая покосившаяся дверь со скрипомъ отворилась и въ комнату вошелъ мальчикъ лѣтъ 12-ти; снимая шапку и крестясь на образа, онъ оглядѣлъ избу и спросилъ: —

— Дядюшка Степанъ Воронинъ здѣсь живетъ?

— Здѣсь, — отвѣчала хозяйка, строго поглядывая на гостя. — А тебѣ что надо?

— Да вотъ къ вашей милости... Батюшка съ матушкой къ вамъ прислали. Не откажи, дяденька!.. Пожаръ у насъ въ деревнѣ былъ, погорѣли. Тятка въ Питерь ушелъ въ маляры, мамка въ работницы къ мельнику нанялась, а меня къ вамъ послали... не оставьте, Христа ради! Вѣчно буду Бога молить! — низко кланяясь, говорилъ мальчикъ.

— Та-акъ! — протянулъ дядя Степанъ, кладя напильникъ. — Жаль васъ, очень жалъ! Такъ къ намъ, говоришь, послали? — И дядя Степанъ задумался.

Ну, вотъ еще! — заворчала хозяйка. — Самимъ ѣсть нечего, съ хлѣба на квасъ пере-

бываемся, а тутъ еще нахлѣбника Богъ послалъ... — Она сердито бросила замочекъ на верстакъ и грозно оглядѣла мальчика. — Не по средствамъ намъ учениковъ держать, голубчикъ, да и тѣсно у насъ, самимъ повернута негдѣ...

— Никто какъ Богъ! — сказалъ Степанъ, — справимся, только бы мнѣ вотъ здоровьемъ поправиться. Выучится Яша мастерству, смотришь, намъ же помощникомъ будетъ. Ладно, Яша, оставайся съ Богомъ у насъ, учись, работай!

2. Замочное мастерство не особенно хитрое, оно требуетъ только усидчиваго и терпѣливаго труда. Яшѣ оно легко далось. Не прошло и недѣли, какъ въ избенкѣ Степана задолго до солнечнаго восхода усаживалось за верстакъ уже четыре работника, и новый работникъ, Яша, такъ ловко справлялся съ желѣзными полосками, винтиками и шпиньками, что дядя Степанъ улыбался, поглядывая на его работу, да приговаривалъ: „Не даромъ парень хлѣбъ-то ѣстъ! Толкъ изъ него выйдетъ непременно!“ Хозяйка, и та уже не такъ часто косилась и ворчала на Яшу. Скоро Яша

совсѣмъ освоился съ новой семьей, сроднился съ нею. Обращались съ нимъ ласково, не бранили, не били, кормили тѣмъ же, что и сами ѣли. Работа Яшѣ нравилась; скоро онъ выучился дѣлать замки, а потомъ и ножи, и даже ножницы. На первыхъ порахъ не легко ему было цѣлый день, не разгибая спины, просиживать за верстакомъ. Потомъ мало-по-малу привыкъ, и ему приятно было думать, что и онъ можетъ сработать настоящую вещь, какъ мастеръ, что и онъ помогаетъ семьѣ, которая его приняла. А время все шло да шло. Вотъ уже больше года прожилъ Яша у дяди Степана. Настала осень холодная, дождливая. Дядя Степанъ съ лѣта прихварывалъ, а тутъ и совсѣмъ плохо ему стало: цѣлыми днями на печкѣ лежалъ подъ тулупомъ, кашлялъ, стоналъ, охалъ. Хозяйка съ дочкой печалились, работа у нихъ не спорилась, то и дѣло грустно поглядывали онъ на печку. Яша же неутомимо работалъ, молоточекъ его проворно и бойко постукивалъ. Кабы не онъ, трудно было бы семьѣ, хоть по міру иди.

3. Въ одно ненастное утро въ бѣдной,

полутемной избушкѣ было особенно тихо и тоскливо...

Вдругъ въ избу ввалился высокій парень. — Письмецо вотъ тутъ есть Якову Панкратьеву, — громко сказалъ онъ, подавая Яшѣ большой конвертъ. — На, бери! изъ Питера письмо-то!

Дрожащими руками взялъ Яша письмо и началъ читать. Письмо было отъ тятки изъ Питера. Писалъ онъ, что живетъ хорошо, хозяиномъ своимъ доволенъ, денегъ зарабатываетъ не мало. Зоветъ и Яшу къ себѣ въ Питеръ, хочетъ и его къ малярному дѣлу приучить, обѣщаетъ и денегъ на дорогу выслать.

Прочелъ Яша письмо, задумался, прильнулъ лбомъ къ холодному стеклу окна и долго такъ стоялъ. Призадумалась и вся семья дяди Степана — какъ имъ безъ Яши быть?

— Нѣтъ, дядя Степанъ! — заговорилъ вдругъ Яша, отворачиваясь отъ окна и подходя къ печкѣ, — нѣтъ, дядя! не пойду я въ Питеръ, Богъ съ нимъ! Зачѣмъ мнѣ васъ покидать? Вы меня ласково приняли, какъ родного, поили, кормили, худого слова отъ

васъ не слыжалъ, Мастерству еще обучили.
Нѣтъ, дяденька, не пойду я отъ васъ!

Дядя Степанъ крѣпко обнялъ Яшу, отъ волненія не могъ слова вымолвить. У всѣхъ какъ камень съ души свалился, всѣ повеселѣли.

— Теперь хоть умру спокойно,—думалъ дядя Степанъ,—по міру не пойдутъ!

Сохрани ихъ Господь и помилуй!

ДРЪЗВЪ

Незвановъ.

Вот и кончилась эта история. И теперь
каждый из них пошел своим путем.

— Теперь тох уму охоту
есть, а не то что раньше.

ДРУЗЬЯ.

Басня И. Хемницера.

лучилось мужику чрезъ ледъ пере-
ѣзжать, и возъ его сквозъ ледъ, къ
несчастію, провалился. Мужикъ ме-
таться и кричать: „Ой, батюшки! тону!
ой! помогите!“

— „Ребята! что же вы стоите? Поможемте“!
одинъ другому говорилъ, кто вмѣстѣ съ
мужикомъ въ одномъ обозѣ былъ.

„Поможемъ“, каждый подтвердилъ; но къ
возу между тѣмъ никто не подходилъ; а
должно знать, что всѣ одной деревни были,
друзьями межъ собою слыли, не разъ за
братское здоровье вмѣстѣ пили, а сверхъ того

между собой, для утверждения ихъ дружбы
круговой, крестами даже помѣнялись. Другъ
друга братомъ всякъ зоветъ, а братній возъ
ко дну идетъ.

По счастью мужика, сторонніе сбѣжались и вытащили возъ на ледъ.

Но скажите, сдѣлайте милости, какъ не стыдно этому толстому господину, который сидитъ въ саняхъ! Какъ онъ не запретить извозчику мучить бѣдную лошадку? Этотъ толстый господинъ завернулся въ шубу, нахлобучилъ на глаза шапку и опять сѣднемъ.

— А мнѣ что? — бодромечетъ

[illegible]

и вытатины возъ на мѣдѣ.

ДРУЗЬЯ

Басня И. Крылова.

БѢДНЫЙ ГНѢДКО.

Изъ разсказа кн. В. Одоевскаго.

Посмотрите, посмотрите, мои друзья, какой злой извозчикъ, какъ онъ бьетъ лошадку!... Въ самомъ дѣлѣ, она бѣжитъ очень плохо... Отчего же это? Ахъ, бѣдный Гнѣдко, да онъ хромаетъ.

— Извозчикъ, извозчикъ! какъ не стыдно: вѣдь ты совсѣмъ испортишь свою лошадь, ты ее до смерти убьешь....

Но онъ не слушаетъ насъ, онъ уже далеко. Вотъ онъ на Невѣ и все погоняетъ бѣдную лошадь! а лошадь спотыкается, и что шагнетъ,

то ей больно. Бѣдная лошадка! Какое ей мученье!

А еще ребятишки бѣгутъ за санями, да смѣются и надъ лошадкой, и надъ извозчикомъ. А онъ еще больше злится и вымещаетъ свою злость на лошаdkъ.

Но скажите, сдѣлайте милость, какъ не стыдно этому толстому господину, который сидитъ въ саняхъ! Какъ онъ не запретитъ извозчику мучить бѣдную лошадку? Этотъ толстый господинъ завернулся въ шубу, нахлобучилъ на глаза шляпу и сидитъ сиднемъ, какъ ни въ чемъ не бывало.

А мнѣ что за дѣло, — бормочетъ про себя толстый господинъ: — я спѣшу на обѣды. Пусть извозчикъ убьетъ свою лошадь; не моя лошадь, мнѣ что за дѣло.

Бѣдный Гнѣдко! какъ мнѣ жаль его! Я давно знаю эту лошадку. Я помню, какъ она была еще жеребенкомъ. Тогда, бывало, по веснѣ солнце свѣтитъ, птички чирикаютъ, роса блеститъ на лужайкахъ, въ воздухѣ свѣжо и душисто. Вотъ Сѣрко пашетъ землю, а нашъ жеребенокъ бѣгаетъ вокругъ матки: то подбѣжить къ ней, то отскочить, пощип-

летъ молодую травку, и опять къ матери, и опять брыкнетъ: веселая тогда была его жизнь! Вечеромъ возвратится домой; его встрѣтятъ Ванюша съ Дашею, расчешутъ его коротенькую гривку, вытрутъ соломкою. Ужъ какъ Ванюша съ Дашею любили своего жеребеночка! Бывало, вмѣсто того, чтобы бѣгать безъ всякаго дѣла, они нарвуть молодой травки, положить въ коробокъ и кормятъ своего жеребеночка; на ночь натаскаютъ ему подстилки, да и днемъ кусочка хлѣба не съѣдятъ, чтобы не подѣлиться съ своимъ пріятелемъ. И какъ жеребенокъ-то зналъ ихъ! Бывало, издали увидитъ Ванюшу съ Дашею, пустится къ нимъ со всѣхъ ногъ, прибѣжитъ, остановится и смотреть на нихъ, какъ собачка. Въ такой холѣ подростъ нашъ жеребеночекъ, выравнился и сталъ статною лошадкою. Вотъ отецъ Ванюши подумалъ, подумалъ, погадалъ:—жалко такую лошадь въ соху запрещъ; сведу-ка я ее въ городъ, да продамъ; мнѣ за нее цѣну двухъ лошадей дадутъ. Сказано, сдѣлано: свели Гнѣдка на Конную, въ Петербургъ, продали извознику. А ужъ какъ плакали Ванюша съ Дашею, какъ

они упрашивали извозчика беречь ихъ Гнѣдка, не заставлятъ его возить тяжести, не мучить его...

Они воротились домой очень печальные: чего-то имъ недоставало. Отецъ радовался, что получилъ за Гнѣдка хорошія деньги, дѣти же горько плакали.

ВЪСТЪПЪ Н СОЛНЦЕ

ВѢТЕРЬ И СОЛНЦЕ.

К. Ушинскаго.

днажды солнце и сердитый сѣверный вѣтеръ затѣяли споръ о томъ, кто изъ нихъ сильнѣе. Долго спорили они и, наконецъ, рѣшили помѣряться силами надъ путешественникомъ, который въ это самое время ѣхалъ верхомъ по большой дорогѣ. Вотъ отецъ Ванюши подумалъ, подумалъ, „Посмотри“, сказалъ вѣтеръ, „какъ въя налечу на него; мигомъ сорву съ него плащъ!“ Сказалъ—и началъ дуть, что было мочи. Но чѣмъ болѣе старался вѣтеръ, тѣмъ крѣпче закутывался путешественникъ въ свой плащъ; онъ ворчалъ на непогоду, но ѣхалъ все даль-

ше и дальше. Вѣтеръ сердился, свирѣпѣлъ, осыпалъ бѣднаго путника дождемъ и снѣгомъ, проклиная вѣтеръ, путешественникъ надѣлъ свой плащъ въ рукава и подпоясался поясомъ. Тутъ уже вѣтеръ и самъ убѣдился, что ему плаща не сдернуть.

Солнце, видя безсиліе своего соперника, улыбнулось, выглянуло изъ-за облаковъ, обогрѣло, осушило землю, а вмѣстѣ съ тѣмъ и бѣднаго полузамерзшаго путешественника. Почувствовавъ теплоту солнечныхъ лучей, онъ пріободрился, благословилъ солнце, самъ снялъ свой плащъ, свернулъ его и привязалъ къ сѣдлу.

„Видишь ли“, сказало тогда кроткое солнце сердитому вѣтру: „лаской и добротой можно сдѣлать гораздо болѣе, чѣмъ гнѣвомъ“.

Работники, занятые поводомъ, въ онъ въ энъ, эшнлодъ нмъ, үтсрү вэ, нмвдъ ттовъ онъ, эст, йотудъ рэдункнъкто умэ, йоя рдъшнлэвэ, н таломо, эжнло, н эжнло эвэ, йоя, йитъ.

НОЧЕВКА ВЪ ЛЬСУ.

А. Печерскаго.

Путники рѣшились заночевать. Лошадей выпрягли, задали имъ овса. Утоптали вокругъ снѣгъ и сдѣлали приваль. Топоровъ оказалось два, работники начали сучья и валежникъ рубить, констры складывать вокругъ привала, и, когда стемнѣло, зажгли ихъ. Потапъ Максимычъ вытащилъ изъ саней кожаный мѣшокъ, вынулъ изъ него хлѣба, пироговъ, капусты и мѣдный кувшинъ съ квасомъ. Устроили постную трапезу: тюри съ лукомъ, накрошили, капусту съ квасомъ, грибовъ соленыхъ. Хотя не важно, да здѣрово поужинали.

Но вотъ вдали, за версту или больше, слышался вой; ему откликнулся другой, третій; вой—все ближе и ближе; смолкъ, и

послышалось пряданіе звѣрей по насту, ворчаніе звѣрей, стукъ зубовъ...

Ни одинъ звукъ не пропадаетъ въ лѣсной тиши.

— Волки! боязно прошепталь Потапъ Максимычъ, толкая въ бокъ задремавшаго Стуколова.

Дюковъ и работники давно уже спали крѣпкимъ сномъ.

— А... Что!... промычалъ, приходя въ себя, Стуколовъ. — Что ты говоришь?

— Слышишь? Воютъ, говорилъ смутившійся Потапъ Максимычъ.

— Да, воютъ... равнодушно отвѣчалъ Стуколовъ. — Эхъ, ихъ что тутъ! Чуютъ мясо.

— Бѣда! шопотомъ промолвилъ Потапъ Максимычъ.

— Какая же бѣда? никакой бѣды нѣтъ! А вотъ побольше огня надо... Эй вы, ребята! крикнулъ онъ работникамъ. — Проснись! Вали на костры больше. — Не будь тебѣ...

Работники встали неохотно и вмѣстѣ со Стуколовымъ и съ самимъ Потапомъ Максимычемъ навалили громадныя костры. Огонь сталъ было слабѣе, но вотъ заиграли пламена

ные языки по хвосту, и зарево разлилось пуще прежняго.

Видимо-невидимо!... говорилъ осторопѣвшій Потапъ Максимычъ, слыша со всѣхъ сторонъ волчи и голоса —

Звѣрей уже можно было видѣть. Освѣщенные заревои, они сидѣли кругомъ пощелкивая зубами.

— Эхъ, ружья-то нѣтъ: пугнуть бы сврыхъ, молвилъ Стуколовъ.

— Молчи ты, какое тутъ еще ружье! Того и глади сожрутъ.. тревожно говорилъ Потапъ Максимычъ.

А волки все близятся; было ихъ до пятидесяти, коли не больше. Смѣлость звѣрей росла съ каждой минутой: не дальше какъ въ ста саженьхъ сидѣли они вокругъ костровъ, щелкали зубами и завывали. Лошади давно покинули торбы съ лакомымъ овсомъ, жались въ кучу и, прядая ушами, тревожно озирались.

Безъ малаго, часъ времени прошелъ, а путники все еще сидѣли въ осадѣ. До свѣту оставаться въ такомъ положеніи было нельзя, тогда, пожалуй, и костры не помогутъ, да и не

хватить заготовленнаго валежника и хвороста на поддержаніе огня. Но Стуколовъ человѣкъ бывалый, недаромъ много ходилъ по бѣлу свѣту. Когда волки были настолько близко, что до любого изъ нихъ палкой можно было добросить, онъ разставилъ путниковъ своихъ по мѣстамъ и велѣлъ, по его приказу бросать въ волковъ изо всей силы горящія лапы.

— Разъ... два... три!.. крикнулъ Стуколовъ, и, выступивъ за костры, путники еще пустили по горящей лапѣ.

Завыли звѣри; но когда Стуколовъ, схвативъ чуть не саженную пылающую лапу, бросился съ нею впередъ, волки порскнули вдаль—и черезъ нѣсколько минутъ ихъ не было слышно.

— Теперь не прибѣгутъ, молвилъ Стуколовъ, надѣвая шубу и укладываясь въ сани.

— Дошлый же ты человѣкъ, Якимъ Прохоровичъ, молвилъ Потапъ Максимычъ, когда опасность миновала.—Не будь тебя, сожрали бы они насъ!

Стуколовъ не отвѣчалъ. Завернувшись съ головой въ шубу онъ заснулъ богатырскимъ сномъ.

Земля — шаръ.

Если мы находимся на ровномъ мѣстѣ, на примѣръ, стоимъ на полѣ или плывемъ по морю, то намъ представляется, что земля есть плоскій кругъ, за края котораго небо опускается въ видѣ свода или полушара. Та линія, гдѣ, какъ намъ кажется, небо сходится съ землею, называется *горизонтомъ*. Въ древности люди и думали поэтому, что земля есть плоскій кругъ.

Однако, замѣтили, что если мы ѣдемъ по открытой равнинѣ и приближаемся къ какому-нибудь селу съ церковью, то сначала мы видимъ крестъ на колокольнѣ, затѣмъ верхнюю часть ея и подъ конецъ всю коло-

кольно. То же самое произойдетъ и съ любымъ высокимъ предметомъ—съ деревомъ, фабричной трубой. Это можно объяснить только тѣмъ, что земля не плоская, и выпуклость земли скрываетъ отъ нашего глаза нижнюю часть колокольни, дерева. Такимъ же образомъ въ морѣ: когда приближается корабль или пароходъ, то мы видимъ сперва дымъ парохода и верхушки мачтъ, затѣмъ показываются паруса и трубы и подъ конецъ и самый корпусъ корабля.

Итакъ, даже въ самыхъ ровныхъ мѣстахъ земля не плоская, а выпуклая.

Если бы земля была плоскимъ кругомъ, то мы могли бы, поѣхавши въ какую-нибудь сторону, доѣхать, наконецъ, до ея края. На самомъ же дѣлѣ, если мы поѣдемъ все прямо, напримѣръ на западъ, то въ концѣ концовъ возвратимся на то же самое мѣсто, только съ востока. Это показываетъ намъ, что у земли края нѣтъ, какъ напримѣръ нѣтъ края у арбуза или у апельсина, что землю можно объѣхать кругомъ.

Въ первый разъ это сдѣлалъ португальскій путешественникъ Магелланъ, около 400 лѣтъ

тому назадъ. Такія путешествія вокругъ земли называются *кругосвѣтными* и совершаются теперь очень часто. При этомъ оказывается, что, въ какую бы сторону ни поѣхали вокругъ земли, пройденный путь будетъ всегда почти одинаковъ по своей длинѣ (разумѣется, если ѣхать все прямо по одному и тому же направленію); это значитъ, что обхватъ земли по всѣмъ направленіямъ одинаковъ, а это можетъ быть только на шарѣ. Слѣдовательно, *земля есть шаръ*.

Обхватъ, или окружность земли, около 37.800 верстъ (40.070 километровъ), а поперечникъ, или *діаметръ*, земли приблизительно 12 тысячъ верстъ (12.750 километровъ).

Однако земля не есть правильный шаръ: съ двухъ противоположныхъ сторонъ она слегка сплюснута, такъ что по формѣ скорѣе всего напоминаетъ апельсинъ.

Изъ *жн. Чедринова*

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

Драгоцѣнное наслѣдство одной вдовы.	3
Бѣдность.	5
Сиротка Груня.	7
Вѣдь это моя маленькая сестра!	10
Пріемышъ.	12
Друзья.	18
Бѣдный Гнѣдко.	20
Вѣтеръ и солнце.	24
Ночевка въ лѣсу.	26
Земля—шаръ.	30

Безплатное приложеніе къ журналу „Христіанинъ.“

НАЗОВНИЙ ХРИСТІАНИНЪ

ГОТОВИТЕ СЕРДЦА И НЕ ВОЗРАЖАЙТЕ
ТЕ МНѢ ПУТИ И МОИ РАДОВАНЬЯ
БО ЕСТЬ СЛОВО ИСТИНОЕ НА ЗЕМЛИ

Кн. 3. Мартъ, 1911.

КНИЖКА
ВНЕШНЯЯ
ПЕЧАТЬ
МУЗ.

МАЛЕНЬКІЙ ХРИСТІАНИНЪ.

Книжка 3-я.

—
Типографія Св.-Тр. Сергіевой Лавры.

1911.

Печатать дозволяется. Виоанія. Марта 6 дня, 1911 года.
Цензоръ, Ректоръ Виоанской Духовной Семинаріи,
Архимандритъ Филиппъ.

ТЕБѢ ПОЕМЪ.

Тебѣ поемъ, Господь нашъ Вседержи-
тель!

Ты Весь Добро, Прощенье и Любовь!

Тебя благословимъ, нашъ дивный

Искупитель,

Пролившаго за насъ Божественную Кровь.

* *

Тебя благодаримъ за всѣ Твои дѣянья.

За милосердіе неизреченное Твое.

За каждый мигъ, за каждое дыханье,

За радость и страданіе свое.

* *

За все, за все, что волею Святою
Пошлешь на долю намъ на жизненномъ пути,
И горе, и нужду, съ открытою душою
Готовы мы съ терпѣніемъ нести.

Мы твердо вѣруемъ,—кто здѣсь путемъ тер-
нистымъ

Идетъ безропотно, кто здѣсь слезу прольетъ,
Кто ко Христу стремится сердцемъ чистымъ
Тотъ въ небесахъ прощеніе найдетъ.

Колѣна сердца своего передъ Тобой склоняя,
Мы просимъ ниспослать намъ благодать Свою,
И молимся, Боже нашъ взывая:
„Спаси, помилуй душу, грѣшную мою!

Н. Сорокина.

ПРИИДИТЕ КО МНѢ.

„Лѣчить бесплатно отъ всѣхъ болѣзней. Успѣхъ обезпеченъ“. Такой плакатъ былъ вывѣшенъ въ одномъ городѣ. „Приемные часы узнать“...

Далѣе слѣдовалъ адресъ. На слѣдующій день подъѣздъ „доктора“ осаждался народомъ.

На крыльцо вышелъ проповѣдникъ и сказалъ рѣчь.

„Врачъ, Который зоветъ васъ—Господь Христось. Приидите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Я успокою васъ“.

„Онъ лѣчитъ всѣ болѣзни, подаетъ покой

всѣмъ труждающимся. Онъ лѣчитъ собственной Своей кровью. Приходите и исцѣлитесь...

„Пріемъ всегда“.

Проповѣдника едва не побии камнями...

Да, есть великій Врачъ и Онъ зоветъ къ Себѣ. Къ Нему не идутъ.

Онъ общаетъ исцѣленіе всѣхъ недуговъ духа,—и идутъ не къ Нему, а къ хиромантикамъ, ворожеямъ, пожалуй—врачамъ. Но не къ Божественному Врачу.

Бога ищетъ душа челоѡька...

ѡьдныя мы люди! Изъ-за чего мы такъ волнуемся и страдаемъ? чего съ такою жаждою ищемъ?.. Все здѣшнее такъ ничтожно, такъ непостоянно и призрачно.

Добивается челоѡькъ какого-либо блага, и кажется ему: вотъ въ чемъ жизнь и счастье,— безъ этого онъ и существовать не можетъ.. Но такъ ли это? Нѣтъ, это какой-то внутреннй самообманъ, или обольщеніе вражье.. Вѣдь сколько уже было этихъ исканій и стремленій! Кажется—многого достигли... а удовольстворенья все же нѣтъ. И это потому, что никакое благо земное истинной жизни дать безсмертной душѣ челоѡька не можетъ.. Получается благо—и самообольщеніе исчезаетъ. Опять не то... не того душа ищетъ... Опять тоска и исканіе...

Бога ищетъ душа челоѣка! О Немъ безотчетно тоскуетъ... Что можетъ быть на свѣтѣ лучше Бога?! Отъ всего душа устаетъ, ни въ чемъ не находитъ покоя и счастья,—только въ одномъ Богѣ—источникѣ всякаго блага... Хорошо съ Нимъ душѣ,—привольно, безопасно, легко, спокойно, радостно... О, если бы всѣ познали это, прочувствовали, и не забывали ни на минуту!... Блаженъ былъ бы челоѣкъ, если бы только Бога искалъ, Имъ однимъ жилъ, дышалъ и радовался. Тогда онъ наслаждался бы истинной свободой... Тогда все приложилось бы ему.

—Дорога эта свобода во Христѣ,—свобода отъ страстей, привязанности къ чему-либо земному, преходящему... Поэтому надо благодарить Бога, когда Онъ, скорбными случаями, разрушаетъ идоловъ нашего сердца...

Сначала больно, а потомъ вздохнешь свободно и радостно, подобно тому какъ бываетъ—выйдешь изъ душнаго воздуха пыльнаго города, и всею грудью вздохнешь свѣжимъ воздухомъ полей и лѣсовъ...

А. Г. Л.

...ОІНБЖЭН Н ВЖСОТ

СКРЫТЫЙ ГРѢХЪ.

Третья недѣля Великаго поста. Въ ма-
ленькой домовоѣ церкви собралось
много говѣющихъ. Около окна на де-
ревянномъ приступочкѣ стояла дама съ дѣ-
вочкой лѣтъ 10-ти. Дѣвочка была скромно
одѣта въ блѣдое кисейное платье. Един-
ственнымъ украшеніемъ ея были роскошные
золотые волосы, разсыпавшіеся локонами по
спинѣ. Повидимому, дѣвочка стояла спокойно,
но, если взглянуть пристальнѣе, видно было,
что она чѣмъ-то была разстроена. Она то
блѣднѣла, то краснѣла и когда поднимала на
образы свои голубые глаза, въ нихъ видно

было какое-то смущеніе и даже страхъ. Мать усердно молилась и не обратила вниманія на дѣвочку. По мѣрѣ того, какъ подходило время причащаться, волненіе дѣвочки все усиливалось и когда она подошла къ Св. Чашѣ, то еле сдерживала рыданія. Даже священникъ обратилъ вниманіе на ея глаза, полные слезъ и сказалъ: „успокойся, дѣвочка“, и продолжалъ свое дѣло.

Наконецъ, обѣдня кончилась и всѣ стали подходить къ Кресту. Подошла и знакомая намъ дѣвочка со своей матерью. „Какъ звать вашу дочку, сударыня?“ спросилъ священникъ. „Нина, батюшка!“ „Умница какая, какъ ты хорошо молишься и умиляешься душой; Богъ тебя не оставитъ“. Всѣ съ удовольствіемъ, слушали эти слова, но, къ удивленію ихъ, Нина вдругъ закрыла лицо руками и разразилась громкимъ плачемъ. „Не хвалите меня“, прерывающимся голосомъ говорила она. „Я вчера одинъ грѣхъ не сказала; стыдно было, а сегодня не могу больше скрывать, пусть всѣ знаютъ, какая я загадкая дѣвочка. Я ту мамѣ взяла деньги потихоньку и купила книжку, а мама такъ жалѣла и искала ихъ.

Я хотѣла бы теперь умереть“. „Дитя мое, сказалъ священникъ, правда ты согрѣшила, но ты сама раскаялась, значить этотъ грѣхъ не повторится и тебя не только никто не осудить, но будутъ любить больше прежняго.“

„Много есть людей, которые грѣшатъ и въ душѣ раскаиваются, но рѣдко и даже почти невозможно найти такого человѣка, который рѣшился бы передъ всѣми людьми открыть грѣхи свои. Богъ благословить тебя, дитя, всю жизнь поступай такъ же“. Священникъ замолчалъ. Богомольцы стали расходиться молча, но видно было, что этотъ случай произвелъ на всѣхъ глубокое впечатлѣніе.

Въ рѣдкіе моменты жизни, когда душа человека освобождается отъ грѣховъ, онъ чувствуетъ, что это великое счастье, и тогда онъ готовъ на все, чтобы избавиться отъ грѣха. Но если грѣхъ не освобождаетъ душу, а только усиливаетъ ее, то онъ становится еще более опаснымъ.

Въ такомъ случаѣ, если грѣхъ не освобождаетъ душу, а только усиливаетъ ее, то онъ становится еще более опаснымъ. И тогда онъ становится еще более опаснымъ.

Итакъ, если грѣхъ не освобождаетъ душу, а только усиливаетъ ее, то онъ становится еще более опаснымъ. И тогда онъ становится еще более опаснымъ.

Волшебные очки.

Какъ жаль, что теперь нѣтъ волшебницъ! Онѣ исполняли бы наши желанія, сказала маленькая Са-ша, рассматривая карманную зрительную трубу своей матери, которую та получила въ подарокъ ко дню своего рожденія. Я бы знала, что спросить у нихъ.

— „Вѣрно, такую же трубку, какъ моя?“ замѣтила, улыбаясь, мать.

— Не совсѣмъ такую. Я бы желала видѣть черезъ эти стекла не одни лица и предметы,— я ихъ и такъ хорошо вижу,—но я бы хотѣла видѣть все, что кроется подъ ними,—

напримѣръ, сердца людей, узнать ихъ мысли, желанія, а также, кто изъ нихъ добръ, кто золь.

— „Я очень рада, сказала мать,—что не имѣешь такихъ стеколъ; иначе ты нажила бы себѣ очень много враговъ“.

— Почему же, мама?—спросила дѣвочка.

— „Неужели ты думаешь, мой другъ, было бы пріятно людямъ знать, что они не могутъ ничего скрыть,—и что сердца ихъ открыты предъ тобою, къ тому же, видя больше дурного, нежели хорошаго, ты сама будешь несчастна. Погоди, мнѣ припомнилась сказочка. Она объяснить тебѣ то, чего ты не понимаешь.“

Давно, очень давно жилъ на свѣтѣ нѣкоторый человѣкъ; онъ желалъ имѣть очки съ такими стеклами, какихъ желаетъ ты, и получилъ ихъ. Только, разъ надѣвши ихъ, онъ уже не могъ ихъ снять. Что же случилось?..

Сердца людей со всѣми помысленіями открылись передъ нимъ, но въ нихъ видѣлъ онъ больше дурного, чѣмъ хорошаго. Онъ проникалъ своими стеклами въ сердца самыхъ испытанныхъ, самыхъ любимыхъ дру-

зей своихъ—и вездѣ находилъ недостатки. Это навело на него большую грусть. Онъ сталъ обращаться съ ними холодно, недобѣрчиво. Тѣ сначала удивлялись, огорчались, не зная чему приписать такую перемену, наконецъ, оставили его одного. Одиночество тяготило несчастнаго; но онъ не хотѣлъ глядѣть другими глазами на людей, которые всѣ ему казались хуже его самого, и въ своей грусти сталъ просить себѣ у Бога смерти. Вмѣсто смерти явился къ нему ангелъ съ кроткимъ, привѣтливымъ лицомъ и голубыми глазами.

— „Я—любовь,—сказалъ небесный вѣстникъ;—я пришелъ помочь тебѣ и разсѣять твое заблужденіе. Ты ищешь въ другихъ совершенства. Но можетъ ли найти его тотъ, кто самъ исполненъ недостатковъ? Разсмотри сначала твое собственное сердце и потомъ осуждай ближнихъ, если посмѣешь!“—При этихъ словахъ ангелъ коснулся чудесныхъ очковъ, и предъ тѣмъ человекомъ открылось его собственное сердце, которое было гораздо хуже сердецъ его ближнихъ.

— „Боже, какой я грѣшникъ! Прости

меня“,—воскликнулъ онъ, и очки упали къ ногамъ его.

— „Люби ближняго, какъ самого себя,—сказалъ ангелъ,—такова заповѣдь Господа. Старайся прощать другимъ ихъ недостатки—и ты будешь счастливъ на землѣ и прощень на томъ свѣтѣ“.

Человѣкъ исполнилъ повелѣніе ангела, и весь міръ, всѣ люди стали казаться ему лучше и добрѣе, потому что онъ помнилъ то, что разсмотрѣлъ въ своемъ сердцѣ. И теперь, глядя на другихъ, онъ старался отыскивать въ нихъ только хорошія стороны и чрезъ это самъ дѣлался лучше и счастливѣе.

— Поняла ли ты мою сказочку, Саша?—спросила мать.

Будемъ и мы съ тобой смотрѣть на себя въ тѣ волшебные очки, а на другихъ въ простыя стекла. *Намъ заповѣдано любить ближнихъ, а не подыскиваться подъ ихъ недостатки.* Довольно съ насъ и того, если мы узнаемъ и исправимъ наши собственные.

Сорная трава.

дна благочестивая мать, вмѣстѣ съ своими маленькими дочерьми, занималась въ своемъ небольшомъ огородѣ вырываніемъ сорной травы. Работа шла скоро и весело. Дочери поспѣшно рвали сорную траву, росшую среди овощныхъ растеній, и не замѣчали, какъ текло время, потому что, кромѣ своей работы, онѣ были заняты разсказами матери о древнихъ христіанскихъ подвижникахъ. Предъ окончаніемъ работы младшая дѣвочка окинула своимъ взглядомъ очищенное мѣсто, и ей жаль стало той травы, которая такъ красовалась прежде

среди грядъ, испещряя весь огородъ разнообразными цвѣточками.

— Милая матушка, сказала она, я не буду полоть всей этой гряды. Мнѣ грустно взглянуть теперь на нашъ огородикъ: тутъ такъ прекрасно расцвѣтали и репейникъ, и анютины глазки, и клеверъ, а теперь всё—какъ будто мертво, и нечѣмъ мнѣ полюбоваться.

Мать согласилась и уважила желаніе своей, еще мало понимавшей дочери: полугряда огурцовъ осталась покрытою сорными травами. Недѣли черезъ двѣ въ огородъ стали созрѣвать плоды. Младшая изъ дѣвочекъ болѣе всѣхъ томилась ожиданіемъ, когда же придетъ возможность сорвать свѣженькій огурчикъ или выдернуть вкусную морковку. Каково же было ея удивленіе, когда на оставленной ею невыполонной грядкѣ она не нашла ничего кромѣ отцвѣтшей, потому и не красивой болѣе травы? Съ печальнымъ видомъ возвратилась она къ своей доброй матери.

— Милая мама! сказала она со слезами на глазахъ. „Ты знаешь, что я прежде радовалась, смотря на грядку, которую ты мнѣ поз-

волила оставить покрытою сорною травой... Теперь на ней ничего нѣтъ, кромѣ почти засохшей травы, тогда какъ нашъ огородъ и зеленъ, и свѣжъ, и уже принесъ плоды!...

На эти кроткія слова раскаянія добрая мать отвѣчала ласковымъ словомъ утѣшенія и участія.

— Слушай же, мое милое дитяtko, — помни, что огородъ подобенъ нашей душѣ. Какъ въ огородѣ, такъ и въ нашей душѣ есть много добраго; но есть въ немъ (и еще болѣе) и худое. Что добрыя растенія въ огородѣ, то добрыя желанія въ нашей душѣ; сорная трава — это наши грѣхи и злыя желанія. Какъ тебѣ грустно было смотрѣть на очищенный огородъ, потому что онъ сдѣлался пустымъ: такъ грустно и тяжело человѣку оставить свои худыя привычки: безъ нихъ ему жизнь кажется посылкою... Онъ не оставляетъ ихъ, не старается истребить — и что же? Онъ приводитъ его на край гибели; все доброе въ немъ умираетъ; онъ перестаетъ любить Бога, ближнихъ, своихъ родителей... Вотъ смерть лишаетъ его жизни, онъ является предъ Богомъ, и нѣтъ у него ничего, никакихъ доб-

рыхъ дѣлъ. И самые пороки, какъ тебѣ теперь трава, не кажутся ему болѣе пріятными; но послѣ смерти нѣтъ покаянія. Онъ подвергается вѣчному осужденію“.

Откройте, дѣти, евангеліе и прочитайте Матѳ. III, 10.

Одна изъ дѣвочекъ прочитала: *уже и сѣкира при корнѣхъ деревъ лежитъ: всякое дерево не приносящее добраго плода, срубаютъ и бросаютъ въ огонь.*

„Запомните это мѣсто, и старайтесь никогда не забывать его“, сказала мать своимъ дѣтямъ. „Дерево, не приносящее плодовъ,—то же что сорная трава. Оно означаетъ чело-вѣка, не дѣлающаго добрыхъ дѣлъ,—человѣка, преданнаго пороку. Бѣгайте же грѣха, этого сорнаго растенія, которое такъ часто заглушаетъ въ людяхъ все доброе.“

Гвоздь.

динъ купецъ выгодно устроилъ дѣла на ярмаркѣ, всѣ товары распродалъ и набилъ кошелькъ золотомъ и серебромъ. Онъ рѣшилъ тотчасъ же отправиться въ обратный путь, чтобы при наступленіи ночи быть уже дома. Въ обѣдъ прибылъ онъ въ какой-то городъ. Когда онъ собирался ѣхать дальше, трактирный слуга подвелъ ему коня и сказалъ: „Сударь, на лѣвой задней ногѣ вашей лошади въ подковѣ не хватаетъ одного гвоздя“. — „Ну, и пускай его! — отвѣчалъ купецъ. — Мнѣ не болѣе шести часовъ быть въ пути; подкова продержится. А я тороплюсь“.

Часа черезъ три заѣхалъ онъ въ другую

гостиницу и велѣлъ покормить лошадь. Конюхъ вошелъ къ нему въ комнату и сказалъ: „Сударь, у вашей лошади на лѣвой ногѣ не хватаетъ подковы. Прикажете свести ее къ кузнецу?“ — „А пускай не хватаетъ,—говорить купецъ.—Часа три лошадь выдержать, а тамъ и дома будемъ. Я тороплюсь“.

Онъ поѣхалъ дальше, но вскорѣ лошадь стала хромать. Хромала она, хромала и начала спотыкаться. Спотыкалась она, спотыкалась, упала на землю и сломала себѣ ногу. Тогда купецъ бросилъ лошадь, отвязалъ свой чемоданъ, взвалилъ его на плечи и пѣшкомъ отправился домой, куда добрался поздней ночью.

„Во всемъ несчастіи,—говорилъ онъ самъ себѣ,—виноватъ проклятый гвоздь!“

АХМЕТЪ НА МИНАРЕТЪ.

Двадцать лѣтъ живу на свѣтѣ, самъ себѣ Ахметъ сказалъ, „а еще не побывалъ никогда на минаретѣ!..“ И немедленно Ахметъ взлѣзъ на стройный минаретъ.

И предъ нимъ, какъ на ладони, городъ всталъ: дома, базаръ, купы темныя чинарь... Копошились люди, кони... Чуть замѣтны съ высоты были люди и скоты...

„Двадцать лѣтъ живу на свѣтѣ“, онъ воскликнулъ въ тотъ же мигъ, „а теперь лишь я постигъ, стоя здѣсь, на минаретѣ, какъ ничтоженъ родъ людской, какъ малы всѣ предо мной!..“

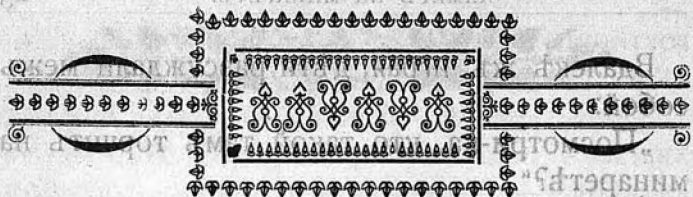
Вдалекъ жъ, играя, дѣти разсуждали межъ собой:

„Посмотри-ка, кто такой тамъ торчитъ на минаретѣ?“

И рѣшилъ весь хоръ дѣтей: „Это.... просто воробей!..“

ВП҄УЖА

Акула.

нашъ корабль стоялъ на якорѣ у берега Африки. День былъ прекрасный; съ моря дулъ свѣжій вѣтеръ, но къ вечеру погода измѣнилась: стало душно, и точно изъ топленной печки несло на насъ горячимъ воздухомъ съ пустыни Сахары. Передъ закатомъ солнца капитанъ вышелъ на палубу, крикнулъ. „купаться!“ и въ одну минуту матросы попрыгали въ воду, спустили въ воду парусъ, привязали его и въ парусѣ устроили купальню.

На корабль съ нами было два мальчика. Мальчики первые попрыгали въ воду, но имъ тѣсно было въ парусѣ, и они вздумали плавать на перегонки въ открытомъ морѣ.

Оба, какъ ящерицы, вытягивались на водѣ

и, что было силы, поплыли къ тому мѣсту, гдѣ былъ боченокъ надъ якоремъ.

Одинъ мальчикъ сначала перегналъ товарища, но потомъ сталъ отставать. Отецъ мальчика, старый артиллеристъ, стоялъ на палубѣ и любовался на своего сынишку. Когда сынъ сталъ отставать, отецъ крикнулъ ему: „не выдавай! понатужься!“

Вдругъ съ палубы кто-то крикнулъ: „акула!“ — и всѣ мы увидали въ водѣ спину морского чудовища.

Акула плыла прямо на мальчиковъ. — „Назадъ! назадъ! вернитесь! акула!“ закричалъ артиллеристъ. Но ребята не слышали его, плыли дальше, смѣялись и кричали еще веселѣе и громче прежняго.

Артиллеристъ, блѣдный, какъ полотно, не шевелясь, смотрѣлъ на дѣтей.

Матросы спустили лодку, бросились въ нее и, сгибая весла, понеслись, что было силы, къ мальчикамъ; но они были еще далеко отъ нихъ, когда акула была не дальше 20-ти шаговъ.

Мальчики сначала не слышали того, что имъ кричали, и не видали акулы; но потомъ

одинъ изъ нихъ оглянулся, и мы всѣ услышали пронзительный визгъ, и мальчики поплыли въ разныя стороны.

Визгъ этотъ какъ будто разбудилъ артиллериста. Онъ сорвался съ мѣста и побѣжалъ къ пушкамъ. Онъ повернулъ хоботъ, прилегъ къ пушкѣ, прицѣлился и взялъ фитиль.

Мы всѣ, сколько насъ ни было на кораблѣ, замерли отъ страха и ждали, что будетъ.

Раздался выстрѣлъ, и мы увидали, что артиллеристъ упалъ подлѣ пушки и закрылъ лицо руками. Что сдѣлалось съ акулой и съ мальчикомъ, мы не видали, потому что на минуту дымъ засталъ намъ глаза.

Но, когда дымъ разошелся надъ водою, со всѣхъ сторонъ слышался сначала тихій ропотъ потомъ ропотъ. Этотъ сталъ сильнѣе и, наконецъ, со всѣхъ сторонъ раздался громкій, радостный крикъ.

Старый артиллеристъ открылъ лицо, поднялся и посмотрѣлъ на море.

По волнамъ колыхалось желтое брюхо мертвой акулы. Въ нѣсколько минутъ лодка подплыла къ мальчикамъ и привезла ихъ на корабль.

Мать, умершая отъ радости при видѣ сына.

Римляне вели войну—и побѣдили не-
пріятеля. Воины-побѣдители возвра-
щались въ свой городъ; къ город-
скимъ воротамъ сбѣжались ихъ срод-
ники: отцы, матери, братья, чтобы имъ уви-
дѣть, кто изъ воиновъ находится въ живыхъ,
и кто убитъ.

Среди нихъ была и нѣкая вдова, имѣвшая
единственнаго у себя сына, и она стояла и
ждала возвращенія съ прочими своего сына.
То она спрашивала у входящихъ въ городъ:
не видали ли ея сына, то всматривалась впе-
редъ, чтобы самой издали разглядѣть его.

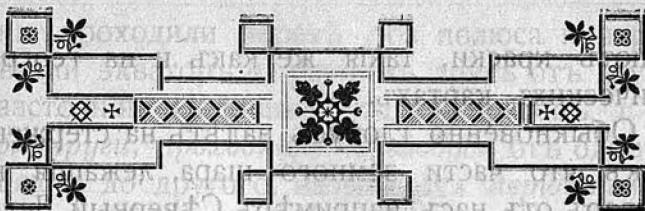
— Сынъ мой, говорила она, гдѣ ты на-

ходишься? Почему не выступаешь? Отчего тебя не видно? Гдѣ ты замѣшкался?

И когда она начала тужить, что не видать своего сына, въ это время отъ другихъ людей она услышала, что сынъ ея убитъ на войнѣ; и вотъ тутъ-то она стала громко рыдать, ударять себя въ грудь и неутѣшно плакать.

Но вотъ она видитъ своего сына, возвращающагося живымъ. Она тотчасъ къ нему бѣжитъ, обнимаетъ, цѣлуетъ его; она такъ ему обрадовалась, что отъ избытка радости внезапно умерла. Тамъ, гдѣ недавно мать плакала по сынѣ, теперь сынъ оплакиваетъ мать. Можно ли представить себѣ, какова была радость той матери!

ГЛОБУСЪ.

Вземлю изображаютъ въ видѣ шара, на которомъ нарисованы моря и суша, а на сушѣ обозначены низменности, горы, рѣки, озера и пр. Такой шаръ называется *глобусомъ*. Если глобусъ сдѣлать съ поперечникомъ въ два или три аршина, то самыя высокія горы будутъ приподниматься надъ поверхностью глобуса не болѣе, чѣмъ на булавочную головку; а такъ какъ обыкновенно глобусы дѣлаютъ гораздо меньшихъ размѣровъ, то изображать горы и низменности выпуклостями и углубленіями совсѣмъ невозможно. Поэтому для изображенія горъ, низменностей, холмовъ и т. д. употреб-

ляютъ краски, такія же какъ и на географическихъ картахъ.

Обыкновенно глобусъ надѣтъ на стержень такъ, что части земного шара, лежащія на сѣверъ отъ насъ, на примѣръ Сѣверный Ледовитый океанъ, приходятся наверху. Глобусъ можетъ вращаться на стержнѣ, какъ колесо на своей оси. Тѣ точки, гдѣ эта ось выходитъ на поверхность глобуса, называются *полюсами*: сѣвернымъ и южнымъ—по ихъ положенію.

На глобусѣ на равномъ разстояніи отъ обоихъ полюсовъ проводятъ кругъ, который называется *экваторомъ*. Экваторъ раздѣляетъ глобусъ на два полушарія—*сѣверное и южное*.

Такъ какъ глобусъ есть изображеніе земного шара, то чтобы объяснить, гдѣ находится какое-нибудь мѣсто (на примѣръ, Петербургъ) на земномъ шарѣ, намъ достаточно указать его положеніе на глобусѣ.

Чтобы указать положеніе какого-нибудь мѣста, надо указать его направленіе и его разстояніе отъ другого мѣста, положеніе котораго намъ извѣстно. Для этой цѣли на глобусѣ проводятъ 180 круговъ такъ, чтобы

они проходили черезъ оба полюса и пересѣкали экваторъ на равномъ другъ отъ друга разстояніи. Половинки этихъ круговъ, т.-е. *полуокруги, проходящія на глобусѣ отъ одного полюса до другого, называются меридіанами.*

Но чтобы точно обозначить положеніе мѣста, однихъ меридіановъ мало. Различныя страны могутъ лежать на одномъ и томъ же меридіанѣ, но совершенно въ разныхъ мѣстахъ, то ближе къ сѣверному полюсу, то къ южному, то къ экватору и т. д. Поэтому, чтобы болѣе точно обозначить положеніе мѣста на глобусѣ, проводятъ еще другіе круги; они проходятъ параллельно экватору, на равномъ разстояніи другъ отъ друга, и называются *параллелями*. Такимъ образомъ, если мы укажемъ, на какомъ меридіанѣ и на какой параллели находится какое-либо мѣсто, то этимъ мы совершенно точно опредѣлимъ его положеніе.

Дорогія дѣти! Скоро наступитъ великій праздникъ Воскресенія Христова.

Многіе изъ васъ въ эти дни общей радости будутъ и сыты, и обуты, и одѣты. Но всѣ ли именно?..

Нѣтъ, не всѣ. У многихъ изъ вашихъ сверстниковъ не будетъ въ эти дни даже, можетъ быть, и куска хлѣба.

Дѣти, будетъ ли ваша радость полной, если вы будете знать, что многіе изъ вашихъ сверстниковъ голодны? Будетъ ли сладокъ въ эти минуты тотъ кусокъ сладкій, какой дадутъ вамъ ваши родители?

Конечно, нѣтъ.

Угадайте, что нужно сдѣлать всѣмъ вамъ къ этому великому дню.

Епископъ Евдокимъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Тебѣ поемъ.	3
Приидите ко Мнѣ.	5
Бога ищетъ душа чловѣка...	7
Скрытый грѣхъ.	9
Волшебные очки.	12
Сорная трава.	16
Гвоздь.	20
Ахметъ на минаретѣ.	22
Акула.	24
Мать, умершая отъ радости при видѣ сына.	27
Глобусъ.	29
Открытое письмо.	32

Бесплатное приложеніе къ журналу „Христіанинъ.“

МАЛЫНЬКІЙ
ХРИСТІАНИНЪ

СОСТАВЛЕ ЛЕТЕЦІ. И НЕ ВОСТРАНАЖІ
ТЕ АНІ ПАПІТІ КО МНІ. РАКОВЫХЪ
ВО БІТЬ ЦРЬСІ НЕЧОЕ. МА ДІ АН

Кн. 4. Апрѣль. 1911.

МАЛЕНЬКІЙ ХРИСТІАНИНЪ.

Книжка 4-я.

СЕРГІЕВЪ ПОСАДЪ.

Типографія Св.-Тр. Сергіевой Лавры.

1911.

Печатать дозволяется. Визанія. Апрѣля 16 дня, 1911 года.
Цензоръ, Ректоръ Визанской Духовной Семинаріи,
Архимандритъ Филиппъ.

ДРУГЪ ДѢТЕЙ.

Видали ль вы, дѣти, какъ, тьму разгоняя,
На небѣ выходить предъ утромъ заря—
И свѣтомъ побѣднымъ съ восточнаго края
Нашъ міръ озаряетъ, лучами горя?

О дѣти! Безъ этого чуднаго свѣта,
Безъ солнца и звѣздъ животворныхъ лучей
Земля бы замерзла, ничѣмъ не согрѣта,
И вѣчная стужа сковала людей.

Свѣтлѣе, чѣмъ звѣздъ полуночныхъ сіянье,
Чѣмъ солнце, горящее въ небѣ съ утра,—
Сіяетъ свѣтильникъ великаго знанья,
Свѣтильникъ всеильной любви и добра.

О, дѣти! Кто этого чуднаго свѣта
Готовъ посылать вамъ святыя лучи,

Кто знанія словомъ иль пѣснью поэта
Зоветь васъ изъ мрака холодной ночи,—
Тотъ дѣлаетъ доброе, честное дѣло,
Тотъ міру готовитъ хорошихъ людей,
И можетъ за это назваться онъ смѣло
Служителемъ правды и *другомъ дѣтей!*

Н. Аксаковъ.

КРАСНОЕ ЛИЧЬО.

Разсказъ.

„Въ тихія ночи отрадныхъ моленій
Никто надъ кроваткой моей не шеп-
талъ“...
Надсонъ.

 Петя былъ круглый сирота и съ младенческихъ лѣтъ—нищій. Ласки матери онъ не помнитъ; чуть-чуть онъ помнитъ отца, больного, сердитаго, помнитъ, какъ онъ иногда билъ его плеткой, а больше-то ничего и не помнитъ. Съ пяти лѣтъ пошелъ Петя побираться. Наука оказалась легкая: запомнилъ обычную фразу: „подайте Христа ради“ и заунывный тягучій мотивъ, навѣсилъ небольшую холстовую сумочку и пошелъ... Улицы были его домъ и

кровь, а полицейскіе да дворники — родные и товарищи. Ласковаго или добраго словечка онъ ни отъ кого не слышалъ, брань же и колотушки сыпались на него щедрою рукою; били взрослые, били и товарищи Петю. Очень рѣдко въ голодный ротъ его попадалъ сладкій кусочекъ, напротивъ — корки и объѣдки были ему знакомы. Очень часто спалъ онъ подъ открытымъ небомъ, а въ ненастье забирался подъ балконъ, подъ лавочку. Зимой онъ жилъ у сапожника, дальняго родственника его отца, но постоянная ругань и жестокіе побои заставляли Петю убѣгать и пропадать по цѣлымъ недѣлямъ, пока жестокая стужа не заставляла опять прибѣгнуть къ непріютному крову. Въ такихъ случаяхъ Петя старался чѣмъ нибудь услужить сапожнику и называлъ дяденькой, но при первой шалости дяденька пребольно билъ Петю плеткой. Скитаясь по улицамъ, Петя часто видѣлъ, какъ проходилъ хорошенькій мальчикъ въ блестящихъ башмачкахъ и бархатной съ золотыми пуговицами курточкѣ. Петя смотрѣлъ на него и ему вспоминался маленькій ангелочекъ, нарисованный въ книжкѣ.

— Вотъ-бы мнѣ одѣть его нарядъ-то — шевелилось въ головѣ Пети... Часто у такого мальчика онъ видѣлъ въ зубахъ сладкій пирожокъ или апельсинъ и имѣлъ сильное желаніе подкрасться, схватить эту сладость прямо изъ ангельскаго ротика и убѣжать. Видѣлъ торговкоу, продающихъ вкусные черепеники съ масломъ, орѣхи, пряники и медовые суслики (родъ пряниковъ) и завидывалъ торговкамъ, страшно завидывалъ. Любимымъ развлеченіемъ Пети было засматривать въ окна богатыхъ домовъ, часто онъ видѣлъ богатую нарядную барыню — на колѣняхъ у нея маленькая кудрявая собаченка, барыня кормитъ ее разными сладостями и цѣлуетъ въ курносую морду. Петя съ завистью смотрѣлъ на собаченку. Петѣ было уже 8 лѣтъ. Все также бродилъ онъ по городскимъ улицамъ оборванный, одичалый, голодный и злой. Всѣ рѣшительно не любили Петю за его злой нравъ. Мальчишки-товарищи звали его Петькой, смѣялись надъ нимъ и били. Поваренокъ изъ гостинницы обливалъ его водой, а Никитка, сынъ цырульника, часто билъ его и грозилъ отнять суму съ кусками.

Къ тому и другому Петя затаилъ въ своемъ сердцѣ злое чувство обиды.

Великая суббота. Радостно сіяло весеннее солнце и грѣло промокшую и продрогшую землю, бѣжали ручьи, лопались разбухнувшія почки деревьевъ, чирикали воробьи и пѣли скворцы. Природа послѣ зимняго сна снова возраждалась къ жизни, а сердца людей бились радостью Воскресенія Христова. По улицамъ была усиленная ѣзда и ходьба,— всѣ припасаются, ждутъ свѣтлаго праздника. Петя сидѣлъ на столбѣ тротуара и провожалъ завистливыми глазами прохожихъ, несущихъ кульки, банки, куличи, корзины съ пасхальными яйцами и пр.

Вотъ женщина торопливо несетъ корзину съ цѣлой горой яицъ: красныхъ, синихъ, зеленыхъ, малиновыхъ... Петя протянулъ руку: „тетенька, дай яичко“—попросилъ онъ, но она поспѣшно прошла мимо. „Господи—шепчетъ Петя—хоть бы одно мнѣ яичко, только одно!.. Я пошелъ бы къ дяденькѣ разговляться, для праздника онъ пожалуй не побилъ бы“... Утреню Петя проспалъ гдѣ-то въ церковной оградѣ, а обѣдню стоялъ вмѣ-

стѣ съ нищими на паперти. Выйдя изъ церкви, онѣ раздумывалъ, идти ли ему къ дяденькѣ или нѣтъ... Пройдя одну улицу, онѣ сѣлъ на лавочку и сидѣлъ жалкій, худой, съ раскрытымъ ртомъ. Мимо проходила женщина съ мальчикомъ лѣтъ 8-ми, остановилась и посмотрѣла на Петю. Она порылась въ карманахъ, но ничего не оказалось. Мальчику, ея сыну жаль стало Петю, онѣ подошелъ и поспѣшно сунулъ ему въ руку красное яичко, полученное имъ отъ матери, когда похристосовался съ ней послѣ Свѣтлой утрени въ церкви. Яичко было ярко-краснаго цвѣта, съ золотыми словами „Христось воскресе“, красиво расписанное зелеными листьями и цвѣточками. „Христось воскресе!“ — сказала мать и поцѣловала Петю.

— „Нынче радоваться надо, веселиться и — цѣловаться, не горюй, миленькій, пойдемъ къ намъ разговляться“ — прибавила она. Но одичалый, ошеломленный неожиданной и во все незнакомой ему лаской, Петя спряталъ на груди дорогое яичко и стрѣлой пустился къ дяденькѣ. Дяденька далъ разговѣться, посмотрѣлъ и подивился, какой чудный по-

дарокъ получилъ Петя, но не отнялъ яичка и не побилъ Петю. У вечерни Петя стоялъ съ яснымъ и радостнымъ лицомъ, всѣ люди ему казались добрыми и самъ онъ уже былъ не тотъ. „Радостью другъ друга обьемемъ“. Лились звуки священной пѣсни съ клироса, и сладко трепетало Петино сердце: ему хотѣлось бѣжать къ поваренку и къ Никиткѣ—обидчику, обнять ихъ и похристосоваться... „И дяденька хорошій человѣкъ—думалъ Петя—буду ему дратву сучить, а тамъ выучусь и сапоги шить“... И Петѣ хотѣлось отъ радости плакать и молиться, дѣтская душа его, согрѣтая лаской, переживала теперь новое, неизъяснимо сладостное чувство.

—В. Р.

Свѣтлая ночь Воскресенія.

Пришелъ великій вечеръ. Огни погашены. Въ домѣ настала тишина. Всѣ улеглись на покой въ ожиданіи торжества. Шумъ на улицахъ умолкъ: и тамъ все чего-то ждетъ, къ чему-то готовится. Только въ моей комнатѣ свѣтится еще огонекъ, и изъ тишины, которая окружаетъ меня, слышатся голоса таинственной ночи, голоса далекаго и близкаго прошедшаго.

Какъ много говорятъ они мнѣ—нѣтъ, не просто говорятъ, а шепчуть, лаская чувство, и будятъ одно за другимъ воспоминанія дѣтства и юности. Завтра „Христось Воскресъ!“, завтра праздникъ! и никогда не понять взрос-

лому, сколько прелести для ребенка въ одномъ этомъ словѣ: „праздникъ“.

Первая заутреня! Боже мой, какъ билось сердце, когда наконецъ въ первый разъ мать рѣшилась взять съ собою дитя свое къ свѣтлой заутренѣ. Укладываютъ спать, спать не хочется—и только ждешь, когда, часъ за часомъ, наступитъ желанное время. Вотъ наступило оно послѣ тишины, въ которую погрузился цѣлый домъ, поднимается внизу и вверху и во всѣхъ углахъ его радостный шумъ приготовленія къ заутренѣ. Одѣтый по праздничному, ночью идешь по темной еще улицѣ—не звонили еще, въ церкви темно, но она уже полна народомъ; всякій спѣшитъ занять свое мѣсто, и стоятъ всѣ одѣтые по праздничному, съ новыми свѣчами, и носится по всему храму таинственный шепотъ ожиданія.—Зажигаютъ свѣчи въ паникадилахъ, которыя никогда, кажется, не зажигали. Какъ стало свѣтло, какъ полна народомъ церковь, какъ весело всѣ глядятъ, и какъ весело глядѣтъ на всѣхъ! И вотъ вдругъ кто-то возлѣ перекрестился, слышавъ ударъ соборнаго колокола: въ самомъ дѣлѣ—ударили, дру-

гой—третій, и понеслись хоромъ чудные, таинственные звуки, и вотъ, наконецъ, нашъ, *родной* колоколь своимъ густымъ гудѣньемъ покрылъ весь хоръ и поглотилъ всѣ звуки. Какъ хорошо, Боже мой! Какъ хорошо стоять возлѣ матери и братьевъ и сестеръ и слушать таинственные голоса и смотрѣть во всѣ глаза вокругъ себя, и ждать, ждать всѣмъ существомъ своимъ. А дальше—дальше цѣлый міръ новыхъ ощущеній для взволнованнаго ребенка.

Вынесли изъ алтаря старыя, гдѣ-то далеко стоявшія иконы, которыхъ никогда еще не видывалъ, сняли съ мѣста хоругви, которыхъ еще ни разу не видывалъ въ движеніи—и запѣли „Воскресеніе Твое, Христе Спасе“, и тронулся крестный ходъ. И вотъ, затворились двери, церковь полна народу, и всѣ зажгли свои свѣчи, у всѣхъ такія спокойныя, важныя лица, и всѣ стоятъ тихо, тихо, не говоря ни слова. Чудно становится ребенку,—смотреть онъ вокругъ себя—возлѣ старая няня стоитъ съ зажженнымъ огаркомъ и молится и плачетъ,—и братья, и сестры, и мать смотрятъ прямо въ глаза и не улыбаются,—и тихо все

такъ, какъ будто никого нѣтъ въ церкви, и надъ этой тишиной только носится тотъ же торжественный гулъ колоколовъ. Боже—что будетъ—хорошо и странно! Но вотъ за дверями послышались отрывистые звуки возгласовъ священника и отвѣты хора,—и толпа зашевелилась, люди крестятся и молятся и шепчутъ. Вдругъ отворились двери и раздалось громкое „Христось Воскресе!“ И въ отвѣтъ ему народъ загудѣлъ свое стоязычное: воистину! И скоро вся церковь заплѣла вмѣстѣ съ хоромъ радостныя пѣсни воскресенія.

О, святыя пѣсни, всякому знакомыя, всякому милыя! Кто изъ русскихъ людей не знаетъ и не поетъ васъ и не отвѣчаетъ на ваши звуки всѣмъ своимъ сердцемъ! И ребенокъ, въ первый разъ слышавъ васъ, чувствуетъ трепеть праздничной радости, и старикъ, много разъ проводившій Пасху на вѣку своемъ, когда услышитъ васъ, какъ будто снова дѣлается ребенкомъ и празднуетъ Христу дѣтскою радостью.

Свѣтъ воскресенія Христова открылъ святую истину жизни и будущее слилъ съ на-

стоящимъ и прошедшимъ въ одномъ сознаніи счастья безконечнаго. О, когда бы навсегда удержать въ душѣ эту гармонію, и начать бы жить и не кончить жить—съ однимъ этимъ словомъ, съ однимъ этимъ чувствомъ: „Христось Воскресь! Христось Воскресь!“

(Изъ книги „Праздники Господни“).

ДОЛГЪ.

Разск. Терезы Жанроа. Переводъ съ француз. А. Мерказиной.

— апа, у тебя есть время? Да? Такъ сядь вотъ сюда и разскажи мнѣ, что говорили тебѣ вчера солдаты. Петръ Леру, на вопросъ сына, подошелъ къ кровати, на которой лежалъ ребенокъ, и сѣлъ возлѣ него:

— Что говорили мнѣ вчера солдаты, дитя мое? началъ онъ. Но вѣдь я уже нѣсколько разъ повторялъ тебѣ все это...

— Неужели нѣтъ ничего новаго? Маленькій Павелъ, сказавъ это, сдѣлалъ грустное лицо и нетерпѣливо пожалъ плечами.

Отецъ не сердился на него. Бѣдный мальчикъ! Какъ онъ страстно слѣдилъ за всѣми

военными дѣйствіями этой ужасной войны. И слѣдилъ—или лежалъ въ постели, или неподвижно сидя въ креслѣ. Какія горючія слезы проливалъ онъ при каждомъ дурномъ извѣстіи, получаемомъ одно за другимъ послѣдніе пятнадцать дней... А теперь, когда войска тутъ, рядомъ, въ Арагонскомъ лѣсу, совсѣмъ близко, мальчикъ нервничаетъ и волнуется.

— Ну, папа, что сдѣлаютъ завтра солдаты?... Дадутъ ли большое сраженіе? Папа, мое мнѣніе таково... Армія Дюмурье должна была бы...—Ребенокъ развивалъ свою мысль, а отецъ терпѣливо слушалъ его, но невольный вздохъ вырывался изъ его груди.

— Онъ говоритъ такъ долго для того, думалъ бѣдный отецъ, чтобы оттянуть минуту, когда я буду одѣвать его.

Дѣйствительно, для ребенка одѣваніе было ужаснымъ страданіемъ, съ того момента, когда онъ, упавъ съ дерева, чуть не убился до смерти.. Съ тѣхъ поръ, малѣйшее движеніе причиняло ему ужасную боль въ ногѣ и боку. Вотъ почему отецъ до сихъ поръ откладывалъ поѣздку въ городъ, чтобы показать мальчика доктору.

— Время терпѣть, думалъ онъ, такъ какъ у мальчика ничего не было сломано. Павелъ продолжалъ высказывать свой планъ, свои мечты.

— Мнѣ почему-то кажется, что скоро здѣсь, по близости, произойдетъ большое сраженіе... О, если-бы я могъ это видѣть! Кто знаетъ, можетъ быть, я тоже принесъ-бы пользу? Я-бы, напримѣръ, заряжалъ ружья... Такъ хорошо служить родинѣ, которую любишь и за которую готовъ отдать жизнь. Скажи, папа, вѣдь ты позволилъ бы мнѣ это.

Отецъ взглянулъ на эту маленькую фигурку, желающую служить Франціи, и мучительная спазма сжала ему горло. Съ большимъ трудомъ сдержалъ онъ рыданіе.

— Да, мой мальчикъ, съ трудомъ отвѣтилъ онъ, ты вѣдь хорошо знаешь это. Но теперь лежи пока тихо, чтобъ я могъ одѣть тебя. Отецъ посадилъ больного въ кресло и сталъ укутывать его потеплѣе.

Но это была очень трудная задача: два раза ротъ Павла искривлялся отъ боли и глаза наполнялись слезами. Сначала онъ только застоналъ, потомъ вскрикнулъ. Несча-

стный отецъ, въ душѣ сердясь на свою неловкость, хотѣлъ шуткой ободрить ребенка:

— Ну, и плохой-же солдатъ вышель-бы изъ тебя, — улыбаясь, проговорилъ онъ. При этихъ словахъ мальчикъ вострепнулся, глаза его сразу высохли и твердымъ голосомъ онъ отвѣтилъ отцу:

— Я былъ-бы такимъ же хорошимъ солдатомъ, какъ и другіе. Папа, я сумѣлъ-бы переносить страданія безъ криковъ и стонувъ.

Наконецъ, маленькій Павелъ остался одинъ. Отецъ ушелъ въ глубь лѣса, направляясь къ сосѣдней деревнѣ, гдѣ его ждала незначительная работа и еще болѣе незначительная плата за нее. Жизнь въ этихъ лотарингскихъ лѣсахъ нелегка, и невесела въ особенности для маленькихъ больныхъ, прикованныхъ къ своимъ кресламъ у печки.

Бумъ... Бумъ...
Павликъ вздрогнулъ и прислушался. Это гремятъ пушки. Сраженіе, о которомъ онъ мечталъ только что, началось и не далеко отсюда. Счастливые солдаты. Они будутъ страдать, но могутъ двигаться, а бѣдный

Павликъ долженъ тутъ сидѣть возлѣ печки и сгорать отъ нетерпѣнія.

Но что это такое?.. Шаги!.. потомъ два глухихъ удара штыкомъ въ дверь.

— Войдите! задыхаясь отъ волненія крикнулъ мальчикъ.

Дверь широко отворилась и, о, счастье! вошли французы. Два офицера и четыре солдата. Прежде, чѣмъ мальчикъ успѣлъ имъ задать вопросъ, одинъ изъ офицеровъ началъ говорить:

— Малышъ, здѣсь, кромѣ тебя, никого нѣтъ?

— Нѣтъ, господинъ, я совсѣмъ одинъ.

— Кто-же намъ дастъ кое-какія свѣдѣнія?

— По близости никого. Самый ближайшій домъ въ получасовомъ разстояніи отсюда, но можетъ быть.. (глаза ребенка радостно блеснули) я могъ-бы дать вамъ эти свѣдѣнія.

— Быть можетъ. Видишь-ли, намъ поручили доставить генералу очень важныя депеши, а онъ съ войсками стоитъ на возвышенности Вальми. Желая миновать Австрійцевъ, мы пошли черезъ лѣсъ, и заблудились. Можешь ты намъ указать дорогу?

— Черезъ лѣсъ? Ну, это довольно трудно, но я постараюсь. Возьмите налѣво, потомъ прямо, потомъ правѣе, вы увидите прогалину съ пятью тропинками, потомъ... Нѣтъ, право, это очень трудно. Я никогда не смогу объяснить вамъ до конца.

— Это и мнѣ кажется. Намъ обязательно нужно проводника.

— Возьмите меня, господа, просто, но робко сказалъ Павликъ. Я знаю дорогу.

— Тебя? Да вѣдь ты боленъ?

— Боленъ? Простая царапина, которая мѣшаетъ мнѣ ходить. Я сяду на спину одному изъ вашихъ солдатъ...

— Но твои родители?

— Вы имъ напишете, что я въ Муленъ-Брюле: это ферма, на опушкѣ лѣса. Папа придетъ туда за мною.

— Да, но позволятъ-ли они?

— Конечно! Кромѣ того, у меня нѣтъ мамы, а папа еще сегодня поутру говорилъ мнѣ: „Я позволю тебѣ все, что ты хочешь“. Поэтому будьте спокойны.

Но офицеры не могли рѣшиться на это, — они тихо совѣщались.

— Ты долженъ знать, малышъ, вѣдь то, что мы будемъ дѣлать, очень опасно. Сегодня поутру посланный съ депешами былъ взять въ плѣнъ.

— Благодарю васъ, что вы мнѣ сказали это, господинъ офицеръ, но не въ томъ дѣло. Да, или нѣтъ, если я васъ доведу до опушки лѣса, вамъ это принесетъ пользу?

— Большую пользу...

— Тогда пусть вотъ этотъ большой солдатъ посадить меня къ себѣ на спину и въ путь дорогу!

Офицеры переглянулись... Опасность для ребенка не велика, а минуты дорого стоятъ... Знакъ, и солдатъ подошелъ нагнувшись, и Павликъ сѣлъ верхомъ къ нему на спину. Но при этомъ движеніи, первомъ сильномъ движеніи, что онъ сдѣлалъ за эти два мѣсяца, такая сильная, острая боль пронзила его бокъ, что онъ почти потерялъ сознание. Все закружилось вокругъ и глаза закрылись помимо его воли. Вскрикнулъ ли онъ? Безусловно нѣтъ, такъ какъ видимо никто не замѣтилъ этого. Отрядъ, храня глубокое молчаніе, двинулся въ путь. Изрѣдка только

раздавался голосъ мальчика, указывающаго дорогу:

„Направо, налѣво, прямо“...

Но что это такое? Ребенокъ вдругъ замѣтилъ, что одинъ изъ офицеровъ слишкомъ пристально глядитъ на него. Это смутило мальчика. Ужели-же тотъ подозреваетъ что-нибудь?

Тогда веселымъ и шутливымъ голосомъ Павликъ обратился къ офицеру:

— Знаете-ли вы, господинъ офицеръ, о чемъ я думаю? Я думаю, что, несмотря на ваши офицерскіе галуны, я болѣе важная персона, чѣмъ вы! Офицеръ улыбнулся ребенку, остальные внимательно прислушались.

— Гораздо болѣе важная персона, продолжалъ Павликъ, да, и важнѣе даже генерала...

— Не можетъ быть! воскликнулъ офицеръ съ притворнымъ удивленіемъ: Какъ же это такъ?

— Потому, что... Да, я даже важнѣе самого и Короля Людовика XVI! Вотъ-то теперь зазнаюсь!

— Да, наконецъ, спросилъ одинъ изъ солдатъ съ любопытствомъ, объясни намъ?...

— Какъ вы не понимаете? Ну, такъ я вамъ объясню. Мнѣ кажется, что я одинъ изъ всей націи, которому по плечу такая лошадь, какъ моя, т. е. солдатъ французской арміи!

Громкій смѣхъ былъ отвѣтомъ на слова Павлика.

— Счастливыи возрастъ, подумали офицеры, глядя на ребенка. Возрастъ, которому невѣдомы страданія.

Благодаря шуткамъ мальчика, солдаты шли быстро и весело. Наконецъ подошли къ опушкѣ лѣса.

— Если вы пойдете все прямо, въ эту сторону, говорилъ ребенокъ, то найдете дорогу и не собьетесь съ пути!

— Хорошо, отвѣтилъ посланный съ депешами, я, не теряя ни минуты, ухожу, вы же займитесь ребенкомъ.

Офицеръ удалился, а остальные быстро достигли фермы Мулень-Брюле, гдѣ попросили соломенное кресло, чтобы усадить Павлика.

— Не кресло, а постель, повелительно сказалъ ребенокъ.

Дыханіе его было прерывисто и голосъ хриплый. Теперь, когда его задача была окон-

чена, и чувство долга больше не поддерживало, силы покинули ребенка, и ему показалось что онъ умираетъ. Его бережно уложили на мягкую кровать. Тогда только, натянутые нервы ребенка не выдержали, страданія слишкомъ были ужасны и Павликъ началъ громко рыдать.

— Что такое, что съ нимъ? тревожно спросилъ офицеръ, подходя къ кровати.

— Скажи мнѣ, не ушибъ-ли тебя этотъ болванъ? Ну, успокойся, успокойся, мой мальчикъ... Вотъ мокрая курица! И тебѣ не стыдно?

Нѣтъ. Павлику не стыдно и онъ горько плачетъ. Вѣдь онъ исполнилъ до конца свой долгъ, свою обязанность. Если теперь ему доставляетъ удовольствіе плакать, жаловаться, стонать и даже кричать, то ему это позволительно? Пораженный до крайности, офицеръ захотѣлъ уяснить себѣ все. Онъ нагнулся, откинулъ прѣстѣлю и платье ребенка! Осмотрѣвъ хорошенько, онъ выпрямился и лицо его выразило глубокое волненіе.

— Дать обмануть себя такимъ образомъ, проворчалъ онъ сквозь зубы, меня обмануть,

доктора! Но въ томъ положеніи, въ которомъ онъ находился, каждое движеніе каждый шагъ, вѣдь это было пыткой для него!

Четыре солдата стояли тутъ же, молча, съ испуганными растерянными лицами.

— Слушай, скверный мальчикъ, продолжалъ докторъ, почему ты ничего не сказалъ намъ, что у тебя такъ болитъ бокъ?

Павликъ почувствовалъ теперь, что нужно отвѣтить, онъ пересилилъ себя, сдержалъ стоны и почти твердымъ голосомъ отвѣтилъ:

— Если-бы я вамъ сказалъ правду, вы не взяли-бы меня въ проводники. А я хотѣлъ сдѣлать что нибудь для Франціи.

Глубоко потрясенный офицеръ нѣсколько минутъ хранилъ молчаніе, потомъ, обернувшись къ четыремъ солдатамъ, онъ громко скомандовалъ:

— Смирно! Во имя Франціи мы благодаримъ тебя, маленькій герой!

— На караулъ!

Потомъ самъ, стоя въ ногахъ постели, на которой стоналъ Павликъ, онъ отдалъ ему честь.

Когда-же Петръ Леру, вечеромъ, пришелъ

за сыномъ, ему объявили, что для спасенія мальчика необходима немедленно операція.

— Я беру все на себя, сказалъ военный докторъ, а также всѣ необходимые расходы до его полного выздоровленія.

На другой день онъ уѣхалъ, услыхавъ пушечную пальбу, призывающую его къ другимъ раненымъ. Дѣло происходило 20 сентября 1792 года, день битвы при Вальми.

Но Павликъ былъ уже на пути къ выздоровленію, такъ какъ офицеръ, какъ онъ говорилъ это самъ, заплатилъ долгъ Франціи.

УБИТАЯ ПТИЧКА.

Разсказъ Д. Кайгородова.

Былъ праздникъ. Всѣ собрались въ церковь къ обѣднѣ. Няня надѣла мнѣ высокіе сапожки съ красной сафьяновой оторочкой, черныя бархатныя шаровары и голубую шелковую рубашку. Подпоясавъ затѣмъ серебрянымъ, съ кистями, кушакомъ и засунувъ за него чистенькій платочекъ, дала мнѣ въ руки маленькую ямскую шляпу съ павлинымъ перомъ и объявила, что я „готовъ“.

Видя, что остальные наши домашніе далеко еще не справились со своими нарядами, я поспѣшилъ воспользоваться благопріятной минутой и побѣжалъ черезъ украшенный березками балконъ и усыпанный краснымъ

пескомъ дворъ въ садъ, гдѣ цвѣли въ это время мои любимые цвѣты тюльпаны и нарциссы.

Быль свѣтлый, теплый майскій день. Въ воздухѣ гудѣлъ благовѣстъ церковныхъ колоколовъ, разливавшійся повсюду; казалось, сама природа праздновала. Среди этого благовѣстнаго гула ярко выдѣлялись звонкія трели и щебетаніе пернатыхъ пѣвцовъ, населявшихъ нашъ прекрасный садъ.

Пунцовые, желтые и пестрые тюльпаны, сильно пригрѣтые майскимъ солнцемъ, нѣжо благоухали, и я, наклонившись къ чашечкамъ цвѣтовъ, въ сладкой задумчивости, съ наслажденіемъ вдыхалъ этотъ, столь любимый мною, теплый ароматъ.

Вдругъ мимо меня пролетела небольшая сѣренькая птичка, да такъ близко, что даже испугала и чуть не задѣла крыломъ, пролетѣла и опустилась шагахъ въ восьми на усыпанную краснымъ пескомъ дорожку, извивавшуюся между цвѣточными клумбами. Мгновенно были забыты цвѣты и ихъ сладкій ароматъ. Отуманенный внезапно вспыхнувшей охотничьей страстью, я схватилъ подвернув-

шійся подъ руку кирпичный черепокъ, и... черезъ мгновеніе птичка лежала на пескѣ дорожки мертвою. Въ восторгѣ отъ мѣткого удара, я стремглавъ бросился къ ней, да такъ и замеръ на мѣстѣ.

Передо мною лежала, съ разбитой головкой хорошенькая, нѣжная птичка. Черненькіе глазки ея были полуоткрыты; изъ маленькаго ротика, по временамъ медленно еще раскрывавшагося, выступалъ кровавый пузырь.

„Милое несчастное созданіе. Что я сдѣлалъ! Можетъ быть, у нея уже есть маленькія дѣтки. Будутъ ждать свою маму“.

А солнце ярко свѣтило, птицы пѣли, цвѣты благоухали, благовѣсть волнами колебался въ воздухѣ.

Я стоялъ, какъ преступникъ, судорожно сжимая въ рукахъ кисти моего серебрянаго кушака.

Сбѣгать въ уголь сада, гдѣ стояла моя лопатка, вырыть подъ кустомъ орѣшника ямку, сорвать двѣ вѣтки розъ, положить на нихъ мертвую птичку и съ нѣжнымъ поцѣлуемъ опустить ее въ могилку—было дѣломъ двухъ трехъ минутъ.

На балконѣ раздавался уже голосъ отца, приказывавшаго подавать дрожки. Сейчасъ позовутъ. Скорѣе, скорѣе насыпать надъ могилой маленькій холмикъ, обровнять его лопаткой, вотъ такъ! Теперь еще только сорвать пару нарциссовъ да пару тюльпановъ, воткнуть,—и все готово. Вѣтку душистой сирени посажу потомъ, когда вернемся отъ обѣдни.

Съ соборной колоколни раздался трезвонъ. Къ балкону подъѣхали дрожки.

Взглянувъ еще разъ на милую могилку, я бѣгомъ бросился изъ сада.

Черезъ нѣсколько минутъ я усаживался, между отцомъ и матерью, на дрожки.

— Отчего это ты такъ блѣденъ? Что съ тобою?

— Такъ. Ничего.

И тайны моей никто не узналъ.

Съ тѣхъ поръ прошло много, много лѣтъ, но убитая птичка, съ кровавымъ пузыремъ у рта, какъ живая, стоитъ у меня сейчасъ передъ глазами.

ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ СЪ ЧИТАТЕЛЯМИ.

Милый Владыка!

Моя сестра Шура получаетъ Христіанинъ. Когда я прочиталъ 2-ую книжку Христіанина, то больше всѣхъ понравился мнѣ разсказъ „Пріемышъ“. И я желалъ бы, чтобы побольше было такихъ разсказовъ. Правда, Владыко, хорошъ этотъ мальчикъ Яша. Онъ былъ добрый, и я желалъ бы быть такимъ же добрымъ, но я часто ссорюсь и дерусь съ своею сестрой Шурой и не слушаю маму съ папой, въ особенности, когда они разстроены или посылаютъ въ лавку или отнести письмо. Я спрячусь подъ столъ и стараюсь, чтобы меня не нашли и послали кухарку. Пишу Вамъ въ кухнѣ, а Акулина ничего не понимаетъ.

Прошу, Владыко, пажалуйста мнѣ отвѣтъ поскорѣй.

Дорогой Сережа! Сердечное тебѣ спасибо за твое письмо ко мнѣ. Радуюсь, что тебѣ нравится хорошій мальчикъ Яша. Будь и ты такимъ же. А для этого не нужно ссориться съ сестрою, нужно слушаться папы съ мамой, исполнять всѣ ихъ приказанія. Подъ столъ не прячься отъ родныхъ.

Я буду молиться за тебя, чтобы Господь тебѣ помогъ быть добрымъ, хорошимъ мальчикомъ. Прощай.

Епископъ Евдокимъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Другъ дѣтей.	3
Красное яичко (Разсказъ).	5
Свѣтлая ночь Воскресенія.	11
Долгъ. Разсказъ.	16
Убитая птичка.	28
Изъ переписки съ читателями.	32

Безплатное приложеніе къ журналу „Христіанинъ.“

НАЗАРЬКІЙ ХРИСТІАНІНЪ

СОСТАВИТЕ ДѢТЕЙ, ИЛИ БОЖЕДѢТЯ
ТЕ ДАВЪ ПІИТИ КО МНѢ, ТАКОВЫХЪ
КО ЄСТЬ ЦОТБО-НЕНОЕ МА БІ ДІ

Кн. 5. М а й. 1911.

МАЛЕНЬКІЙ

ХРИСТІАНИНЪ.

Книжка 5-я.

— СЕРГІЕВЪ ПОСАДЪ. —

Типографія Св.-Тр. Сергіевой Лавры.

1911.

MAJESTY

THEATRE

Печатать дозволяется. Виѣанія. Мая 26 дня, 1911 года.
Цензоръ, Ректоръ Виѣанской Духовной Семинаріи,
Архимандритъ Филиппъ.

Р-С БУЖЕНН

1911
Tunbridge Wells, Kent.
• SPRING BOAT •
1911

ВОЗНЕСЕНІЕ ГОСПОДНЕ.

Послѣ Своего воскресенія Іисусъ Христосъ пробылъ на землѣ еще сорокъ дней. Въ это время Онъ часто являлся Своимъ ученикамъ и вѣрующимъ въ Него и говорилъ: „Идите по всему міру и проповѣдуйте всѣмъ людямъ. Кто увѣруетъ и будетъ крещенъ, тотъ спасется, а кто не увѣруетъ, осужденъ будетъ“.

Въ сороковой день Іисусъ Христосъ собралъ Своихъ учениковъ и, повторивъ имъ еще разъ, чтобы они шли проповѣдывать Его ученіе всѣмъ народамъ, прибавилъ: „Не отлучайтесь изъ Іерусалима, пока не сойдетъ на васъ Духъ Святой, Онъ научитъ васъ

тому, что вы должны возвѣстить обо Мнѣ людямъ“.

Послѣ этой послѣдней бесѣды Іисусъ Христосъ пошелъ съ Своими учениками на гору Елеонскую и сталъ благословлять ихъ. Благословляя, Онъ сталъ отдаляться отъ нихъ и возноситься на небо. Изумленные ученики долго стояли и смотрѣли, пока облако не скрыло Его отъ нихъ. Тогда вдругъ предстали имъ два ангела и сказали: „Галлилеяне, что вы стоите и смотрите на небо? Вознесшійся отъ земли на небо Христосъ придетъ опять во славу судить живыхъ и мертвыхъ“...

Ученики съ радостію возвратились въ Іерусалимъ, разставшись съ своимъ Господомъ, для Котораго они оставили домъ, отца и мать, и разлука эта не была для нихъ печальна.

Дорогія дѣти! Настанетъ нѣкогда и для васъ разлука съ родителями, которые воспитываютъ и руководятъ васъ. Представьте себѣ, что вотъ вы выросли, вступаете въ жизнь и въ послѣдній разъ видите родителей и родимый кровъ. Что вы озираетесь и смотрите назадъ? скажутъ вамъ тогда

Идите впередъ! Начинайте жить своимъ умомъ,—и вы съ радостію примитесь устраивать жизнь свою, если будете помнить всѣ родительскія наставленія. Пока есть еще время, запасайтесь всѣми познаніями, какія необходимы будутъ въ жизни и тогда разлука съ родными не опечалитъ васъ и вы, подобно ученикамъ Христовымъ, съ радостію начнете жизнь въ разлукѣ.

Свящ. М. Менстровъ.

Не проѣхали — — осты, какъ сначала одинъ изъ ѣхавшихъ передъ ними казаконъ, а потомъ и другой, стали указывать что-то вдали, затѣмъ казаки повернули лошадей въ сторону, — — и сошли съ нихъ на землю. — Что тамъ? — крикнули офицеры. Но казаки молчали, воялся надъ тамъ-то, лежащимъ внизу.

МОЛИСЬ, ДИТЯ!

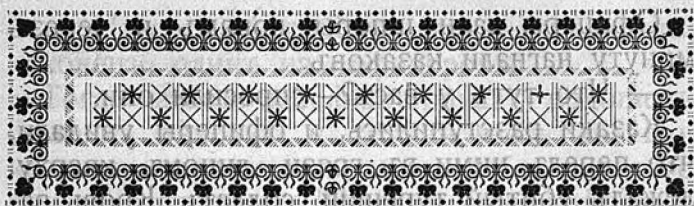

Молись, дитя: сомнѣнья камень
Твоей груди не тяготить;
Твоей молитвы чистой пламень
Святой любовью горитъ.
Молись, дитя: тебѣ внимаетъ
Творецъ безчисленныхъ міровъ,
И капли слезъ твоихъ считаетъ,
И отвѣчать тебѣ готовъ.

Дорогія дѣти! Наставецъ иѣкогда и для
насъ разлука съ родителями, которые воспи-
тываютъ и руководятъ насъ. Представьте
себѣ, что вотъ вы выросли, вступаете въ
жизнь и въ послѣдній разъ видите родите-
лей и родимую кровлю. Что вы озираетесь
и смотрите назадъ? скажутъ вамъ тогда

Турчанка.

Сраженіе съ турками кончилось, и два русскихъ офицера ѣхали съ поля битвы обратно въ селеніе, гдѣ стояли. По дорогѣ имъ попадались мертвыя тѣла турецкихъ и русскихъ солдатъ. Они были разсѣяны по всему полю.

Не проѣхали они и версты, какъ сначала одинъ изъ ѣхавшихъ передъ ними казаковъ, а потомъ и другой, стали указывать что-то вдаль; затѣмъ казаки поворотили лошадей въ сторону, остановили ихъ и сошли съ нихъ на землю.

— Что тамъ? — крикнули офицеры.

Но казаки молчали, возясь надъ чѣмъ-то, лежавшимъ внизу.

Офицеры дали шпоры конямъ и черезъ минуту нагнали казаковъ.

— Что тутъ у васъ?— спросили они.

Казаки разступились, и офицеры увидали, что передъ ними въ грязи, лицомъ кверху, лежалъ убитый турецкій солдатъ. Кровь запеклась у него на груди и страшно чернѣла сквозь прорванное пулей сукно его синей куртки, ноги широко раскинулись; поодаль лежало ружье со сломаннымъ штыкомъ. Прислонясь щекой къ щекъ убитого, сидѣла, крѣпко охвативъ его руками, крошечная дѣвочка, даже не поднимавшая глазъ, когда подошли къ ней. Казалось, она замерла совсѣмъ, ища защиты у него, у мертвого.

Ахъ, ты сердешная?— заговорилъ одинъ изъ казаковъ. — Ты-то чѣмъ провинилась? передъ кѣмъ? Бѣдняжка, какъ дрожить. — И казакъ провелъ рукою по ея волосамъ.

Ребенокъ еще крѣпче прижался къ щекъ отца.

Одинъ изъ казаковъ нашелъ у себя въ карманѣ грязный кусокъ сахара. Онъ разжалъ руку дѣвочки и положилъ ей сахаръ на ладонь. Она безсознательно, не замѣчая его даже, сжала ладонь опять.

— Надо ее съ собою взять, — заговорилъ, наконецъ, одинъ изъ офицеровъ. Тогда казакъ, исполняя приказъ, подошелъ было къ дѣвочкѣ, хотѣлъ взять ее. Но, какъ ни старался онъ, взять ребенка, этого ему не удавалось. Дѣвочка еще крѣпче и крѣпче прижималась къ отцу, и когда ее хотѣли оторвать отъ него, она начинала жалобно всхлипывать, такъ что у всѣхъ невольно падало сердце. Казаки должны были оставить эти усилія. Офицеры стояли кругомъ, соображая, что нельзя же дѣвочку оставить такъ, наконецъ, одинъ изъ офицеровъ сказалъ: — Нельзя... нельзя оставить. Такъ какъ же быть? — Никакъ невозможно... Потому что холодно, туманъ... возьмемъ ея отца, — Убитаго, — удивились другіе офицеры. — Помилуйте, — не хватало рукъ всѣхъ раненыхъ перетаскать, а тутъ возись еще съ убитыми, которыхъ все равно не воскресишь. — Да. Но... Такъ-то она не пойдетъ... А за отцомъ пойдетъ. Казаки живо добыли лежавшую невдалекѣ шинель, видимо оставленную какимъ-нибудь раненымъ, чтобы она не мѣшала ему идти, развернули ее и, приподнявъ тѣло турецкаго солдата, положили его на шинель. Уцѣпив-

шаяся было за трупъ отца, дѣвочка схватилась за шинель. Казаки пошли, стараясь шагать какъ можно тише, чтобы дѣвочка могла поспѣть за ними. Когда дѣвочка увѣрилась, что „гяуры“ (то-есть русскіе) ничего дурного не дѣлаютъ ея отцу, она позволила положить себя тоже на шинель, гдѣ сейчасъ же обняла тѣло отца и по-прежнему прижалась къ нему щекой къ щекѣ.

— Ишь ты, какъ любить! — замѣтилъ казакъ помоложе.

Другой старый казакъ старался отвернуться въ сторону. Старому казаку не хотѣлось, чтобы офицеры замѣтили, что по его щекамъ текутъ слезы. Только потомъ Нонъ проговорилъ: — Ишь она какая! И у меня вотъ трехлѣточекъ остался дома... Поди, тоже вспоминаетъ батьку-то.

Только черезъ часъ они добрались до деревни.

— Куда же теперь? — спросили казаки. — Да на перевязочный пунктъ, разумѣется. — отвѣчалъ офицеръ. — Тамъ докторъ и сестра милосердія.

Напоятъ ее, накормятъ. Маленькая дѣвочка, дичившаяся мужчинъ, какъ только увидѣла сестру милосердія, сразу оправилась и, вдержась одной рукой за

руку отца, другою схватила за бѣлый передникъ сестры милосердія, точно прося ее быть своей покровительницей. Добрая женщина расцѣловала малютку и такъ сумѣла успокоить ее, что эта дѣвочка пошла къ ней на руки.

— Ну, а съ этимъ куда? Похоронить, что ли?—спрашивали казаки.—Убитаго-то куда?

— Погоди, погоди! — сказалъ докторъ, осматривающій трупы. — Прежде всего, съ чего это вы вообразили, что онъ убитый?

— Какъ же... мы сами его подняли...

— Ничего это не доказываетъ. Онъ только обмеръ, бѣдняга. А сердце его работаетъ. Слабо, но работаетъ. Дѣвочка спасла отца.

Когда раздѣли солдата, то оказалось, что, не смотря на свою неподвижность, онъ еще не мертвъ. Жизнь еще теплилась въ его раненомъ тѣлѣ. А если-бъ не замѣтили казаки его дѣвочку, и отецъ и дочка—оба погибли бы на полѣ сраженія.

Дня черезъ три въ ближайшемъ отъ поля сраженія госпиталѣ (больницѣ) на койкѣ лежалъ очнувшійся, хотя тяжело раненый, турецкій солдатъ, и тутъ же рядомъ съ нимъ по-прежнему, щекой къ щекѣ раненаго, сидѣла его маленькая дочка. Пулю у него изъ

груди вынули: благодаря ребенку, за туркомъ было болѣе ухода, чѣмъ за другими. Она не оставляла отца ни на минуту. Заснетъ онъ, она выбѣжитъ изъ лазарета, станетъ на углу, постоитъ минутъ пять, подышитъ свѣжимъ воздухомъ и снова возвращается къ больному.

МАТЕРИНСКАЯ ЛЮБОВЬ.

И. Тургенева.

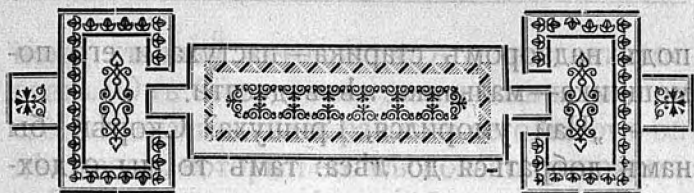
азъ мы вдвоемъ съ товарищемъ охотились на тетеревовъ. Нашли выводокъ. Матка вскочила—мы выстрѣлили и попали въ нее; но она не упала, а полетѣла дальше вмѣстѣ со своими тетеревятами. Я было хотѣлъ пойти за ними, но товарищъ сказалъ мнѣ: „Лучше здѣсь присѣсть и подманить ихъ... Всѣ сейчасъ здѣсь будутъ“.

Товарищъ отлично умѣлъ свистать, какъ свищутъ тетеревята. Мы присѣли, онъ сталъ свистать. И точно: сперва одинъ молодой откликнулся, потомъ—другой, и вотъ слышимъ мы: сама матка квохчетъ да нѣжно такъ—и близко. Я приподнялъ голову—и вижу: сквозь спутанные травяные былинки

идеть она къ намъ, спѣшитъ, а у самой вся грудь въ крови! Знать не вытерпѣло материнское сердце! И тутъ я самому себѣ показался такимъ злодѣемъ!...

Всталъ и захопалъ въ ладоши. Тетерька тотчасъ же улетѣла — и молодые затихли. Товарищъ разсердился; онъ за сумасшедшаго меня счелъ. Ты, молъ, испортилъ всю охоту!

Пастухъ.

Иихій невыносимо-жаркій іюньскій полдень. Голубая небесная лазурь чиста и ясна, какъ первый подснежникъ. Золотисто-огненное круглое пятно солнца почти стало въ зенитъ и немилосердно жжетъ съ высоты величія своего. Природа, утомленная жаркими лучами солнца, какъ будто заснула и на время прекратила свою дѣятельность. Ни одного звука не слышно въ этотъ томительный часъ. Все, что можетъ, ищетъ у тѣни вѣтвистыхъ деревьевъ защиты отъ палящихъ лучей солнца... Вотъ большое стадо деревенскихъ коровъ лѣниво подвигается къ лѣсу

подъ надзоромъ старика — пастуха и его помощника — мальчика лѣтъ десяти.

— „Чай уморился, Гришуха? Скорѣй бы намъ добратся до лѣса: тамъ то мы отдохнемъ“, сказалъ старикъ потрепывая мальчика по плечу.

— „Нѣтъ, дѣдушка, я то не уморился, у меня ножки молоденькія, а вотъ твои старыя совсѣмъ пристали“, ласково отвѣтилъ мальчикъ.

— „А вотъ и лѣсокъ, слава Тебѣ Господи! здѣсь мы и отдохнемъ со скотинушкой“.

Старикъ вошелъ въ маленький, рѣдкій лѣсъ и набожно перекрестился. Благодатный лѣсокъ заботливо укрылъ ихъ отъ жары, а привѣтливый, чистый ручеекъ утолилъ ихъ жажду свѣжей водой.

Старикъ нашъ прилегъ подъ громадной, развѣсистой, бѣлоствольной березой; мальчикъ занялся сборомъ земляники, а стадо расположилось у ручья.

Красавица береза рада была гостю; ея зубчатые листочки своимъ нѣжнымъ лепетомъ старались убаюкать старичка, а махровыя вѣтви защитить его отъ зноя. Но бѣд-

ному старику сегодня что-то не хотѣлось спать. Онъ былъ очень задумчивъ и на лицѣ его выражалась тихая радость; сегодня онъ видѣлъ сонъ, который его нѣсколько тревожилъ.

Во снѣ онъ видѣлъ себя молодымъ пастухомъ со стадомъ вотъ здѣсь, у ручья; ему такъ весело было; въ рукахъ у него было много цвѣтовъ; да всѣ такіе красивые.

Вдругъ онъ видитъ на другомъ берегу ручья свою давно умершую жену въ бѣломъ платьѣ. Она быстро направлялась къ нему по досщекѣ и говорила:

— „Афанасій! Афанасій! мы опять будемъ вмѣстѣ, скорѣй же иди ко мнѣ.“

Чѣмъ бы окончился сонъ, неизвѣстно, но въ эту минуту разбудилъ его мальчикъ — пастухъ. Этотъ сонъ сильно подѣйствовалъ на старика — пастуха, и онъ прямо видѣлъ въ томъ сновидѣніи предсказаніе о своей близкой смерти.

— „Такъ мнѣ уже не долго осталось жить“, думалъ Афанасій: „Слава Богу, потрудился на землѣ и довольно для меня“

— „Жалко только разставаться съ коровушками, вѣдь съ восьми лѣтъ я пасъ ихъ“.

И вспомнилъ Афанасій свое далекое, прошлое дѣтство. Къ сожалѣнію, то было не золотое время дѣтства, а время горькихъ сиротскихъ слезъ и одиночества... Рано онъ лишился родителей своихъ и некому было позаботиться о бѣдной сиротинушкѣ. Какая то дальняя родственница взяла его къ себѣ и, обременяясь той „обузой“, какъ она говорила, въ первое же лѣто отдала его въ пастухи къ грубому, безсердечному пьяницѣ — пастуху. Сколько побоевъ, брани переносилъ онъ каждый день, но Господь одарилъ его добрымъ, терпѣливымъ сердцемъ, которое съ дѣтскимъ страхомъ все перенесло.

Такъ онъ провелъ свои дѣтскіе годы, отрочество и достигъ юношества. Однажды его хозяинъ такъ напился водки, что не перенесъ и умеръ. На его мѣсто нужно было избрать пастуха. Собралась сходка крестьянъ того села; начали обсуждать, кого выбрать пастухомъ.

— „Намъ надо хорошаго, надежнаго, не пьяницу, добросовѣстнаго выбрать человѣка“, сказалъ одинъ добродушный старикъ.

— „А мнѣ кажется, что такимъ будетъ

нашъ молодой помощникъ пастуха, Афанасій Заболотный“, прибавилъ онъ.

— „Вѣрно, вѣрно ты говоришь, дядя Арсеній, пусть будетъ блюсти нашу скотинушку Заболотный!“ подхватили всѣ разомъ.

И такъ Афанасій сталъ главнымъ пастухомъ.

Года черезъ два онъ женился на одной доброй, какъ и самъ онъ, дѣвушкѣ. Хотя онъ и недолго жилъ съ ней, но это короткое время было самое счастливое и свѣтлое воспоминаніе изъ всей его жизни. Богу, видно, угодно было взять Ирину къ Себѣ. Афанасій погореваль, потужилъ, да и еще съ большимъ стараніемъ принялся за дѣло. За это время онъ полюбилъ скотину. Всегда внимательное и заботливое отношеніе чувствовало животное; въ свою очередь оно ласкалось къ нему и довѣрчиво относилось.

И такъ вся жизнь старика—пастуха, какъ молнія, промелькнула передъ нимъ. Онъ вспомнилъ всѣ горести и радости своей жизни и тихо, какъ росинки въ травѣ, покатались одна за другой слезы изъ добрыхъ, старческихъ глазъ. Казалось, вся природа притихла на минуту и смотрѣла на старика; толь-

ко одинъ соловей громко пѣлъ въ листьѣхъ березы: онъ воспѣвалъ жизнь добраго старика—пастуха.

Если бы и намъ такъ же жить, какъ жилъ пастухъ Афанасій.

Классное сочиненіе ученицы II сп. класса Преображенской с.-х. школы Трудового Братства.

Аѳоня-дурачокъ.

Сказка В. Дала.

Жили-были три брата; двое — умныхъ, Кирила да Гаврила, а третій — дурачокъ-Аѳоня. Жили они дружно, и хоть старшіе братья меньшого журили, а бить не били: вѣдь въ дуракъ и Богъ не воленъ, ума къ кожѣ не пришьешь; ты стели ему вдоль, а онъ мѣритъ поперекъ; что ни скажетъ, что ни сдѣлаетъ, все не по людски, а по своему дурацкому разуму! Вотъ сидитъ онъ разъ на завалинкѣ да на своей рожѣ мухъ бьетъ; извѣстно, что на дурака и муха падка. Идетъ сосѣдка, ищетъ ребенка и говоритъ:

— Охъ, охонюшки, не видалъ ли ты, Аео-нюшка, моего Васьки?

— Видѣлъ,—говорить дуракъ.

— Ахъ ты мой, такой сякой разумный, гдѣ же и когда ты его видѣлъ?

— А какъ невѣстка его била,—говорить дуракъ,—тогда видѣлъ!

— Твоя невѣстка моего Васютку била! да за что же это она на него, злодѣйка, взѣблась?

— А вотъ за что, говоритъ, по чужимъ огородамъ не ходи! да каково больно била-то,—прибавилъ дуракъ, ажно жалко стало.

— А ты чего смотрѣлъ, не отнялъ?—приставала сосѣдка.

— Некогда было, невѣстка за веревкой въ клѣть посылала.

— А на что ей понадобилась веревка?

— Ваську вязать.

— Ахъ, батюшки свѣты!

Тутъ дуракъ испугался, что проговорился, и началъ бабу просить, чтобы она никому не сказывала, какъ невѣстка Ваську била, да на веревку посадила и отвязывать запретила.

— Аѳонюшка, золотой мой паренекъ, хочешь рѣдечки?

— Не хочу.

— Хочешь огурчиковъ съ квасомъ?

— Не хочу.

— Хочешь калачика съ медкомъ?

— Хочу, сказалъ дуракъ.

— Такъ сослужи мнѣ службу, отвяжи ты моего Васеньку да выведи ко мнѣ.

— Ладно, — сказалъ дуракъ и побѣжалъ въ хлѣвъ.

Долго ли, коротко ли онъ тамъ возился, а вышелъ таки на дворъ, вытянулъ за собой чернаго козла Ваську, да и говоритъ сосѣдкѣ:

— На, возьми, только невѣсткѣ не сказывай.

Разсердилась баба, что попусту время потеряла, чуть-чуть не вцѣпилась Аѳонѣ въ волоса, да благо невѣстка вступилась. Баба плюнула на дурака и пошла дальше искать своего парнишку.

Затѣяли разъ Кирила съ Гаврилой къ празднику пиво варить; сварили, въ бочку слили да въ погребъ бочку спустили. Стала хозяйка пивомъ хвалиться: „Ахъ кумушка, голубушка,

какое у насъ къ празднику будетъ пиво, сущее диво: не успѣли въ бочку слить, а оно ужъ бродить и играть стало!“

„Дай-ка,—думаетъ Аюнюшка,—погляжу я, какъ пиво играетъ, чай въ свайку, въ лапту, аль въ чехарду?“ Пошелъ, поглядѣлъ на бочку и около, пива не видать, нагнулся къ ней и слышитъ, что въ бочкѣ, какъ въ ульѣ, гудитъ. „А-а! такъ вотъ оно какъ играетъ,—говоритъ Аюня,—знать сердится, что его въ бочку заперли, дай ототкну затычку, пусть его разгуляется!“ Вотъ присѣлъ нашъ дуракъ къ бочкѣ и ну тянуть гвоздь, бочка покачнулась, пиво всколыхнулось, затычка выскочила, пѣна брызнула и залѣпила глаза дураку; пока онъ ихъ теръ-протиралъ, а пиво все до капли изъ бочки ушло и залило погребницу. Что дѣлать дураку! Взялъ колъ и ну хлестать по пиву, приговаривая: „Вишь, глупое, и на просторъ-то выпустить нельзя, полѣзай назадъ, доколѣ невѣстка не провѣдала!“ Но пиво не слушалось дурака и въ бочку не шло. Разсердился Аюня, забранилъ пиво, захлесталъ его пуще прежняго. На крикъ дурака сбѣжались братья, увидали бѣ-

ду, выгнали дурака изъ погреба; звать, по словица правду говорить: „съ дураками пива не сваришь, а и сваришь, такъ не разопьешь“. Пуще же всѣхъ осерчала невѣстка: „не хочу съ дуракомъ жить; пусть его въ люди идетъ уму-разуму учиться!“

Вотъ и отдали дурака въ работники, а на тяжелую работу куда какъ онъ былъ дюжъ! Гаврила съ Кирилой ударили за брата по рукамъ, выговорили ему харчей въ волю, одежду: зипунъ, сапоги, шапку да красный кушакъ, да по три деньга въ день. Увезли дурака за тридевять верстъ; прожилъ тамъ дуракъ безъ году недѣлю, соскучился по родной печи, по Жучкѣ, по братьямъ да по сердитой невѣсткѣ; простился съ хозяевами, обулся, одѣлся и пошелъ во-свояси. Вотъ идетъ онъ путемъ дорогой; летитъ грачъ, кричитъ: „каръ-каръ, красны сапоги, красны сапоги“, а АѦонъ показалось, что грачъ кричитъ: „крадены сапоги, крадены сапоги“. Онъ снялъ сапоги, бросилъ ихъ и пошелъ дальше. Летитъ синичка, кричитъ: „зинь, зинь, зинь!“ а АѦонъ показалось, что синичка кричитъ: „скинь, скинь, скинь!“ Онъ снялъ кафтанъ и бросилъ

его на дорогѣ, а самъ пошелъ необутый, не одѣтый; погода же стояла куда-какая морозная. Вотъ пришелъ домой; первая завидѣла его неvěстка.

— Здорово, братъ Аёня, что больно на легкѣ пришелъ?—спросила она,— гдѣ одежда?

— На дорогѣ оставилъ.

— Что такъ?

— Да вотъ такъ и такъ,— тутъ дуракъ ей все рассказалъ.

Баба всплеснула на него руками:

— Эхъ, Аёня, Аёня, на головѣ-то густо, а въ головѣ пусто, тебѣ съ твоимъ умомъ только пугаломъ сидѣть!

Пришли братья, посердились на дурака, побранили его, а все таки накормили и на печь спать уложили.

Мельникъ

Басня И. Крылова.

мельника вода плотину прососала. Бѣда бѣ не велика сначала, когда бы руки приложить; но кстати ль? Мельникъ мой не думаетъ тужить; а течь день ото дня сильнѣе становится: вода такъ бьетъ, какъ изъ ведра. „Эй, мельникъ, не зѣвай! Пора, пора тебѣ за умъ хватиться!“ А мельникъ говоритъ: „далеко до бѣды! Не море надо мнѣ воды, и ею мельница по весь мой вѣкъ богата“.

Онъ спитъ, а между тѣмъ вода бѣжитъ, какъ изъ ушата. И вотъ бѣда пришла совсѣмъ: сталъ жерновъ, мельница не служить.

Хватился мельникъ мой: и охаетъ, и тужить,
и думаетъ, какъ воду уберечь.

Вотъ у плотины онъ, осматривая течъ, уви-
дѣлъ, что къ рѣкѣ пришли напиться куры.
„Негодная, кричитъ, хохлатки, дуры! Я и безъ
васъ воды, не знаю, гдѣ достать, а вы пришли
ее здѣсь вдосталь допивать“. И въ нихъ по-
лѣномъ хватъ!

Какое жъ сдѣлалъ тѣмъ себѣ подспорье?
Безъ куръ и безъ воды пошелъ въ свое под-
ворье.

Дивная любовь двухъ сестеръ.

Мы по опыту въ этой жизни знаемъ, какъ тяжела разлука съ лицами, наиболѣе любимыми, когда разлучается, на примѣръ, отецъ или мать отъ дѣтей, братъ отъ брата, невѣста отъ жениха.

Во времена царствованія Михаила Палеолога агаряне *) вторглись въ азіатскіе предѣлы греческой имперіи и много людей увели съ собой въ плѣнъ. Среди плѣнныхъ были двѣ сестры, которыя попали (по жребію) къ разнымъ господамъ. Онѣ должны были разлучиться и уйти въ разныя стороны за своими

*) Агаряне—племя родственное туркамъ.

хозяевами безъ надежды когда-либо снова увидѣться. Кто можетъ описать, кто можетъ изъяснить ихъ плачь, когда насталь часъ разставанія, когда онѣ, оплакивая свою несчастную участь, пролили цѣлый потокъ слезъ, крѣпко обнялись и устами прильнули другъ къ другу!

И вотъ, когда онѣ цѣловались въ послѣдній разъ, какъ будто души ихъ перешли въ ихъ уста и согласились между собой не подвергаться такому тягостному разлученію. Соединившись, онѣ вознеслись къ небесамъ, оставивъ на землѣ свои обнявшіе трупы.

Я хочу сказать, что обѣ сестры умерли, обнимая и цѣлуя другъ друга въ сильныхъ мукахъ разставанія, какъ будто природа не могла согласиться на раздѣленіе тѣлъ раньше раздѣленія душъ, какъ говоритъ Никифоръ Григора, передающій эту печальную исторію.

Избѣгай злорѣчія.

 Влой и гордый человѣкъ готовъ видѣть въ другихъ только гордость и злобу и радъ, если о комъ-либо его знакомыхъ, особенно счастливо, богато живущихъ, но не близкихъ къ нему душевно, говорятъ другіе худо, и чѣмъ хуже, тѣмъ болѣе радуется, что другіе худы, а онъ совершеннѣе ихъ, и готовъ видѣть въ нихъ только одно зло и сравнивать ихъ съ бѣсами. О злоба! О гордыня! О отсутствіе любви! Нѣтъ,—ты отыщи и въ зломъ человѣкѣ что либо доброе, и порадуйся объ этомъ добрѣ, и съ радостію говори объ его добрыхъ качествахъ. Нѣтъ человѣка, въ которомъ не было бы какого—нибудь добра; зло же, въ немъ находящееся, покрывай любовію и молись за него Богу, чтобы Богъ *лукавыя блага сотворилъ* благодію Своею. Не будь самъ злою бездною.

Не осуждай.

Когда мы слышимъ какіе-либо дурные отзывы о какомънибудь человѣкѣ, то, внутренно сравнивая его съ собой, говоримъ въ сердцѣ своемъ: я не таковъ, я, въ сравненіи съ нимъ—совершенство, и мечтая такъ о себѣ, и осуждая внутренно другихъ, услаждаемся своимъ превосходствомъ предъ ними. Это—гордость сатанинская, это—зловоніе плотскаго, грѣховнаго человѣка. Да бѣгутъ изъ души прочь такія помышленія! Да помышляемъ мы себя худшими всѣхъ людей. Когда будутъ о комъ отзываться дурно, вздохнемъ и скажемъ про себя: мы хуже, грѣшнѣе этого человѣка во сто разъ, и отъ души помолимся объ осуждаемомъ братѣ.

СОДЕРЖАНІЕ

	<i>Стр.</i>
Вознесеніе Господне.	3
Молись, дитя!	6
Турчанка.	7
Материнская любовь.	13
Пастухъ.	15
Аюня-дурачокъ.	21
Мельникъ.	27
Дивная любовь двухъ сестеръ.	29
Избѣгай злорѣчія.	31
Не осуждай.	32

Безплатное приложеніе къ журналу „Христіанинъ.“

НАЗНАЧЕНІЙ
ХРИСТІАНИНЪ

СЮТЯНІЕ КТОГО И НЕ ВОЗВРАЩАЮ
ТЕ МАЛОПІКІНКО МНѢ ТАКОМУЖЕ
БРАТЬЯ ПОСЛАНИЕ МЯ БІ.ХІ

Кн. 6-7. Іюнь-Іюль 1911

МАЛЕНЬКІЙ

ХРИСТІАНИНЪ.

Книжка 6—7-я.

СЕРГІЕВЪ ПОСАДЪ.

Типографія Св.-Тр. Сергіевой Лавры.

1911.

Печатать дозволяется. Виоанія. Іюля 2 дня, 1911 года,
Цензоръ, Ректоръ Виоанской Духовной Семинаріи,
Архимандритъ Филиппъ.

8-7 3 6 8 8 8 8 8

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
CHICAGO, ILL. 60637

ПРИТЧИ.

Праотець Адамъ и Серафимъ.

днажды Адамъ, вечеромъ, отдыхалъ на одномъ холмѣ, подъ деревомъ въ саду. Эдемскомъ, и глаза его были устремлены на небо.

Тутъ подошелъ къ нему Серафимъ и спросилъ:

— Что смотришь ты, Адамъ, съ такимъ сильнымъ желаніемъ на небо? Чего не достае тебѣ здѣсь?

— Чего могло бы не доставать мнѣ, — отвѣчалъ праотець человѣческаго рода, — въ этомъ жилищѣ мира и радости? Но глаза мои

смотреть на звѣзды, которыя тамъ вверху блестятъ, — и я желалъ бы имѣть крылья орла, чтобы воспарить къ нимъ, и на лучезарныя свѣтила взглянуть вблизи.

— У тебя есть эти крылья—отвѣчалъ Серафимъ, и коснулся Адама.

Адамъ тотчасъ погрузился въ сонъ, и ему видѣлось, будто онъ поднялся къ небесамъ.

Пробудившись, онъ смотрѣлъ вокругъ себя, и дивился, что онъ лежитъ подъ деревомъ.

Тутъ подошелъ къ нему Серафимъ, и спросилъ:

— О чемъ ты думаешь, Адамъ?

Адамъ отвѣчалъ:

— Я былъ тамъ, вверху, у небеснаго свода, и ходилъ между звѣздами. Лучезарные, величественные, подобно солнцу міры съ шумомъ неслись передо мною. Бѣлый путь, который тамъ вверху видишь ты, есть море свѣта, исполненное блестящими мірами и надъ этимъ моремъ свѣта есть другое, и еще другое... И я видѣлъ существа, подобныя мнѣ, но высшія меня, которыя поклоняются Господу, и неумолчно славословятъ великое имя Его... Серафимъ! Ты водилъ меня туда?

Тогда Серафимъ сказалъ Адаму:

— Это дерево осыняло тебя, и на этомъ холмѣ покоилось тѣло твое. Но знай, Адамъ, въ тебѣ живетъ Серафимъ, который можетъ пролетать безчисленные ряды міровъ, и чѣмъ выше возносится онъ, тѣмъ глубже смиряешься и преклоняешься предъ Богомъ Вседержителемъ. Сынъ праха! Уважай и береги сего Серафима, чтобы похоть не остановила паренія его, и земля не оковала его.

Серафимъ сказалъ — и сталъ невидимъ.

Взоръ горѣ.

Когда Авель, пораженный Каиномъ, лежалъ въ крови своей, и Адамъ стоялъ надъ нимъ и плакалъ, подошелъ къ нему Херувимъ рая, и сталъ подлѣ него молча и задумчиво. Тогда отецъ человѣческаго рода, обратясь къ нему, сказалъ:

— Это ли образъ поколѣнія, имѣющаго произойти отъ меня? И будетъ ли когда еще осквернять землю кровь человѣческая, проливаемая рукою братнею!

— Да—отвѣчалъ Херувимъ.

— Ахъ, какимъ же именемъ назовутъ это ужасное зло?—спросилъ Адамъ.

— Войною!—со слезами на глазахъ отвѣчалъ Херувимъ.

Содрогнулся праотецъ человѣческаго рода, вздохнулъ и сказалъ:

— Ахъ! зачѣмъ же праведникъ долженъ падать отъ руки нечестивца?

Херувимъ безмолвствовалъ.

Но Адамъ, рыдая, спросилъ:

— Что же остается мнѣ теперь въ моей горести на оскверненной кровію землѣ?

— Взоръ горѣ!—отвѣчалъ Херувимъ и исчезъ.

Но Адамъ стоялъ до захожденія солнца, и когда на небѣ показались звѣзды, онъ простеръ къ нимъ свои руки и сказалъ:

— О, вы, блещущіе стражи у вратъ небесныхъ! Зачѣмъ вы ходите молча? Если смертный можетъ слышать голосъ вашъ, и понимать языкъ вашъ, о!—говорите о той землѣ, которая по ту сторону, и объ Аве-лѣ—возлюбленномъ?

Тогда стало еще тише вокругъ его и онъ

паль на лицо свое и молился,—и тихій голосъ проговорилъ въ сердцѣ его:

„Авель, сынъ твой, живъ!“

И легче стало на душѣ его, и онъ пошелъ съ тихою грустью.

Розы земныя.

Однажды Ева, праматерь смертныхъ, ходила по полю съ печальнымъ и смущеннымъ сердцемъ. Вдругъ увидѣла она въ дали розовый кустъ—весь въ цвѣтахъ, которые, подобно утренней зарѣ, изливали блескъ на зеленѣющіе листья.

— О!—воскликнула она,—если я не обманываюсь, то я и здѣсь вижу прелестные цвѣты Эдемскіе! Уже издали я обоняю райское благовоніе ихъ. Привѣтствую тебя, любезный образъ невинности и радости! Не правда ли, ты возвѣщаешь мнѣ, что и между тернами земли будутъ цвѣсти для насъ радости небесныя? Уже восхищаетъ меня видъ твой и чистое дыханіе цвѣтовъ твоихъ!

Между тѣмъ, какъ она такъ говорила, и

съ радостнымъ чувствомъ смотрѣла на полноту розъ, поднялся тихій вѣтерокъ, и пошевелилъ кустъ. И вдругъ посыпались листья расцвѣтшихъ розъ, и попадали на землю.

Тогда Ева вздохнула, и сказала:

— Ахъ, и вы—чада смерти! Я понимаю васъ, образы земныхъ радостей!

Долго смотрѣла она съ грустнымъ молчаніемъ на увядшіе розовые листья, и потомъ сказала:

— Такъ будьте же мнѣ, доколѣ почка замыкаетъ васъ, радостнымъ образомъ невинности!

Съ этими словами она наклонилась къ нимъ; но вдругъ примѣтила иглы, и изумилась.

— О, сказала она тогда, и вы имѣете нужду въ оборонѣ! И вы носите въ себѣ вмѣстѣ съ вожделѣніемъ совѣсть,—и эти терны не есть ли ваша стыдливость?.. Привѣтствую же васъ, прекрасныя чада весны, по крайней мѣрѣ какъ образъ небесной зари надъ тернистою землею!

Трудная жертва.

Во времена Іова жилъ одинъ Пророкъ, по имени Еліудъ.

Къ нему пришелъ однажды Іорамъ, другъ Іова, и сказалъ ему:

— Пути Господни неизслѣдимы; но для чего бы праведникъ такъ много долженъ былъ страдать? Вотъ, Іовъ лишился всего, что имѣлъ, и всѣхъ дѣтей своихъ; и тѣ, которымъ бы слѣдовало утѣшать его, терзаютъ его своими упреками и подозрѣніями.

— Рука Господня коснулась его,—отвѣчалъ Пророкъ.

И, однакожъ,—продолжалъ Іорамъ,—Іовъ благочестивъ и богобоязливъ какъ никто другой на землѣ. Не былъ ли онъ защитникомъ и покровителемъ сиротъ и беспомощныхъ? Не былъ ли око слѣпымъ, нога хромымъ, отецъ немощнымъ? Какое око, видѣвшее его, не восхваляло его и не назвало блаженнымъ?

— Блаженъ человекъ, котораго наказуетъ Всемогушій,—отвѣчалъ Пророкъ.

— Но Всемогушій не есть ли вмѣстѣ и

Всеблагій? — возразилъ Іорамъ. — Для чего нужно было бы наказаніе тому, кто дары Господни расточалъ только на благотвореніе, и свою праведность такъ ясно доказалъ предъ цѣлымъ свѣтомъ?

— Для того, — отвѣчалъ Пророкъ, — чтобы онъ также доказалъ ее и передъ Богомъ.

— Но какую жертву могъ бы Іовъ еще принести Ему?

— Самую трудную и драгоцѣнную, — отвѣчалъ Пророкъ: — волю свою.

— Рѣчь —

Голоса природы.

Между учениками мудраго учителя во Израилѣ, Гиллела, былъ одинъ юноша, по имени Эліаѳъ, который имѣлъ отвращеніе отъ всякаго труда, и совершенно предался праздности и лѣнности.

Гиллель былъ очень опечаленъ этимъ и придумывалъ средства, какъ бы исправить несчастнаго юношу.

Послѣ многократныхъ тщетныхъ увѣщаній, онъ взялъ его однажды съ собою, и пошелъ

съ нимъ въ долину Энномъ, близъ Іерусалима. Тамъ былъ прудъ со стоячею водою, наполненный червями и заросшій тиною.

Когда они пришли къ этому мѣсту, Гиллель бросилъ посохъ свой и сказалъ:

— Сядемъ здѣсь отдохнуть.

— Какъ, учитель!—воскликнулъ удивленный юноша,— у этого отвратительнаго болота? Не замѣчаешь ли ты, какое гнилое, ядовитое испареніе выходитъ изъ него?

— Да, ты правду говоришь, сынъ мой,— отвѣчалъ учитель,— это болото совершенно похоже на душу лѣнивца. Кому охота останавливаться подлѣ него! Пойдемъ скорѣе прочь!

Послѣ этого Гиллель повелъ юношу къ одному заросшему терніемъ и волчицами полю.

Тутъ онъ остановился, и сказалъ:

— Это поле имѣетъ хорошую почву; способную произращать добрые плоды; но оно совсѣмъ заброшено, и отъ этого произрастаетъ только волчцы и терніи и ядовитыя растенія, въ которыхъ гнѣздятся змѣи и ящерицы. О, какъ хорошо оно изображаетъ жизнь лѣнивца!

— Учителы!—сказалъ тогда, проникнутый чувствомъ стыда и раскаянія, юноша,—зачѣмъ водишь ты меня по такимъ пустымъ и печальнымъ мѣстамъ? Они представляютъ мнѣ отвратительный и мучительный образъ моей души и моей жизни.

Гиллель отвѣчалъ:

— Когда ты не хотѣлъ вѣрить моимъ словамъ, то я рѣшился испытать—не проникнетъ ли, можетъ быть, голосъ природы въ твоё сердце!

И твой опытъ удался, учитель,—сказалъ Эліафъ.—Съ этой минуты я чувствую, что во мнѣ началась новая жизнь.

И въ самомъ дѣлѣ, Эліафъ сталъ совсѣмъ другой: сдѣлался прилежнымъ и трудолюбивымъ юношею. Тогда Гиллель взялъ его съ собою въ одинъ прекрасный садъ, и тамъ, проходя по берегу свѣтлаго ручья, который въ разныхъ направленіяхъ такъ мило извивался между плодовитыми, цвѣтистыми лугами и тѣнистымъ кустарникомъ, сказалъ обрадованному юношѣ.

— Вотъ образъ твоей новой дѣятельной жизни! Природа, которая вразумила и испра-

вила тебя, может также и наградить тебя. Ея изящество и красота может радовать только того, кто въ ея жизни усматриваетъ образъ своей собственной жизни.

Мудрый наставникъ.

У того же мудраго учителя, Гиллела, былъ другой ученикъ, по имени Маймонъ, котораго способности и доброе поведеніе очень радовали его. Но вскорѣ онъ замѣтилъ, что Маймонъ слишкомъ много довѣряетъ собственной своей мудрости и совсѣмъ оставляетъ молитву.

Юноша такъ размышлялъ самъ съ собою: „Къ чему молитва? Имѣетъ ли Всевѣдущій нужду въ нашихъ словахъ, чтобъ помогать и благодѣтельствовать намъ. И могутъ ли человѣческія мольбы и вздохи перемѣнить опредѣленія Вѣчнаго? Всеблагій и безъ нашихъ молитвъ даруетъ намъ то, что благо и спасительно для насъ“.

Таковы были мысли юноши.

Гиллелъ былъ очень опечаленъ тѣмъ, что

Маймонъ вообразилъ себя мудрѣе Слова Божія, которое заповѣдуетъ молиться, — и онъ думалъ, какъ бы вразумить его.

Однажды, когда пришелъ къ нему Маймонъ, Гиллель сидѣлъ въ саду подъ тѣнистыми пальмами, задумавшись и склонивъ голову на свою руку.

Маймонъ спросилъ его:

— О чемъ ты думаешь, учитель?

Гиллель приподнялъ голову, и сказалъ:

— У меня есть другъ, который живетъ доходами съ своего поля. Доселѣ онъ тщательно обрабатывалъ его, и труды его всякій разъ были награждаемы щедро. Но вдругъ пришла ему странная мысль — бросить плугъ, и оставить поле безъ воздѣлыванія. Жаль мнѣ его: онъ обнищаетъ и будетъ нуждаться.

— Чтожъ такое сдѣлалось съ нимъ? Мрачное ли негодование овладѣло его душою, или онъ сталъ совсѣмъ глупъ — спросилъ юноша.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Гиллель, — онъ довольно свѣдущъ въ божественной и человеческой мудрости, и нрава кроткаго и спокойнаго. Но онъ говоритъ: Господь всемогущъ: такъ легко можетъ дать мнѣ пищу и

тогда, когда я не буду болѣе наклонять головы моей къ землѣ, воздѣлывать моего поля, и Онъ же благъ, поэтому всегда будетъ благословлять мою трапезу, и отверзать мнѣ щедрую Свою руку". Что сказать ему противъ этого?

— Какъ?—сказалъ юноша,—да не значить ли это искушать Господа Бога? Сказалъ ли ты ему это учитель?

Гиллель улыбнулся, и отвѣчалъ:

— Я скажу ему это. Ты, любезный мой Маймонъ, ты тотъ другъ, о которомъ я говорю.

— Я?—сказалъ юноша, и весь измѣнился въ лицѣ.

Но старецъ отвѣчалъ:

— Не искушаешь ли и ты Господа Бога? Развѣ молитва менѣе значить, нежели работа? И духовные дары маловажнѣе ли полевыхъ плодовъ? Не Тотъ ли, Кто велитъ тебѣ наклонять голову къ землѣ для плодовъ земныхъ, не Тотъ ли заповѣдуетъ тебѣ и воздѣлывать къ небу для принятія благословенія небеснаго?.. О, сынъ мой, смирись, вѣруй и молись!

Такъ говорилъ Гиллель, и смотрѣлъ на небо.

И слова его, какъ доброе сѣмя, пали на добрую землю, и принесли обильный плодъ.

Слезы.

Въ одну лунную, свѣтлую ночь тотъ же мудрый Гиллель ходилъ съ ученикомъ своимъ, Сади, по масличной горѣ, между садовъ.

При свѣтѣ луны Сади замѣтилъ вдали какого-то человѣка, и, указывая на него, сказалъ учителю:

— Что такое онъ дѣлаетъ тамъ?

— Это Садокъ,—отвѣчалъ Гиллель,—онъ сидитъ на могилѣ сына своего, и плачетъ.

— Какъ! Неужели Садокъ не можетъ преодолѣть своей печали?—сказалъ юноша. — Его называютъ всѣ мудрымъ и праведнымъ.

— Поэтому онъ не долженъ чувствовать и скорби?—возразилъ Гиллель.

Тогда Сади спросилъ:

— Какое же преимущество мудрый имѣетъ передъ глупцомъ?

— А вонъ посмотри,—отвѣчалъ ему учитель:—горькія слезы падаютъ изъ глазъ его на землю, а взоръ его обращенъ къ небу.

Молитва малютки.

Въ Іудейской землѣ, у подошвы знамени-
той горы Оаворъ, прославленной Преображе-
ніемъ Господа, жила одна вдова съ мало-
лѣтней дочерью. Онѣ были очень бѣдны, но
жили въ убогой хижинѣ своей спокойно и
весело: ихъ дни протекали мирно, потому-
что онѣ были благочестивы и богобоязненны.
Мать, наставляя дочь свою въ заповѣдяхъ
Господнихъ, старалась внушить ей, какъ
благъ Господь ко всѣмъ, какъ Онъ произ-
ращаетъ изъ земли растенія, изливаетъ на
нихъ росу и дождь, и велитъ солнцу своему
восходить надъ всѣмъ живущимъ, и сколько
благъ каждый день ниспосылаетъ Онъ лю-
дямъ. Разсказывала также мать дочери мно-
гія прекрасныя исторіи изъ Библии;—и та-
кими благочестивыми бесѣдами питала и
утверждала въ юномъ сердцѣ дѣтскую лю-
бовь къ Богу и надежду на всеблагое про-
видѣніе Его.

И когда она такъ говорила, слезы пока-
зывались на глазахъ ея. Замѣтивъ это ма-
лутка однажды спросила:

— Маменька, ты плачешь?

— О, дитя мое! — отвѣчала мать, — благость Создателя такъ велика, что человѣческое сердце не можетъ вмѣстить ея!

И каковы слова, таковы были и дѣла ихъ. И Господь благословилъ ихъ. Маленькій садикъ ихъ, тщательно воздѣлываемый руками ихъ, приносилъ имъ разнаго рода плоды въ такомъ избыткѣ, что онѣ могли дѣлиться ими съ другими и оказывать пособіе больнымъ и нуждающимся.

Замѣтивъ, съ какимъ радушіемъ дѣвочка исполняла священный долгъ благотворенія, мать сказала ей съ радостною улыбкою:

— Не правда ли, моя милая, что блаженнѣе давать, нежели принимать? О, какое счастье, что и мы можемъ принести нашу лепту въ жертву Богу! Что дѣлаемъ мы другимъ, то дѣлаемъ какъ бы Самому Господу. Всѣ люди Его дѣти.

Такъ жили онѣ спокойно и весело въ убогой своей хижинѣ, и со всѣмъ тщаніемъ обрабатывали садикъ свой, который доставлялъ имъ такъ много радостей.

Но вдругъ появилась губительная зараза, —

и мать заболѣла и слегла въ постель. Отъ печали и скорби занемогла и дочь.

Чувствуя приближеніе смерти, мать говорила тихимъ голосомъ и съ улыбающимся лицомъ:

— Милое дитя мое! часъ мой пришелъ... Но ты не унывай и не отчаявайся. Отецъ небесный—твой покровитель. Твоя судьба въ Его десницѣ.

Выговоривши это, она не могла болѣе продолжать: силы совсѣмъ ослабѣли.

Но дочь, обливаясь слезами, пала на колѣни, и, простирая руки свои къ небу, молилась:

— О, всеблагій и милосердый Отецъ небесный. Оставь мнѣ мою маменьку! Какъ же мнѣ будетъ жить безъ нея?

Такъ молилась малютка.

И Ангелы вознесли молитву невинности на небеса къ престолу Божію.

Настало утро и солнце освѣтило хижину.

Малютка увивалась около матери, и старалась согрѣть ее.

Тогда въ золотомъ лучѣ утренняго свѣта приблизился къ нимъ Ангелъ смерти, и разрѣшилъ души ихъ, — и онѣ воспарили, въ блистаніи утренняго солнца, въ лучшій міръ.

Поймалъ вора.

Разсказъ В. Даля.

Жиль-быль богатый мужикъ. Что ему дѣлается? Всего вдоволь, такъ что въ избѣ тѣсно всему добру; онъ пристроилъ клѣть, да туда и сложилъ все излишнее. Богатому не спится: богатый вора боится; такъ и нашъ мужичокъ: нѣтъ-нѣтъ да и выглянетъ опять ночью на дворъ, чтобы не было изъяну. Разъ также вышелъ онъ да и сталъ прислушиваться: ему послышалось, будто кто прошелъ подлѣ клѣти, словно солома подъ ногами прошелестѣла. Притаивъ духъ, хозяинъ мой опять услышалъ какой-то шорохъ и пошелъ красться, какъ подѣ волка. Добравшись до клѣти, онъ сталъ подглядывать изъ-за угла, анъ кто-то смотритъ на

него изъ-за другого угла. Хозяинъ откачнулся за уголь, подумалъ—да опять выглянулъ, а тотъ тоже себѣ, да опять-таки на него глядитъ.

Не знаю, долго ль они этакъ въ переглядышки играли, только что воръ сталъ посмѣлѣе, высунулся на половину,—и хозяинъ тоже, и глядятъ другъ на друга прямо въ глаза. „Что, братъ,—спросилъ воръ потихоньку!—и ты никакъ на промыселъ вышелъ?“ — „Какъ видишь, землякъ“. — „Такъ пойдемъ, братъ, вмѣстѣ: и добыча, и грѣхъ и горе—все пополамъ“. — „Ладно, пойдемъ. Да куда же?— „Да не знаю, братъ. Я то человѣкъ не бывалый: признаться, еще въ первый разъ вышелъ; и страшно—да нечего дѣлать. Давай вотъ ломать клѣтъ: это хозяинъ богатый, что-нибудь да найдемъ“ — „Ты впервые,—подумалъ хозяинъ:—такъ погоди-жъ, я тебя отважу,—въ другой разъ не пойдешь... Пожалуй, давай,—сказалъ онъ.—Да чѣмъ ломать? Есть у тебя что?“ — „Нѣтъ, братъ, ничего. Развѣ поискать тутъ плахи какой, да высадить дверь?“ — „Погоди-ка, погоди-ка,—сказалъ хозяинъ:—у меня вотъ есть отмычки

я, видно, позапасливѣ тебя; авось не придется ли которая". Самъ досталъ съ пояса ключъ и отомкнулъ клѣтъ.

Вошли. „Вотъ,—говорить хозяинъ,—сундукъ стоитъ. Ломай". А самъ пошелъ въ сторону пошарить топора, либо безмена, чтобъ окрестить имъ вора. „Богъ съ нимъ,—говорить воръ, съ сундукомъ. Мнѣ бы вотъ хлѣбушка найти; а тутъ-таки пахнетъ, братъ, свѣжимъ хлѣбомъ". И пошелъ, потягивая носомъ. „Постой,—сказалъ хозяинъ:—вотъ, я нашелъ". И подалъ ему съ полки хлѣбъ; тотъ кинулся на хлѣбъ этотъ, схватилъ его обѣими руками, и давай уплетать. „Что ты не ужиналъ нынче, что ли?"—спросилъ хозяинъ у котораго безменъ былъ уже въ рукѣ.—„Какой ужинъ!—говорить тотъ, а самъ знай ломаетъ да за щеку мечетъ:—у меня братецъ, другія сутки, кромѣ воды, ничего во рту не было—отошаль совсѣмъ". У хозяина опустилась рука съ безменомъ, и онъ молчалъ. Поѣвъ немного, воръ перекрестился, ухватилъ съ полки еще другой хлѣбъ, кромѣ початаго, да и говоритъ: „Ну, братъ, спасибо! Господь насъ простить, прости и ты!" А самъ

было пошелъ. „Что же ты?—спросилъ еще разъ хозяинъ:—вѣдь добра тутъ много; хоть заберемъ, что подъ руку попадется“.—„Богъ съ нимъ, съ добромъ этимъ!—сказалъ воръ:—и самъ не возьму, да и тебѣ бы не велѣлъ. Слава Богу, что добрался я вотъ до хлѣбушка; на недѣлку будетъ съ меня, и больную жену накормлю и ребятишекъ; болѣе мнѣ ничего не надо“.—„Ну, такъ поди же сюда, возьми вотъ мѣшочекъ муки да отнеси домой. Никого не бойся, иди прямо улицей; а коли кто спроситъ, такъ скажи, что самъ хозяинъ далъ“.—„Какъ хозяинъ? Какой хозяинъ?“—спросилъ, испугавшись насмерть, воръ.—„Да, братъ, хозяинъ: вотъ онъ стоитъ передъ тобой и припасъ было на тебя обухъ“. Воръ, какъ стоялъ, повалился ему въ ноги. „Батюшка, не погуби! Двое сутокъ не ѣлъ, видитъ Богъ! и хворая хозяйка и ребятишки!“ — „Вставай! — сказалъ хозяинъ:—бери хлѣбъ, бери и муку, да и ступай съ Богомъ домой. Ступай съ Богомъ, да впередъ, когда будешь голоденъ, по чужимъ клѣтямъ не ходи; а приходи прямо ко мнѣ“.

ВРАЩЕНИЕ ЗЕМНОГО ШАРА.

Въ ясный безоблачный вечеръ все небо усыяно звѣздами. Вглядываясь внимательно, мы замѣчаемъ, что звѣзды не стоятъ неподвижно, а движутся всѣ вмѣстѣ. На восточной половинѣ неба звѣзды восходятъ, поднимаются, а на западной опускаются и заходятъ; точно весь сводъ небесный со всѣми звѣздами поворачивается вокругъ насъ съ востока на западъ.

Такъ прежде люди и думали. Они представляли себѣ, что наша земля стоитъ въ самой середкѣ, а солнце и всѣ звѣзды непрерывно ходятъ вокругъ нея.

Но не всегда можемъ мы довѣрять нашимъ глазамъ. Когда несетъ лодку по теченію, и

смотришь съ лодки на берегъ, то кажется, что не лодка двигается впередъ, а берегъ идетъ мимо насъ. То же самое, когда ѣдешь по желѣзной дорогѣ: дома, столбы, все такъ и летитъ мимо. Мы знаемъ, что и столбы, и деревья, и дома стоятъ неподвижно, а между тѣмъ такъ и кажется, что они бѣгутъ.

То же самое съ солнцемъ и звѣздами. Ученые доказали, что не солнце и звѣзды ходятъ вокругъ земли, а нашъ земной шаръ, какъ волчекъ, непрерывно кружится. Оттого намъ и представляется, что весь небесный сводъ со всѣми свѣтилами поворачивается вокругъ насъ.

Поставимъ на столъ лампу; пусть она изображаетъ солнце, а круглое яблоко замѣнитъ намъ земной шаръ. Проткнемъ яблоко черезъ самую середку вязальною иглою и поставимъ иглу въ подушечку такъ, чтобы яблоко приходилось на одной высотѣ съ огнемъ лампы. Одна половина яблока освѣщена лампой, а другая темна: на одной половинѣ, значить, день, на другой ночь.

Если мы затѣмъ станемъ поворачивать иглу, то и яблоко будетъ кружиться.

Двѣ точки на яблокѣ, чрезъ которыя проходитъ игла, не перемѣняютъ своего мѣста. Эти точки называются *полюсами*, — одна сѣвернымъ, другая южнымъ. Прямая линія отъ одного полюса до другого, чрезъ середину яблока, называется *осью*; у насъ эту линію представляетъ игла. Проведемъ на поверхности яблока, на его серединѣ, кругъ такъ, чтобы онъ повсюду находился на одинаковомъ удаленіи отъ того и другого полюса. Такой кругъ называется *экваторомъ*. Онъ раздѣлитъ землю на двѣ половины или на два полушарія, *сѣверное и южное*.

Воткнемъ въ освѣщенную половину яблока, поближе къ экватору, булавочку по самую головку. Пусть эта головка изображаетъ человѣка на землѣ.

Станемъ теперь потихоньку вертѣть вязальную иглу. Мы замѣтимъ, что булавочная головка, которая была какъ разъ на серединѣ освѣщенной половины, подвигается къ тѣни. Когда мы повернемъ яблоко на четверть круга, головка будетъ на самомъ краю освѣщенной части. Повернемъ еще немножко, и уже свѣтъ лампы не достигаетъ булавочной го-

ловки: для нашего человѣка *лампа закатилась*. Повернемъ еще на четверть круга и булавочная головка будетъ на серединѣ темной стороны. Еще такой же поворотъ, булавочная головка опять вступаетъ въ ламповый свѣтъ: для нашего наблюдателя *лампа всходитъ*. Еще одинъ поворотъ въ четверть круга, яблоко сдѣлало теперь полный оборотъ на оси, и лампа опять свѣтитъ надъ самой булавочной головкой, какъ вначалѣ.

Итакъ, лампа какъ бы прошла надъ булавочной головкой, закатилась, взошла и снова пришла на прежнее мѣсто; все это произошло вслѣдствіе полного поворота яблока на оси.

Какъ вертится яблоко, такъ вертится и земля наша, и отъ этого движенія происходитъ на землѣ день и ночь. Повернется земля къ солнцу одной стороной—тутъ будетъ день, а на другой сторонѣ ночь; повернется другой стороной, и вмѣсто дня будетъ ночь, а гдѣ была ночь, будетъ день.

У земли, разумѣется, нѣтъ никакого отдѣльнаго стержня, на которомъ она могла бы вертѣться: она вертится безъ всякаго стержня,—

вертится такъ, какъ вертится, напримѣръ, волчокъ: но, глядя на волчокъ, мы можемъ указать ту линію, вокругъ которой онъ вертится; точно такъ же мы можемъ мысленно представить себѣ линію, которая проходитъ черезъ самую середку земли и соединяетъ оба ея полюса, сѣверный и южный. Это и будетъ *земная ось*, — т. е. та линія, около которой вертится земля. *А Гердъ.*

ДВИЖЕНИЕ ЗЕМЛИ ВОКРУГ СОЛНЦА.

Вы узнали, что земля наша шарообразна, и что она безостановочно кружится на своей оси. Если бы земля не вертѣлась, день не смѣнялся бы ночью: на одной половинѣ земного шара былъ бы вѣчный день, а на другой половинѣ — вѣчная ночь.

Но земля не только кружится, какъ волчекъ: она, кромѣ того, безостановочно ходитъ вокругъ солнца и дѣлаетъ полный обходъ въ 365 дней или въ одинъ годъ.

При этомъ земная ось нѣсколько наклонена къ тому пути, по которому она ходитъ вокругъ солнца и потому поворачивается къ солнцу больше то сѣвернымъ, то южнымъ полюсомъ. Отъ этого у насъ и смѣняются времена года: весна, лѣто, осень, зи-

ма. Въ іюнѣ, 9-го числа, сѣверный полюсъ земли всего больше наклоненъ къ солнцу, а южный всего больше отклоненъ. Россія наша находится въ сѣверномъ полушаріи, а потому въ это время у насъ начинается лѣто, а на южной половинѣ земли—зима. Въ декабрѣ; 9-го числа, земля находится какъ разъ противъ того мѣста, гдѣ она была 9-го іюня. Въ это время къ солнцу всего больше наклоненъ южный полюсъ, а сѣверный всего больше отклоненъ отъ него. У насъ начинается зима, а на южномъ полушаріи лѣто.

8-го марта и 10-го сентября, ни тотъ, ни другой полюсъ ни мало не наклонены къ солнцу. Въ сѣверномъ полушаріи 8-марта начинается весна, а въ южномъ осень.

Въ эти дни, 8-го марта и 10-го сентября, на всей землѣ ночь равна съ днемъ. Чѣмъ больше наша (сѣверная) половина земли наклонена къ солнцу, тѣмъ и день у насъ длиннѣе, и, наоборотъ, чѣмъ больше сѣверная половина отклонена отъ солнца, тѣмъ короче у насъ день и тѣмъ длиннѣе ночь. Вотъ почему въ Петербургѣ зимою бывають такіе короткіе дни, что едва только часовъ пять можно ра-

ботать безъ огня, а въ іюнѣ ночью совсѣмъ не бываетъ темно: заря съ зарею сходится.

Прослѣдимъ еще разъ путь земного шара и посмотримъ, какъ измѣняются времена года и длина дней на сѣверной половинѣ земли, гдѣ наша Россія.

8-го марта оба полюса, сѣверный и южный, находятся въ одинаковомъ положеніи относительно солнца. День равенъ ночи. У насъ наступаетъ весна.

Съ 8-го марта по 9-е іюня, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, земля, обходя вокругъ солнца, все больше и больше наклоняется къ нему сѣвернымъ полушаріемъ. У насъ дни постепенно увеличиваются, а ночи становятся короче.

9-го іюня. Наибольшій наклонъ сѣвернаго полушарія къ солнцу. Самый долгій день и самая короткая ночь. Начало лѣта.

Съ 9-го іюня по 10-е сентября, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, сѣверное полушаріе постепенно отклоняется отъ солнца. День становится короче, но все это время онъ еще длиннѣе ночи.

10-го сентября земля находится какъ разъ противъ того мѣста, гдѣ она была 8-го мар-

та. Оба полушарія, сѣверное и южное, одинаково наклонены къ солнцу. День во всѣхъ мѣстахъ земного шара равенъ ночи. У насъ начинается осень.

Съ 10-го сентября по 9-е декабря, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, сѣверная половина земли все больше и больше отклоняется отъ солнца. У насъ день укорачивается, а ночь становится длиннѣе.

9-е декабря. Земля приходится какъ разъ противъ того мѣста, гдѣ она была 9-го іюня. Наибольшее отклоненіе сѣвернаго полушарія отъ солнца. Самый короткій день и самая длинная ночь.

Съ 9-го декабря по 8-е марта, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, южное полушаріе постепенно отклоняется отъ солнца. У насъ день удлиняется, но все это время остается короче ночи.

8-го марта опять день равенъ ночи, наступаетъ весна, и т. д.

Весь обходъ земля совершаетъ въ 12 мѣсяцевъ или, точнѣе, въ 365 дней и 6 часовъ.

А. Гердъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Праотець Адамъ и Серафимъ.	3
Взоръ горѣ.	5
Розы земныя.	7
Трудная жертва.	9
Голоса природы.	10
Мудрый наставникъ.	13
Слезы.	16
Молитва малютки.	17
Поймалъ вора.	20
Вращеніе земного шара.	24
Движеніе земли вокругъ солнца	29

Безплатное приложеніе къ журналу „Христіанинъ.“

МІСЯЧНИКЪ
ХРИСТИАНСКИЙ

СЮТЯВІТЪ ІЗЪ СЕБѢ НЕ СОБРАНІИ
ТЕ НАСЪ ПЛІНІ ІЗЪ АНІ ЗАКОНУ
СЮТЯ ІЗЪ СЕБѢ НЕЧОЕ МА БІ І

Кн. 8. Августъ. 1911.

МАЛЕНЬКІЙ ХРИСТІАНИНЪ.

Книжка 8-я.

СЕРГІЕВЪ ПОСАДЪ.

Типографія Св.-Тр. Сергіевой Лавры.

1911.

Печатать дозволяется. Виоанія. Августа 22 дня, 1911 г.
Цензоръ Ректоръ Виоанской Духовной Семинаріи.

Архимандритъ Филиппъ.

Л-8 ВУЖНИИ

ДУХЪ ХРИСТІАНИНА.

Въ Антиохіи Сирійской жили два семейства изстари въ жестокой, взаимной враждѣ, которая отъ родителей переходила въ наслѣдство къ дѣтямъ.

Атталъ и Мено, главы семействъ, старались взаимно, какъ можно болѣе, вредить одинъ другому, и ненависть ихъ съ каждымъ днемъ возрастала.

Но Мено имѣлъ у себя раба, который былъ христіанинъ, жилъ по ученію св. Евангелія, и былъ вѣренъ во всемъ. Мено любилъ его, и ввѣрилъ ему весь домъ свой. И во всемъ, что дѣлалъ Сила, — такъ назывался рабъ, — былъ Богъ съ нимъ.

Разговаривая часто со своимъ домоправителемъ, Мено узналъ наконецъ, откуда происходила его честность, вѣрность и усердіе, и сдѣлался, подобно ему, вѣрующимъ, и крестился во имя Господа.

Съ этого времени Мено сталъ совсѣмъ другой, и не говорилъ болѣе ни одного дурного слова объ Атталѣ, который каждый день причинялъ ему новое огорченіе.

Такая кротость еще болѣе раздражала Атталу, и онъ подкупилъ дурныхъ людей, чтобъ они опустошили ночью садъ Мено и вырубилъ прекраснѣйшія деревья, которыя онъ самъ насадилъ и которыя были очень дороги для него.

Тогда друзья Мено пришли къ нему, и сказали:

— Если ты оставишь это безъ всякаго мщенія, то онъ надѣлаетъ тебѣ гораздо больше зла.

Но Мено отвѣчалъ:

— Злодѣйство учинено ночью. Атталъ откажется отъ него. Между тѣмъ оно послужитъ мнѣ къ упражненію въ терпѣніи. Не такой ли же злой духъ былъ прежде и во мнѣ?

Вскорѣ послѣ того друзья Мено привели

къ нему двухъ мальчишекъ изъ числа тѣхъ, которыхъ Атталъ подкупалъ вырубить садъ его, и сказали:

— Вотъ, они признались въ учиненномъ дѣйствѣ: теперь ты можешь обличить его въ учиненномъ злодѣйствѣ и строго взыскать съ него.

Но Мено отвѣчалъ:

— Я простилъ ему, и не хочу питать въ душѣ моей злобы, хотя, признаюсь, мнѣ очень жаль моихъ деревьевъ.

Друзья его чрезвычайно вознегодовали на него за то.

Спустя нѣсколько времени, въ домѣ Аттала случился сильный пожаръ. Мено поспѣшилъ туда со всѣми своими домашними, и спасъ отъ огня двухъ малютокъ, дѣтей своего врага. Потомъ подошелъ къ Атталу, подаль ему руку, и сказалъ:

Атталъ, да не будетъ болѣе вражды между мною и тобою, между моимъ и твоимъ домомъ!

И, утѣшая его въ случившемся несчастіи, онъ вызывался помогать ему при постройкѣ новаго дома.

Но Атталь отвернулся, и со злостію сказалъ:

— Пожаръ есть дѣло Мено!

И многіе повѣрили словамъ его.

Это крайне огорчило Мено, и друзья говорили ему:

— Оставь злодѣя, и предай его сатанѣ!

Но онъ отвѣчалъ имъ:

— Онъ человѣкъ и носить въ груди своей растерзанное человѣческое сердце. Я не могу проклясть его.

По прошествіи нѣкотораго времени, Атталь потерялъ все свое имѣніе, и, претерпѣвая съ женою и дѣтьми крайнюю бѣдность, отъ печали сдѣлался наконецъ очень боленъ.

Тогда Мено скрѣпилъ свое сердце, опять пошелъ къ нему, и сказалъ:

— Атталь! Да не будетъ болѣе вражды между нами; подадимъ другъ другу руки, прежде нежели охладѣютъ онѣ. Будемъ жить по-братски: все что мое — пусть будетъ и твоимъ.

Выслушавъ эти слова, Атталь взглянулъ на Мено впадыми глазами, наморщилъ лицо, и отвернулся.

Тогда друзья Мено, насмѣхаясь надъ нимъ, сказали ему:

— Теперь исчерпалось сердце твое для недостойнаго; что еще будешь дѣлать съ нимъ?

— Теперь, — отвѣчалъ Мено, — мнѣ остается только молиться за него.

Между тѣмъ онъ тайно благодѣтельствовалъ Атталу и семейству его, такъ-что они не терпѣли никакой нужды.

Наконецъ Атталу стало хуже, и онъ умеръ.

Услышавъ о смерти его, Мено плакалъ объ немъ, и проводилъ его до могилы, и сдѣлался покровителемъ и утѣшителемъ вдовы и сиротъ его.

И люди говорили:

— Какъ можетъ дѣлать это человѣкъ?

Они не знали того духа, который жилъ въ Мено.

Мено былъ христіанинъ.

ИСТОЧНИКЪ ИСЦѢЛЕНІЯ.

 въ Дамаскѣ, въ землѣ Арамской, жилъ человекъ, по имени Варухъ, который во всей странѣ славился необычайнымъ богатствомъ, такъ-что объ немъ обыкновенно говорили:

„Справедливо называется онъ Варухомъ“ *).

Варухъ обладалъ сокровищами Индіи и Аравіи, жилъ въ великолѣпныхъ чертогахъ, имѣлъ добродѣтельную жену и прекрасныхъ дѣтей, и, однакожъ, несмотря на то, его сердце не наслаждалось спокойствіемъ и радостію. Каждый день старался онъ умножать блескъ

*) Т. е. благословеннымъ.

и великолѣпіе въ своемъ домѣ, чтобы сдѣлать его жилищемъ утѣхъ и радостей, но въ душѣ его было мрачно и уныло. Онъ — все болѣе становился угрюмѣе, и сонъ бѣжалъ отъ глазъ его.

Тогда сказалъ онъ, наконецъ, самому себѣ: — Что мнѣ въ жизни? Что такое могла бы она доставить мнѣ, чѣмъ не обладалъ бы я отъ самаго дѣтства? Я познаю, что все подъ солнцемъ суета, и душа моя ни въ чемъ не находитъ удовольствія.

Погружаясь въ мрачныя думы онъ наводилъ уныніе на весь домъ, и всѣмъ былъ въ тягость, такъ что объ немъ говорили: „Его мучить злой духъ“.

Уже помышлялъ онъ прекратить жизнь свою, чтобы избавиться отъ такого мучительнаго состоянія. Но вотъ онъ узнаетъ, что въ городѣ Мемфисѣ, въ странѣ Месраимъ *), есть человѣкъ, одаренный отъ Бога такою мудростію, что можетъ давать полезныя совѣты во всѣхъ случаяхъ, — и онъ рѣшается отправиться къ нему за совѣтомъ. Призы-

*) Египетъ.

ваетъ вѣрнѣйшаго изъ рабовъ своихъ, по имени Малха, и говоритъ ему: — Приготовь мнѣ двухъ верблюдовъ, и нагрузи ихъ золотомъ, серебромъ и драгоценными камнями и всѣми лучшими произведеніями Аравіи.

И малхъ сдѣлалъ, какъ приказалъ ему господинъ его. Тогда Варухъ благословилъ жену и дѣтей, и отправился съ рабомъ своимъ въ Месраимъ.

Двѣ недѣли странствовали они по пустынѣ, но до той страны не дошли. Они сбились съ дороги, и во всей окрестности пустыни не находя нигдѣ источника, томились жаждою. Чтобы сколько нибудь прохладить языкъ, они ночью собирали росу на своихъ одеждахъ и сосали ихъ.

Тогда Варухъ, тяжело вздохнувъ, сказалъ:

— О, какъ охотно отдалъ бы я всѣ сокровища, которыя со мною, за чашу воды, которая бьетъ въ садахъ моихъ изъ мрамора и пурпура, и всѣ драгоценныя вина въ погребахъ моихъ за малый источникъ, который утолилъ бы жажду нашу!

Такъ вздыхалъ Варухъ.

Между тѣмъ день былъ знойный; жаръ безпрестанно увеличивался; жажда усиливалась,—и они отъ утомленія пришли въ совершенное изнеможеніе.

Тогда Варухъ сказалъ Малху:

— Вѣрный рабъ мой и сопутникъ! За тѣмъ ли я привелъ тебя сюда, чтобы ты умеръ изъ-за меня! Дома былъ я всѣмъ въ тягость своею мрачною задумчивостію, а здѣсь я гублю тебя, вѣрный мой Малхъ. И, не смотря на то, ты, какъ агнецъ, все сносишь терпѣливо,—ни одной жалобы не слышно изъ устъ твоихъ; ты не ропщешь на своего губителя, который за вѣрность твою повергъ тебя въ такое ужасное положеніе. О, Малхъ! Чѣмъ могу я воздать тебѣ?

Такъ говорилъ Варухъ.

Но Малхъ отвѣчалъ:

— Какъ же не итти мнѣ за господиномъ моимъ и на смерть? Не твой ли ѣлъ я хлѣбъ, не твое ли вино пилъ до сего дня? Если я наслаждался добромъ, то какъ же не потерпѣть мнѣ и зла! Да сохранить только тебя Господь отъ этого несчастія, и да возьметъ

душу мою за тебя. Я одинъ, а объ тебѣ будутъ плакать жена и дѣти.

Сказавъ это, Малхъ отъ сильнаго утомленія упалъ на землю.

Тогда Варухъ, въ сильной горести, палъ на лицо свое, и, рыдая, взывалъ:

— Господи! Владыка неба и земли! Порази меня! Я не достоинъ той милости, которую явилъ Ты надо мною, и бремя грѣховъ моихъ тяготитъ душу мою. Порази меня: мои дѣла заслужили это.

Тутъ онъ не могъ болѣе продолжать, и только громко рыдалъ.

И вотъ—послышался издали шумъ, похожій на шумъ источника. Варухъ приподнялъ голову и прислушивался, и вдругъ видитъ, что верблюды повернулись и пошли къ скалѣ, откуда слышался шумъ.

Тогда Варухъ сказалъ:
— Неужели Господь сотворилъ чудо, и среди пустыни разверзъ камень, чтобы спасти насъ отъ смерти.

Такъ сказалъ Варухъ и тотчасъ послѣдовалъ за верблюдами. И вотъ, у подошвы скалы находится онъ источникъ со свѣтлою водою.

Тутъ Варухъ снова палъ на лицо свое, и со слезами взывалъ:

— Господи, Боже мой! Теперь воистину познаю я, что Ты милосердъ, и благодѣтель Твоя велика: Ты сотворилъ чудо надо мною, недостойнѣйшимъ Твоего милосердія!

И Варухъ не пилъ изъ источника; но, по черпнувъ воды, поспѣшилъ къ рабу своему, Малху, и умылъ лицо его. Малхъ открылъ глаза, и увидѣлъ предъ собою господина своего. Варухъ бросился къ нему на шею, плакалъ отъ радости и взывалъ:

— О Малхъ! ты болѣе не рабъ, но другъ души моей! Господь умилился надъ нами и указалъ намъ источникъ. Пей, Малхъ и подкрѣпи силы свои.

Когда Малхъ подкрѣпилъ себя питьемъ, Варухъ повелъ его къ источнику. Тамъ они сѣли и вкусили пищи, напоили и накормили своихъ верблюдовъ, — и стали веселы и спокойны и пребыли тамъ до другого дня.

Когда же солнце взошло высоко, Малхъ сказалъ своему господину:

— Прикажи, господинъ мой, наполнить мѣхи водою: время продолжать намъ путь

нашъ; вѣрно, теперь недалеко намъ до земли Месраимъ.

Варухъ, смотря на вѣрнаго раба своего, улыбнулся, пожалъ ему руку, и сказалъ:

— Нѣтъ братъ мой Малхъ, теперь не зачѣмъ итти намъ въ Мемфисъ, къ мудрецу Месраимскому; Господь послалъ мнѣ мудрость, которой я искалъ. И такъ пойдемъ обратно тѣмъ путемъ, которымъ шли.

Тогда наполнили они мѣхи свѣжею водою, напоили верблюдовъ, напились сами и, благословляя источникъ, спасшій ихъ отъ гибели, съ веселымъ духомъ отправились въ обратный путь.

Возвратились домой.

Фирса, жена Варуха, которая сидѣла съ дѣтьми подъ пальмами у дверей дома, какъ только увидѣла своего мужа, испугалась. Но Варухъ бросился къ ней со всею нѣжностію и, обнимая ее и дѣтей, плакалъ отъ радости.

Тогда Фирса возвысила голосъ свой, и сказала:

— Благословенъ мудрецъ Месраимскій, который такъ скоро возвратилъ васъ домой, и благословенъ Варухъ, мой возлюбленный!

Варухъ! Ты теперь совсѣмъ другой, и твой свѣтлый взоръ выражаетъ довольство и радость. Назови же мнѣ того человѣка Божія, который возвратилъ миръ въ твою душу, чтобы мнѣ благословлять его?

Варухъ улыбнулся и рассказалъ ей обо всемъ, что случилось съ нимъ въ путешествіи, и потомъ сказалъ:

— И такъ, не человѣкъ, не мудрецъ, но Самъ Господь вразумилъ меня. Въ пустынѣ я научился смиренію, въ источникѣ позналъ благодать и милосердіе Божіе, и въ моемъ рабѣ нашелъ я человѣка и друга. И вотъ, я возвращаюсь къ вамъ совсѣмъ другой, и въ моемъ сердцѣ обитаетъ миръ, который дороже серебра и золота, и котораго не могли доставить мнѣ мои сокровища.

Такъ говорилъ Варухъ, — и обхожденіе его со всѣми было ласково, дружественно и просто. Сокровища свои онъ употреблялъ на благотвореніе, и не было во всей странѣ ни одного бѣднаго, которому онъ не помогалъ бы, и объ немъ, обыкновенно, говорили:

„Справедливо называется онъ Варухомъ,

потому что онъ благословенный Богомъ, и
отъ него самого исходитъ благословеніе“.

А онъ говорилъ:
— И этому научилъ меня источникъ.

По прошествіи года, онъ отправился къ то-
му источнику съ другомъ своимъ, Малхомъ,
съ женою и дѣтьми, и устроилъ при немъ
гостинницу для странствующихъ въ пустынь.

Источникъ назвалъ онъ Веоръ рефа, что
значить: Источникъ исцѣленія.

Такъ называется источникъ исцѣленія и до
сего дня.

БЛАГОДѢТЕЛЬНАЯ ЖИЗНЬ.

Въ приморскомъ городѣ Газѣ жилъ человекъ, по имени Эглонъ, который въ продолженіе многихъ лѣтъ былъ судьей въ своемъ народѣ, и обладалъ большимъ имуществомъ. Но народъ прославлялъ не столько его богатство, сколько его правосудіе и благотворительность, и бѣдные называли его въ душѣ своимъ отцомъ.

Когда насталъ день его кончины, онъ призвалъ къ себѣ своихъ друзей и братьевъ съ ихъ дѣтьми, и сказалъ имъ: — Вотъ, я умираю. Ангелъ смерти явился мнѣ въ нынѣшнюю ночь, и я слышалъ тихое

вѣяніе крыла его. И такъ, возрадуйтесь нынѣ со мною, друзья мои!

Это для всѣхъ окружающихъ его показалось довольно страннымъ, и они, смотря другъ на друга, говорили:

— О, когда бы нынѣ въ первый разъ слова Эглона оказались несправедливыми!

Но онъ, улыбаясь, сказалъ имъ:

— Любезные мои! Не печальтесь, и не питайте тщетной надежды. Конецъ дней моихъ насталъ. Я вижу теперь такъ близко передъ собою Ангела смерти уже въ третій разъ въ моей жизни; поэтому лицо его мнѣ знакомо. Но нынѣ въ первый разъ является онъ мнѣ со свѣтлымъ ласковымъ взоромъ, и потому я охотно и съ радостію слѣдую за нимъ.

Друзья его смотрѣли на него и молчали.

Но онъ, замѣтивъ, что имъ хотѣлось спросить его, сказалъ:

— Я расскажу вамъ главное въ моей жизни, и тогда слова мои будутъ понятны для васъ. Юности моя протекла весело и спокойно; печали и заботы жизни мнѣ были тогда неизвѣстны. Когда же достигъ я мужескаго возраста, меня поставили судьбою въ Газѣ и

вѣрили моимъ рѣшеніямъ и приговорамъ. Пользуясь довѣренностію и уваженіемъ отъ народа, я наслаждался счастіемъ семейнымъ. Моя жена была прекраснѣйшая изъ дочерей всей страны, и меня всѣ единогласно называли счастливѣйшимъ мужемъ. Тогда Господь послалъ мнѣ тяжкую болѣзнь: цѣлый мѣсяцъ пролежалъ я въ постели,—и мудрость человѣческая не въ состояніи была помочь мнѣ. Онъ умеръ, говорили врачи. Тогда въ первый разъ явился мнѣ Ангелъ смерти въ страшномъ видѣ, и я молился, чтобы онъ миновалъ меня. Онъ миновалъ. Жизнь для меня стала прекраснѣе, нежели когда-либо. Жена родила мнѣ сына и дочь. Тогда всѣ говорили: „Эглонъ счастливѣйшій человѣкъ на землѣ!“ Но вотъ изъ-за моря пришла Месраимская чума—и малютокъ моихъ не стало. Умерла и жена. Я остался одинъ на богатыхъ коврахъ моихъ—и мой домъ сталъ для меня слишкомъ просторенъ и слишкомъ тѣсенъ. Тогда, въ лютой горести, въ отчаянномъ изступленіи, я звалъ къ себѣ Ангела смерти, и называлъ его губителемъ, и когда онъ, поражая другихъ, прошелъ мимо меня, я ска-

заль: „во глубинѣ моря сыщу я лютаго, чтобы онъ соединилъ меня съ моими!“ И я вышелъ ночью на берегъ моря. Но дорогою услышалъ я въ одной хижинѣ вопль и стоны, и зашелъ въ нее, думая найти въ ней товарища въ моемъ злосчастіи. Тамъ лежала на полу женщина, и рвала на себѣ волосы; пятеро дѣтей ея вокругъ нея плакали и просили хлѣба; подлѣ нихъ стоялъ старикъ, согбенный и дрожащій. Я ужаснулся, и, обращаясь къ женщинѣ, спросилъ: „Что съ тобою случилось? какое несчастіе постигло тебя?“ Тогда старецъ сказалъ: „Въ послѣднюю бурю море поглотило мужа ея, моего сына, вмѣстѣ съ его лодкою и со всѣмъ достояніемъ его. Богачъ, который ссудилъ его деньгами, требуетъ ихъ обратно, и какъ мы не могли заплатить ему, то онъ взялъ у насъ все, что нашель, и завтра выгонитъ насъ изъ этой хижины, если только голодъ не избавитъ насъ прежде отъ этого несчастія. — Зачѣмъ же вы не обратились къ Эглону, судѣ Газы? спросилъ я. Тутъ женщина вздохнула и сказала: „Эглонъ живетъ въ большихъ палатахъ, и онъ счастливѣйшій человѣкъ на землѣ“. — „При-

томъ же, я сказалъ старикъ, долгъ справедливъ, и Эглонъ призналъ его законнымъ“. — „Боже небесный! воскликнулъ я тогда. Эглонъ, это ли правосудіе твое!“ И я остался у нихъ въ хижинѣ и старался успокоить ихъ, и на другой день утромъ сказалъ имъ: „я Эглонъ, судья Газы! Идите же въ мой домъ, чтобы я могъ оказать вамъ правосудіе“. — Съ этого времени мнѣ открылся новый свѣтъ. Я позналъ мою бѣдность предъ Богомъ и увидѣлъ себя гораздо большимъ должникомъ предъ Нимъ, нежели тѣ, которыхъ принялъ я въ домъ свой. И я молилъ Господа, чтобы Онъ управилъ стопы мои на стезю правды, на путь спасенія. И жизнь получила для меня гораздо высшее значеніе. Мой домъ былъ отверстъ для всѣхъ, и нуждающіеся безпомощные находили въ немъ пристанище и отраду. — Такимъ образомъ жизнь моя три раза измѣняла видъ свой, а съ нею вмѣстѣ измѣнялся и видъ смерти. Во дни благоденствія явилась она мнѣ, какъ злодѣй, какъ убійца; во дни злополучія — какъ темничный стражъ, который подаетъ узнику чашу съ ядомъ; а теперь я узнаю въ ней мирнаго по-

сланника Божія, который пришелъ взять меня, и въ странѣ вѣчной жизни соединить меня на вѣки съ моими возлюбленными.

Такъ говорилъ старецъ Эглонъ.

Тутъ силы его ослабѣли, голова склонилась,—и благодѣтельная жизнь его на землѣ пресѣклась мирною смертію.

АЛТАРЬ ДЛЯ ЖЕРТВЫ.

динъ богатый юноша тяжело занемогъ и долгое время пролежалъ въ постели, но, наконецъ, ему стало легче—и онъ выздоровѣлъ. Вышедши въ первый разъ въ садъ, онъ былъ, какъ бы новорожденный, полонъ радости, и славословилъ Господа громкимъ голосомъ, и, въ избыткѣ благодарныхъ чувствъ, обращая взоръ и сердце свое къ небу, воскликнулъ:

— О, Всеблаженный и Вседовольный! Если бы человѣкъ могъ что-либо воздать Тебѣ, какъ охотно отдалъ бы я все свое имѣніе!

Эти слова слышалъ одинъ благочестивый старецъ, и, подошедши къ богатому юношѣ, сказалъ ему:

— Благіе дары нисходятъ свыше; туда послать ты ничего не можешь. Но иди, слѣдуй за мною.

Юноша послѣдовалъ за благочестивымъ старцемъ, и они пришли въ одну мрачную, полуразвалившуюся хижину, гдѣ встрѣтила ихъ ужасная нищета и горестъ. Отецъ лежалъ больной, мать плакала, дѣти были наги и просили хлѣба.

Ужаснулся юноша.

Тогда старецъ сказалъ ему:

— Вотъ, здѣсь алтарь для твоей жертвы! Это меньшіе братья Господни.

И юноша простеръ къ нимъ благодѣтельную руку, — и утѣшенные несчастные благословили его и называли „Ангеломъ Божиимъ“.

Но старецъ, улыбаясь, сказалъ ему:

— Такъ всегда — сначала обращай благодарный взоръ свой на небо, а потомъ на землю.

— О, Вседовольный и Всевладычный! —

Тогда старецъ, воздвигъ руки, сказалъ:

— Имя твое въ вѣки вѣковъ!

Эти слова слышавъ юноша, —

и, поклонившись, —

сказалъ:

ВАНЬКА.

Разсказъ А. Чехова.

анька Жуковъ, девятилѣтній мальчикъ, отданный три мѣсяца тому назадъ въ ученье къ сапожнику Аляхину, въ ночь подъ Рождество не ложился спать. Дождавшись, когда хозяева и подмастерья ушли къ заутренѣ, онъ досталъ изъ хозяйскаго шкапа пузырекъ съ чернилами, ручку съ заржавленнымъ перомъ и, разложивъ передъ собой измятый листъ бумаги, сталъ писать. Прежде чѣмъ вывести первую букву, онъ нѣсколько разъ пугливо оглянулся на двери и окна, покосился на темный образъ, по обѣ стороны котораго тянулись полки съ колодками, и прерывисто

вздохнулъ. Бумага лежала на скамьѣ, а самъ онъ стоялъ предъ скамьей на колѣняхъ.

„Милый дѣдушка, Константинъ Макарычъ! — писалъ онъ. — И пишу тебѣ письмо. Поздравляю васъ съ Рождествомъ и желаю тебѣ всего отъ Господа Бога. Нѣтъ у меня ни отца, ни маменьки, только ты у меня одинъ остался“.

Ванька перевелъ глаза на темное окно, въ которомъ мелькало отраженіе его свѣчки, и живо вообразилъ себѣ своего дѣда Константина Макарыча, служащаго ночнымъ сторожемъ у господъ Живаревыхъ. Это маленькій, тощенькій, но необыкновенно юркій и подвижной старикашка, лѣтъ 65-ти, съ вѣчно смѣющимся лицомъ и пьяными глазами. Днемъ онъ спитъ въ людской кухнѣ или балагурить съ кухарками, ночью же, окутанный въ просторный тулупъ, ходитъ вокругъ усадьбы и стучитъ въ свою колотушку. За нимъ, опустивъ голову, шагаютъ старая Каштанка и кобелекъ Вьюнъ, прозванный такъ за свой черный цвѣтъ и тѣло, длинное какъ у ласки.

Теперь, навѣрно, дѣдъ стоитъ у воротъ,

щурить глаза на ярко-красныя окна деревенской церкви и, притопывая валенками, балагурить съ дворней. Колотушка его подвязана къ поясу. Онъ всплескиваетъ руками, пожимается отъ холода и старчески хихикаетъ.

А — Табачку нешто намъ понюхать? — говоритъ онъ, подставляя бабамъ свою табакерку.

Бабы нюхаютъ и чихаютъ. Дѣдъ приходитъ въ неописанный восторгъ, заливается веселымъ смѣхомъ и кричить:

— Отдирай, примерзло!

Даютъ понюхать табакъ и собакамъ. Каштанка чихаетъ, крутитъ мордой и, обиженная, отходитъ въ сторону. Вьюнъ же изъ почтительности не чихаетъ и вертитъ хвостомъ. А погода великолѣпная. Воздухъ тихъ, прозраченъ и свѣжъ. Ночь темна, но видно всю деревню съ ея бѣлыми крышами и струйками дыма, идущими изъ трубъ, деревья, посеребренные инеемъ, сугробы. Все небо усыпано весело мигающими звѣздами, и млечный путь вырисовывается такъ ясно, какъ будто его передъ праздникомъ помыли и потеряли снѣгомъ...

Ванька вздохнулъ, умокнулъ перо и продолжалъ писать:

„А вчера съ мнѣ была выволочка. Хозяинъ выволокъ меня за волосы на дворъ и отчесалъ шпандыремъ за то, что я качалъ ихняго ребятенка въ люлькѣ и по нечаянности заснулъ. А на недѣлѣ хозяйка велѣла мнѣ почистить селедку, а я началъ съ хвоста, а она взяла селедку и ейной мордой начала меня въ харю тыкать. Подмастерья надо мной насмѣхаются, посылають въ кабаки за водкой и велятъ красть у хозяевъ огурцы, а хозяинъ бьетъ, чѣмъ попадя. А ѣды нѣту никакой. Утромъ даютъ хлѣба, въ обѣдъ каши и къ вечеру тоже хлѣба, а чтобъ чаю или щей, то хозяева сами трескають. А спать мнѣ велятъ въ сѣняхъ, а когда ребяенокъ ихній плачетъ, я вовсе не сплю, а качаю люльку. Милый дѣдушка, сдѣлай божецкую милость, возьми меня отсюда домой, на деревню, нѣтъ никакой моей возможности. Кланяюсь тебѣ въ ножки и буду вѣчно Бога молить, увези меня отсюда, а то помру“...

Ванька покривилъ ротъ, потеръ своимъ чернымъ кулакомъ глаза и всхлипнулъ.

„Я буду тебѣ табакъ тереть,—продолжалъ онъ:—Богу молиться, а если что, то съки меня, какъ Сидорову козу. А ежели думаешь должности мнѣ нѣту, то я Христа-ради попрошусь къ приказчику сапоги чистить, али замѣсто Оедьки въ подпаски пойду. Дѣдушка милый, нѣту никакой возможности, просто смерть одна. Хотѣлъ было пѣшкомъ на деревню бѣжать, да сапоговъ нѣтъ, морозу боюсь. А когда вырасту большой, то за это самое буду тебя кормить и въ обиду никому не дамъ, а помрешь, стану за упокой души молить, все равно какъ за мамку Пелагею.

„А Москва городъ большой. Дома все господскіе и лошадей много, а овецъ нѣту и собаки не злыя. Со звѣздой тутъ ребята не ходятъ и на клиросъ пѣть никого не пуcaютъ, а разъ я видалъ въ одной лавкѣ, на окнѣ, крючки продаются прямо съ леской и на всякую рыбу, очень стоящіе, даже такой есть одинъ крючокъ, что пудоваго сома удержитъ. И видалъ которыя лавки, гдѣ ружья всякія на манеръ бариновыхъ, такъ что, небось, рублей сто каждое... А въ мясныхъ лавкахъ и тетерева, и рябцы, и зайцы, а въ ко-

торомъ мѣстѣ ихъ стрѣляютъ, про то сидѣльцы не сказываютъ.

„Милый дѣдушка, а когда у господъ будетъ елка съ гостинцами, возьми мнѣ золоченый орѣхъ и въ зеленый сундучокъ спрячь. Попроси у барышни Ольги Игнатьевны, скажи для Ваньки“.

Ванька судорожно вздохнулъ и опять усталъ на окно. Онъ вспомнилъ, что за елкой для господъ всегда ходилъ въ лѣсъ дѣдъ и бралъ съ собою внука. Веселое былое время! И дѣдъ крикалъ, и морозъ крикалъ, а глядя на нихъ, и Ванька крикалъ. Бывало, прежде чѣмъ вырубить елку, дѣдъ выкуриваетъ трубку, долго нюхаетъ табакъ, посмѣивается надъ озябшимъ Ванюшкой... Молодые елки, окутанныя инеемъ, стоятъ неподвижно и ждутъ, которой изъ нихъ помирать? Откуда ни возмись, по сугробамъ летитъ стрѣлой заяцъ... Дѣдъ не можетъ, чтобъ не крикнуть. — Держи, держи... держи! Ахъ, куцый дьяволъ!

Срубленную елку дѣдъ тащилъ въ господскій домъ, а тамъ принимались убирать ее. Больше всѣхъ хлопотала барышня Ольга Иг-

натъевна, любимица Ваньки. Когда еще была жива Ванькина мать Пелагея и служила у господъ въ горничныхъ, Ольга Игнатьевна кормила Ваньку леденцами и отъ нечего дѣлать выучила его читать, писать, считать до ста и даже танцовать кадрили. Когда же Пелагея умерла, сиротку Ваньку спровадили въ людскую кухню къ дѣду, а изъ кухни въ Москву къ сапожнику Аляхину...

„Пріѣзжай, милый дѣдушка, — продолжалъ Ванька: — Христомъ Богомъ тебя молю, возьми меня отсюда. Пожалѣй ты меня сироту несчастную, а то меня всѣ колотятъ, и кушать страсть хочется, а скука такая, что и сказать нельзя, все плачу. А намедни хозяинъ колодой по головѣ ударилъ, такъ что упалъ и на силу очухался. Пропадающая моя жизнь, хуже собаки всякой... А еще кланяюсь Аленѣ, кривому Егоркѣ и кучеру, а гармонію мою никому не отдавай. Остаюсь твой внукъ Иванъ Жуковъ, милый дѣдушка пріѣзжай“.

Ванька свернулъ вчетверо исписанный листъ и вложилъ его въ конвертъ, купленный наканунѣ за копѣйку... Подумавъ немного, онъ умокнулъ перо и написалъ адресъ:

На деревню дѣдушкѣ.

Потомъ почесался, подумалъ и прибавилъ: „Константину Макарычу“. Довольный тѣмъ что ему не помѣшали писать, онъ надѣлъ шапку и, не набрасывая на себя шубейки, прямо въ рубахѣ выбѣжалъ на улицу...

Сидѣльцы изъ мясной лавки, которыхъ онъ разспрашивалъ наканунѣ, сказали ему, что письма опускаются въ почтовые ящики, а изъ ящиковъ развозятся по всей землѣ на почтовыхъ тройкахъ съ пьяными ямщиками и звонкими колокольцами. Ванька добѣжалъ до перваго почтоваго ящика и сунулъ драгоценное письмо въ щель...

Убаюканный сладкими надеждами, онъ, часъ спустя, крѣпко спалъ... Ему снилась печка. На печи сидитъ дѣдъ, свѣсивъ босыя ноги, и читаетъ письмо кухаркамъ... Около печи ходитъ Вьюнъ и вертитъ хвостомъ...

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Духъ христіанина.	3
Источникъ исцѣленія.	8
Благодѣтельная жизнь.	17
Алтарь для жертвы.	23
Ванька.	25

Безплатное приложеніе къ журналу „Христіанинъ.“

ПЯТЫЙ
ХРИСТИАНЪ

СЪСТАВИТЕ ДѢЛЪ И ИХЪ ВОЗВРАЩЕНІЮ.
ТЕБѢ ИМѢ ПОИЩАЮ МНѢ ТАКОВИХЪ
ВЪ СЕБѢ ЦРКВѢ НЕМОЕ. МѢ. ДѢ. ДѢ.

Кн. 9. Сентябрь. 1911.

МАЛЕНЬКІЙ ХРИСТІАНИНЪ.

Книжка 9-я.

СЕРГІЕВЪ ПОСАДЪ.

Типографія Св.-Тр. Сергіевой Лавры.

1911.

вища благъ земныхъ привозили во дворецъ къ Іоасафу.

Между тѣмъ, года шли, царевичъ достигъ юношескаго возраста, не зная ничего о печаляхъ и о скорбяхъ людскихъ. Царевичъ зналъ только одни удовольствія и наслажденія жизни. Во дворцѣ находилось все, чего только можно пожелать. Воспитатели и товарищи любили царевича, который былъ со всѣми добръ, уменъ и прекрасенъ собою. Всѣ наперывъ старались угождать ему и забавлять его. Среди удовольствій царевичъ изучилъ и творенія индійскихъ мудрецовъ.

Будучи уменъ и украшенъ всѣми прекрасными свойствами души, царевичъ Іоасафъ, однакожъ, нерѣдко думалъ: почему отецъ хранить его въ затворахъ и не велитъ выходить изъ дворца? И онъ спросилъ объ этомъ одного изъ своихъ воспитателей. Тотъ, зная, что юноша очень уменъ и добръ, рассказалъ ему все подробно о томъ, что одинъ изъ волхвовъ

говорилъ при его рожденіи, и какъ его отецъ Авениръ поднялъ гоненіе на христіанъ, и въ особенности на иноковъ, изъ которыхъ многихъ убилъ, а многихъ изгналъ изъ своего государства.

Съ этого времени у царевича явилось сильное желаніе выйти изъ ограды прекраснаго дворца своего и посмотреть на незнакомый ему міръ.

Желаніе это усиливалось съ каждымъ днемъ, царевичъ сталъ грустенъ и задумчивъ.

Царь Авениръ замѣтилъ задумчивость своего сына и однажды спросилъ его:

— Что опечалило тебя, любезный сынъ мой? Открой мнѣ скорбь твою, и я постараюсь превратить ее въ радость!

— Какая причина моего здѣсь затвора?—спросилъ царевичъ. Зачѣмъ хранишь меня за стѣнами и вратами? Зачѣмъ сдѣлалъ меня безвыходнымъ отсюда и невидимымъ для людей?

Царь Авениръ опечалился.

— Чего же недостаетъ тебѣ въ этомъ

дворцѣ?—сказаль онъ. Здѣсь все, чего только можно пожелать. Здѣсь все существуетъ и всѣ живутъ лишь для твоего удовольствія. Въ мірѣ же тебѣ могутъ встрѣтиться предметы, которые печалятъ тебя, а я желаю, чтобы жизнь твоя текла въ непрерывномъ веселіи.

— Знай хорошо, отецъ, — сказаль сынъ, — что этотъ затворъ приноситъ мнѣ не радость и веселіе, а скорбь и печаль, и такую сильную, что даже самая пища и питіе кажутся мнѣ горькими. Я пламенно хочу видѣть все, что находится за стѣнами, которыя оберегаютъ меня. Если не хочешь, отецъ, чтобы я умеръ отъ скорби, то разрѣши мнѣ выходить всюду, куда я задумаю. Дай моей душѣ насладиться созерцаніемъ того, что я не видѣлъ доселѣ.

Боясь опечалить сына отказомъ, царь Авениръ согласился на его просьбу. Однако же, приказаль окружающимъ, чтобы они не допускали встрѣчать царевичу ничего безобразнаго и печальнаго.

— Пусть, — сказалъ онъ имъ, — очи любимаго сына моего видятъ только то, что веселить сердце человѣческое. Показывайте ему только одно пріятное, свѣтлое и прекрасное.

Царь приказалъ также, чтобы, во время прогулокъ царевича, хоры пѣвцовъ пѣли живые радостные гимны, а впереди его гармонично и сладостно лились звуки музыки, играющей на разныхъ инструментахъ.

Онъ подарилъ Іоасафу прекрасныхъ коней, и вотъ царевичъ сталъ часто выѣзжать изъ дворца, окруженный многочисленною прислугой и всею пышностію царскаго двора. Онъ ѣздилъ далеко, и видѣлъ вездѣ и во всемъ одно отрадное, встрѣчалъ одно прекрасное.

Но вотъ, однажды, по оплошности окружающихъ, царевичу встрѣтились двое несчастныхъ: одинъ былъ слѣпъ, другой одержимъ проказой.

Царевичъ съ ужасомъ спросилъ, что это за люди и что съ ними.

Смущенные служители не могли утѣ-
ить немощи человѣческой, и со страхомъ
отвѣчали:

— Это олицетвореніе страданій, кото-
рыя происходятъ съ людьми отъ тлѣн-
наго вещества тѣлеснаго организма.

— Всѣмъ ли суждено испытывать
ихъ?—спросилъ изумленный царевичъ.

— Не всѣмъ, но тѣмъ, у кого состо-
яніе здоровья измѣняется къ худшему,—
отвѣчали уклончиво служители.

— Если не всѣ люди подвергаются
страданію,—снова спросилъ царевичъ,—
но только нѣкоторые, такъ знаютъ ли
они, что ихъ постигнуть такіе ужасы, или
это происходитъ внезапно и невѣдомо?

— Кто изъ людей можетъ знать свое
будущее,—отвѣчали ему,—и кто можетъ
безошибочно судить о немъ!

Царевичъ замолчалъ, но въ сердце его
проникла грусть. Онъ долго оставался
печаленъ и задумчивъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого,
царевичъ опять встрѣтилъ сѣдого и сог-

беннаго старика. Лицо старика было сморщено, колѣни разслаблены, во рту не было зубовъ.

— Что съ нимъ? какая это болѣзнь?—спросилъ Іоасафъ.

Ему отвѣчали:

— Онъ живетъ уже много лѣтъ, силы его постепенно уменьшаются, члены ослабѣли, и ты видишь, до какого недуга дошелъ онъ теперь?

— Что же будетъ послѣ, когда онъ проживетъ еще нѣсколько лѣтъ?—спросилъ царевичъ.

— Тогда его постигнетъ смерть, то-есть конецъ всему,—отвѣчалъ наставникъ.

— Неужели всѣ осуждены на страданія и смерть, и нѣтъ ли какой хитрости или искусства, чтобы избавиться отъ такихъ бѣдъ?—сказалъ удивленный царевичъ.

Ему отвѣчали, что смерть есть неизбѣжная участь всякаго человѣка; что по неизмѣнному закону природы, всякій, кого не поразила она въ молодости, долженъ ожидать ее въ старости, когда по-

степенно ослабѣютъ его силы.

— Какъ грустна наша жизнь!—воскликнулъ Іоасафъ. Какъ полна скорби и страданій! Можно ли жить въ радости, когда мы знаемъ, что насъ неизбѣжно ждетъ смерть, и что она можетъ постигнуть насъ во всякую минуту!

Когда они возвратились во дворецъ, царевичъ Іоасафъ ушелъ въ свой чертогъ, и погрузился въ сильную печаль. Онъ печально размышлялъ:

„Если всѣ умираютъ, умру и я. Когда же смерть похититъ меня, кто будетъ вспоминать обо мнѣ? Время все предаетъ забвенію. Послѣ смерти, я безслѣдно уничтожусь, или есть еще другая какая-нибудь жизнь, или другой міръ?“

И онъ сталъ томиться смутнымъ желаніемъ привязаться къ чему-нибудь вѣчному, непреходящему.

Мучаясь подобными размышленіями, царевичъ, однако, тайлъ отъ отца свое грустное расположеніе, притворяясь веселымъ.

Только откровененъ былъ со своимъ любимымъ наставникомъ, котораго не разъ спрашивалъ: все ли кончается жизнію сей, и не слыхалъ ли онъ о другой, загробной, жизни.

Наставникъ не могъ ему дать на это удовлетворительнаго отвѣта.

— Я уже раньше говорилъ тебѣ, какъ отецъ твой разсуждающихъ постоянно о томъ, что ты желаешь узнать, мудрыхъ пустынниковъ, — однихъ велѣлъ убить, другихъ же неумолимо преслѣдовалъ, такъ что я теперь никого изъ нихъ не знаю въ окрестности. Но я знаю, что они христіане, вѣрують въ вѣчную жизнь за гробомъ и жертвуютъ для нея всѣми радостями міра, проводя дни свои въ молитвѣ и трудѣ.

Съ этого времени всѣ наслажденія и утѣхи міра стали въ глазахъ царевича какою-то нечистотою и мерзостью, и онъ жилъ въ постоянной печали.

Богъ, желающій всѣмъ спастись и прійти въ разумъ истины, наставилъ юношу

на путь правый. Царевичъ Іоасафъ стремился обрѣсти сокровище для души своей, это увидѣло Всевидящее Око—и озаарило юношу свѣтомъ вѣчнымъ.

Въ это самое время жилъ одинъ инокъ, мудрый, совершенный въ добродѣтели, отличавшійся краснорѣчіемъ и прошедшій весь путь жизни подвижнической. Имя ему было Варлаамъ. Онъ былъ іереемъ и жилъ въ пустынѣ страны Сennaарской.

По откровенію, узнавъ о сынѣ царя Авенира, Варлаамъ вышелъ изъ пустыни, перемѣнилъ свои одежды, сѣлъ на корабль и отправился въ страну индусовъ. Выдавъ себя за купца, онъ пришелъ въ городъ, гдѣ находился дворецъ царевича Іоасафа. Въ городѣ онъ провелъ нѣсколько дней, развѣдывая все о царскомъ сынѣ и о его приближенныхъ. Узнавъ, что упомянутый наставникъ ближе всѣхъ стоитъ къ царевичу. Варлаамъ достигъ свиданія съ нимъ и, оставшись наединѣ, сказалъ ему:

— Передай питомцу твоему, что я при-

шелъ изъ далекой страны и принесть ему драгоцѣнный камень, который превосходитъ цѣнностію всѣ сокровища міра. Камень этотъ даетъ слѣпымъ зрѣніе, больнымъ здравіе, страждущимъ утѣшеніе, наконецъ,—даетъ всѣ блага тому, кто обладаетъ имъ.

— Я вижу, что у тебя зрѣлый умъ,—отвѣчалъ наставникъ,—но твои слова кажутся мнѣ чрезмѣрно хвастливыми. Я не могу пересчитать тебѣ всѣхъ драгоцѣнныхъ камней, которые мнѣ приходилось видѣть, но я не видѣлъ я не слышалъ о камняхъ, имѣющихъ такую силу, какую ты приписываешь своему. Все-таки покажи мнѣ его, и если сказанное тобою справедливо, то я сейчасъ же отнесу его царевичу, и ты получишь отъ него много подарковъ и почестей.

— Ты говоришь правду,—сказалъ ему на это Варлаамъ,—что ты никогда не видѣлъ и не слышалъ о такихъ силахъ и дѣйствіяхъ, потому-что дѣло идетъ не объ обыкновенномъ предметѣ, но объ

удивительномъ и великомъ. Однако, пош
вѣрь моимъ словамъ, я не хваляусь, и
ты во-очію убѣдишься въ томъ, что ты
старался увидѣть. Этотъ драгоценный
камень, кромѣ упомянутой силы и дѣй-
ствія, имѣетъ еще одну силу: его не
можетъ видѣть не имѣющій хорошаго, до-
здороваго зрѣнія и чистаго, ничѣмъ не-
запятнннаго, тѣла. Если такой человѣкъ
внезапно взглянетъ на этотъ драгоцен-
ный камень, то онъ непременно лишится
того зрѣнія и ума, которые имѣетъ. Я
же, будучи свѣдущъ во врачевномъ
искусствѣ, вижу, что твои глаза нездо-
ровы. Поэтому боюсь показать тебѣ ка-
мень, чтобы ты не лишился и того зрѣнія
которое у тебя есть. Относительно царска-
го сына я слышалъ, что зрѣніе у него здо-
рово и жизнь его чиста, почему я и хочу
показать ему это сокровище. Ты же не
лишай своего господина такой покупки.

— Вѣрю словамъ твоимъ, — сказалъ
наставникъ, — и не замедлю доложить объ
этомъ царевичу.

от и Придя въ палату къ Иоасафу, настав-
дники подробно разсказалъ ему все. Ца-
ревичъ овелъ немедленно ввести къ
вд нему этого купца. Варлаамъ вошелъ къ царевичу, покло-
нялся ему и привѣтствовалъ его мудры-
ми и сладостными словами. Когда наставникъ вышелъ, царевичъ
сказалъ мнимому купцу: — Покажи мнѣ тотъ драгоцѣнный ка-
мень, о которомъ ты разсказывалъ моему
наставнику что то необыкновенное и уди-
вительное. Царевичъ началъ Варлаамъ, — я
говорилъ правду твоему наставнику: у
меня есть сокровище. Но если я не буду
убѣжденъ въ твоей разсудительности, то
я не могу открыть тебѣ тайны. Прежде,
чѣмъ показать тебѣ сокровище, я дол-
женъ знать, какъ ты примешь его. А
для этого я разскажу тебѣ притчу, ко-
торую сказалъ Господь мой и Учитель.
„Вотъ, вышелъ сѣятель сѣять. И когда
онъ сѣялъ, иное (сѣмя) упало при до-

рогъ, и налетѣли птицы и поклевали то; иное упало на мѣста каменистыя, гдѣ немного было земли, и скоро возшло, потому что земля была не глубока. Когда же возшло солнце, увяло и, какъ не имѣло корня, засохло. Иное упало въ терніе, и выросло терніе и заглушило его. Иное упало на добрую землю и принесло плодъ: одно во сто кратъ, а другое въ шестьдесятъ, иное же въ тридцать ¹⁾). Что найду я въ сердцѣ твоємъ? Если камень и терніе, то не слѣдуетъ мнѣ сѣять въ такую почву драгоцѣнное сѣмя. Но если я найду въ тебѣ добрую землю, то есть сердце, готовое принять истину, то я не полѣнюсь посѣять въ него Божественное сѣмя. Тогда получишь ты камень драгоцѣнный, просвѣтишься свѣтомъ истины и плодъ воздашь сторицею.

А — Старецъ честный! — воскликнулъ царевичъ, — давно я одержимъ желаніемъ услышать слово новое и благодатное. Давно сердце мое горитъ жаждою исти-

¹⁾ Матѣ. 13 гл., 3—8.

ны. Но до сихъ поръ я не встрѣтилъ
человѣка, который бы разрѣшилъ мои
сомнѣнія и наставилъ меня. Если ты это
можешь, не скрой отъ меня того, что
знаешь. Твои слова падутъ не на камень
и не въ терніе, не унесетъ ихъ легко-
мысліе. Но я приму ихъ съ благодарно-
стію и свято сохраню ихъ въ сердцѣ
своемъ. Уже одно пришествіе твое испол-
нило сердце мое радостию и неизъясни-
мою надеждою.

Варлаамъ, видя желаніе царевича Іоа-
сафа узнать истину, началъ говорить ему
о единомъ Богѣ, Создателѣ вселенной.
Потомъ открылъ ему священное писаніе,
разказалъ о сотвореніи міра, о грѣхо-
паденіи человѣка, о страданіяхъ и бѣд-
ствіяхъ его. Затѣмъ онъ говорилъ ему
о воплощеніи Сына Божія отъ Пречистой
Дѣвы, о вольномъ Его страданіи и во-
скресеніи, о Святой Троицѣ и крещеніи,
о дарахъ Духа Святаго и о всѣхъ тай-
нахъ Святой Вѣры.

Каждое слово Варлаама глубоко запа-

и да лотвъ сердце царевича Іоасафа и на-
 пополнило его любовью и умиленіемъ. Іо-
 отасафъ понялъ, что драгоцѣнный камень,
 от который принесть ему старецъ, есть Хри-
 анстосъ Спаситель. И въ оное время
 Іоасафъ со слезами обнималъ и благо-
 одарилъ Варлаама. И тогда Варлаамъ,
 продолжаят поучать, и ска-
 залъ о доброй и злой смерти, и о вѣ-
 чномъ и всѣхъ воскресеніи, и о жизни
 вѣчной, и о воздаяніи праведныхъ, и о
 вѣснукѣ грѣшныхъ. Онъ также говорилъ
 о Іоасафу о суетѣ и непостоянствѣ міра,
 и о отверженіи его, и о жизни иноче-
 ской и пустынной. И тогда
 Іоасафъ — Подвижники эти, — говорилъ Вар-
 лаамъ, — жизнь любви къ Богу оставили
 и все. И некоторые изъ нихъ, живя подъ
 открытымъ небомъ, терпѣли отъ зноя,
 дождей, свирѣпой вѣстужи, бурь и вѣт-
 ровъ. Другіе же жили въ пещерахъ, или
 въ подземныхъ расщелинахъ. И тогда
 Іоасафъ спросилъ: — Какъ же ты живешь въ пустынѣ,

и другіе дѣла съ тобою? Откуда берешь одежду? Какая твоя пища?

— Мы питаемся плодами, — отвѣчалъ Варлаамъ, — и травой, растущей въ пущѣ. Если же кто изъ вѣрныхъ при- несетъ намъ немного хлѣба, то мы ви- димъ въ этомъ промысленіе Божіе. Одежда наша состоитъ изъ шкуръ, она ветха, и одна для зимы и лѣта. Эта же одежда, въ которую я одѣтъ, не только я взялъ ее у одного мірянина, чтобы не узнали, что я инокъ.

Іоасафъ попросилъ у старца показать ему обычное иноческое одѣяніе.

Варлаамъ скинулъ съ себя богатый плащъ, и царевичъ увидѣлъ изсохшее и темное отъ солнечнаго зноя тѣло старца, покрытое изорванной власяницею.

Іоасафъ удивился такому терпѣнію и сказалъ, что и онъ бы жалалъ вести такую дивную жизнь.

— Не желай теперь этого, — отвѣчалъ Варлаамъ, — чтобы отецъ твой не истребилъ въ конецъ иноковъ, но прими кре-

шеніе и останься здѣсь. Ты и здѣсь можешь исполнять заповѣди Господни. Когда же Податель всѣхъ благъ дастъ тебѣ удобный случай, тогда прійдешь къ намъ, и впредь во всю остальную жизнь мы будемъ жить вмѣстѣ. Я возлагаю надежду свою на Господа въ томъ, что въ будущей жизни мы будемъ жить неразлучно.

— Если Богу угодно, чтобъ я служилъ Ему здѣсь, — сказалъ Іоасафъ, — то дай мнѣ, по крайней мѣрѣ, крещеніе и возьми часть моего богатства: отдай его бѣднымъ пустынноикамъ.

— Убогій не даетъ богатымъ, — отвѣчалъ Варлаамъ. — Мы богаты небесными дарами, намъ не нужно твоего золота, а ты еще язычникъ. Приготовься, сынъ мой, ко святому крещенію молитвою и постомъ ¹⁾.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ См. Жит. Преп. Варлаама и царевича Іоасафа (Индійскихъ).

Безплатное приложеніе къ журналу „Христіанинъ“.

Печатать дозволяется. Визанія. Сентября 22 дня, 1911 г.
Цензоръ, Ректоръ Визанской Духовной Семинаріи,
Архимандритъ Филиппъ.

СЕРТИФИКАТЪ
Титулярнаго Секретаря
1911

ЦАРЕВИЧЬ ІОАСАФЪ.

Есть на далекомъ Востокѣ страна, обширная и богатая, которая называется Индіей. Одну сторону ея омываетъ обширное море, другой примыкаетъ она къ предѣламъ персидскимъ.

Преданіе говоритъ, что въ этой странѣ святой апостоль Ѳома проповѣдывалъ слово Божіе. Христіанская вѣра еще не успѣла утвердиться между индійскими язычниками, и вѣрующіе подвергались тяжкимъ гоненіямъ отъ идолопоклонниковъ.

Особенно жестоко гналъ христіанъ одинъ индійскій царь, по имени Авенирь.

Онъ былъ славенъ, могущественъ, богатъ, но нищъ душею, потому-что былъ идолопоклонникъ и страшно преслѣдоваль Церковь Христову. Въ особенности же онъ гналъ учителей Церкви, іереевъ и иноковъ.

Среди христіанъ въ странѣ царя Авенира было не мало и приближенныхъ къ нему лицъ. Понявъ суету міра, они отреклись отъ всѣхъ земныхъ благъ и посвятили себя иноческой жизни. Это страшно разгнѣвало царя Авенира. Онъ воздвигъ гоненіе на христіанъ, приказаль схватить и убить множество иноковъ, а другихъ послѣдователей Христа приказаль принуждать къ идолопоклонству. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ послалъ ко всѣмъ подвластнымъ ему князьямъ грамоты, чтобы они муками и всякаго рода казнями истребляли всѣхъ вѣрующихъ во Христа и несоглашавшихся приносить жертву языческимъ богамъ.

Многіе изъ христіанъ, страшась мученій, отреклись отъ вѣры Христовой, дру-

гіе, оставивъ города, удалились въ пустыни и горы и продолжали служить Господу и исполнять заповѣди Его.

Въ это время родился у царя Авенира сынъ, котораго онъ назвалъ Іоасафомъ. Младенецъ былъ необыкновенно прекрасенъ, его необычайная тѣлесная красота предзнаменовала и будущую красоту его души.

Слѣдуя обычаю страны, царь Авениръ созвалъ къ себѣ многихъ мудрецовъ и волхвовъ, чтобы узнать отъ нихъ о будущей судьбѣ новорожденнаго.

Призванные мудрецы и волхвы, по долгомъ размышленіи, предрекли младенцу множество благъ: кто сулилъ ему богатство, кто мудрость, кто необычайное царское величіе.

Но одинъ изъ самыхъ ученѣйшихъ волхвовъ сказалъ царю Авениру:

„Преуспѣяніе родившагося младенца не въ твоёмъ будетъ царствѣ, но въ иномъ, лучшемъ, и несравненно большемъ. Полагаю, что онъ приметъ гони-

мую тобой христіанскую вѣру, и надѣюсь, что не ложно это мое пророчество“.

Эти слова опечалили царя Авенира. Царь рѣшилъ принять всевозможныя мѣры, чтобы отвратить сына отъ христіанскаго ученія. Онъ усилилъ еще гоненія на христіанъ, и потомъ вовсе изгналъ христіанъ изъ своего государства.

Затѣмъ царь Авениръ построилъ для сына своего богатый, великолепный дворецъ, окруженный роскошными садами. Въ этомъ дворцѣ было множество чертоговъ, въ которыхъ струился свѣтъ, проходя черезъ высокія, легкія окна.

Въ дворецѣ царь Авениръ поселилъ своего сына. Когда царевичъ началъ подрастать, приступили къ воспитанію царевича. Для этого царь избралъ молодыхъ красивыхъ воспитателей, товарищей и служителей, которые должны были безпрестанно заботиться о томъ, чтобы ничего печальнаго и непріятнаго не достигло до царевича Іоасафа. Царь велѣлъ имъ, чтобы они никому изъ чужихъ и посто-

роннихъ не давали приходить къ его сыну. Не позволялось говорить царевичу ни о болѣзни, ни о старости, ни о смерти. Заболѣвалъ ли кто изъ окружавшихъ его, онъ былъ немедленно удаляемъ и замѣняемъ другимъ. Вѣчно было безпрестанно занимать царевича разнообразнымъ, пріятнымъ, чтобы онъ ни о чемъ не могъ ни задуматься, ни опечалиться. Въ особенности же царь приказалъ, чтобы никто не смѣлъ сказать Іоасафу ни одного слова о Христѣ и о христіанахъ. Это онъ больше всего старался скрыть отъ царевича, боясь исполненія предсказанія волхва.

Устройвъ все такимъ образомъ, царь Авениръ надѣялся, что удалилъ отъ сына всякую возможность сдѣлаться христіаниномъ.

И дѣйствительно, Іоасафъ царевичъ никуда не выходилъ изъ устроеннаго для него дворца и окружающихъ дворецъ садовъ. По приказанію Авенира всѣ сокро-

НАЗАРЬСЬКІЙ
ХРИСТІАНІНЪ

ОУРАДІТЕ ДІТЕЙ, НІКІ СОЗВРАДІЙ.
ТЕ МНІ ПІДІДІ МОМНІ ТАКОВІСЬ
СО ЗЕБЬ ЧЕЛОВІКОМ. ІІА АІ АІ

Кн. 10. Октябрь. 1911.

МАЛЕНЬКІЙ

ХРИСТІАНИНЪ.

Книжка 10-я.

СЕРГІЕВЪ ПОСАДЪ.

Типографія Св.-Тр. Сергіевой Лавры.

1911.

нашего Ісуса Христа, утвердившій тебя въ надеждѣ на жизнь въ безсмертномъ, вѣчномъ, святомъ наслѣдїи чрезъ Духа Святаго. Сегодня тебѣ отпущены сотворенныя тобою прегрѣшенія. Сегодня ты сталъ рабомъ Божиимъ, получилъ задатокъ для вѣчной жизни. Оставивъ мракъ, ты облекся въ свѣтъ, получилъ славное право именоваться чадомъ Божиимъ. Евангелистъ Іоаннъ говоритъ: „А тѣмъ, которые приняли Его, вѣрующимъ во имя Его, далъ власть быть чадами Божиими ¹⁾“. Св. апостоль Павелъ пишетъ: „Посему ты уже не рабъ, но сынъ; а если сынъ, то и наслѣдникъ Божій чрезъ Ісуса Христа ²⁾“. Поэтому старайся предстать предъ Господомъ чистымъ и безупречнымъ, творя непрестанно добрыя дѣла. Для этого ты отбрось отъ себя всякое зло и возненавидь дѣла, которыя ты творилъ, будучи язычникомъ, подъ вліяніемъ обмана и страстей. Какъ ты предсталъ предъ истиннымъ живымъ Богомъ, такъ и живи всегда—какъ сынъ свѣта. Порабощенные зломъ неразрывно связаны съ нимъ, какъ я сказалъ раньше. Ты же, освобожденный на будущее вре-

¹⁾ Іоан. 1, 12.

²⁾ Галат. 4, 7.

МАЛЕНЬКІЙ

ХРИСТІАНІНЪ.

Книжка 10-я.

Типографія Св.-Тр. Сергіевой Лавры.

1911.

нашего Іисуса Христа, утвердившій тебя въ надеждѣ на жизнь въ безсмертномъ, вѣчномъ, святомъ наслѣдіи чрезъ Духа Святаго. Сегодня тебѣ отпущены сотворенныя тобою прегрѣшенія. Сегодня ты сталъ рабомъ Божиимъ, получилъ задатокъ для вѣчной жизни. Оставивъ мракъ, ты облекся въ свѣтъ, получилъ славное право именоваться чадомъ Божиимъ. Евангелистъ Іоаннъ говоритъ: „А тѣмъ, которые приняли Его, вѣрующимъ во имя Его, далъ власть быть чадами Божиими ¹⁾“. Св. апостолъ Павелъ пишетъ: „Посему ты уже не рабъ, но сынъ; а если сынъ, то и наслѣдникъ Божій чрезъ Іисуса Христа ²⁾“. Поэтому старайся предстать предъ Господомъ чистымъ и безупречнымъ, творя непрестанно добрыя дѣла. Для этого ты отбрось отъ себя всякое зло и возненавидь дѣла, которыя ты творилъ, будучи язычникомъ, подъ вліяніемъ обмана и страстей. Какъ ты предсталъ предъ истиннымъ живымъ Богомъ, такъ и живи всегда—какъ сынъ свѣта. Порабощенные зломъ неразрывно связаны съ нимъ, какъ я сказалъ раньше. Ты же, освобожденный на будущее вре-

¹⁾ Іоан. 1, 12.

²⁾ Галат. 4, 7.

мя отъ власти грѣха по милосердію Божию, обратись всецѣло къ Господу и не открывай болѣе дверей страстямъ. Украсивъ свою душу благоуханіемъ и блескомъ добродѣтелей, сдѣлай ее храмомъ Пресвятой Троицы, посвятивъ для созерцанія Ея всѣ свои духовныя силы“.

Вскорѣ старецъ Варлаамъ, не желая навлечь отъ царя Авенира гоненіе на христіанъ, такъ-какъ о его посѣщеніяхъ царевича было узнано однимъ изъ главныхъ приставленниковъ къ царевичу, рѣшилъ удалиться въ свою пустыню.

Іоасафъ не рѣшался болѣе удерживать старца. Онъ только просилъ его оставить себѣ ветхое платье для воспоминанія о своемъ учителѣ и о его подвигахъ. Получивъ отъ старца грубое, ветхое рубище, Іоасафъ радовался ему и дорожилъ имъ несравненно болѣе, чѣмъ царской одеждой.

Испросивъ для Іоасафа миръ и вѣчное спасеніе, Варлаамъ оставилъ дворецъ и возвратился въ мѣста своихъ подвиговъ, радуясь и прославляя Бога, направившаго юношу-царевича на путь добродѣтели.

Съ этого времени царевичъ Іоасафъ сталъ

нимъ крещеніе. Крестившись, Нахоръ остался съ монахомъ, раскаиваясь въ своихъ прегрѣшеніяхъ и прославляя Бога, не желающаго ничьей гибели, но принимающаго милостиво всѣхъ обращающихся къ Нему и кающихся.

Узнавъ объ исчезновеніи Нахора, царь Авениръ, видя, что его мудрецы и ораторы совершенно побѣждены, не зналъ, что ему дѣлать. Осыпавъ ихъ укорами и предавъ ихъ позору, онъ прогналъ всѣхъ ихъ отъ себя. Самъ же началъ подозрѣвать безсиліе своихъ ложныхъ боговъ.

Когда царь Авениръ боролся такимъ образомъ съ двумя противоположными стремленіями, его благородный сынъ, съ дѣйствительно царскою душою, жилъ въ своемъ дворцѣ неколебимымъ въ истинной вѣрѣ, высказывая благородство и красоту своей души во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ. Ни удовольствія, ни роскошь, ни разныя обольщенія не могли отвратить сердце его отъ Бога.

Царь Авениръ напрасно употреблялъ всѣ средства, чтобы привлечь сына своего къ радостямъ міра. Напрасно собрали въ его лицу самыхъ прекрасныхъ дѣвицъ, чтобы избрать для царевича достойную невесту.

мя отъ власти грѣха по милосердію Божию, обратись всецѣло къ Господу и не открывай болѣе дверей страстямъ. Украсивъ свою душу благоуханіемъ и блескомъ добродѣтелей, сдѣлай ее храмомъ Пресвятой Троицы, посвятивъ для созерцанія Ея всѣ свои духовныя силы“.

Вскорѣ старецъ Варлаамъ, не желая навлечь отъ царя Авенира гоненіе на христіанъ, такъ-какъ о его посѣщеніяхъ царевича было узнано однимъ изъ главныхъ приставленниковъ къ царевичу, рѣшилъ удалиться въ свою пустыню.

Іоасафъ не рѣшался болѣе удерживать старца. Онъ только просилъ его оставить себѣ ветхое платье для воспоминанія о своемъ учителѣ и о его подвигахъ. Получивъ отъ старца грубое, ветхое рубище, Іоасафъ радовался ему и дорожилъ имъ несравненно болѣе, чѣмъ царской одеждой.

Испросивъ для Іоасафа миръ и вѣчное спасеніе, Варлаамъ оставилъ дворецъ и возвратился въ мѣста своихъ подвиговъ, радуясь и прославляя Бога, направившаго юношу-царевича на путь добродѣтели.

Съ этого времени царевичъ Іоасафъ сталъ

нимъ крещеніе. Крестившись, Нахоръ остался съ монахомъ, раскаиваясь въ своихъ прегрѣшеніяхъ и прославляя Бога, не желающаго ничьей гибели, но принимающаго милостиво всѣхъ обращающихся къ Нему и кающихся.

Узнавъ объ исчезновеніи Нахора, царь Авениръ, видя, что его мудрецы и ораторы совершенно побѣждены, не зналъ, что ему дѣлать. Осыпавъ ихъ укорами и предавъ ихъ позору, онъ прогналъ всѣхъ ихъ отъ себя. Самъ же началъ подозрѣвать безсиліе своихъ ложныхъ боговъ.

Когда царь Авениръ боролся такимъ образомъ съ двумя противоположными стремленіями, его благородный сынъ, съ дѣйствительно царскою душою, жилъ въ своемъ дворцѣ колебимымъ въ истинной вѣрѣ, высказывая благородство и красоту своей души во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ. Ни удовольствія, ни роскошь, ни разныя обольщенія не могли отвратить сердце его отъ Бога.

Царь Авениръ напрасно употреблялъ всѣ средства, чтобы привлечь сына своего къ радостямъ міра. Напрасно собрали въ столицу самыхъ прекрасныхъ дѣвицъ, чтобы избрать для царевича достойную невѣсту.

Все было напрасно. Господь укрѣпилъ сердце юнаго Іоасафа видѣніями райскаго блаженства, передъ которымъ казалось ничтожнымъ все блаженство земное. Среди великолѣпія и богатства, окруженный удовольствіями, царевичъ Іоасафъ томился желаніемъ жить въ нищетѣ и трудѣ, въ отдаленной пустынѣ, посвятить дни свои постоянной молитвѣ.

Царь Авениръ былъ въ отчаяніи, и уже не зналъ, что ему дѣлать.

Наконецъ, одинъ изъ приближенныхъ Арахъ, сказалъ царю:

— Государь! до сихъ поръ сынъ твой не зналъ ни трудовъ, ни заботы. Ты, вѣроятно, ничего не пожалѣешь, чтобы спасти его. Можетъ быть, заботы и дѣятельность отвлекутъ умъ его отъ постоянной его мысли о Христѣ.

Царь Авениръ согласился съ нимъ, призвалъ сына и сказалъ ему:

— Потрудившись столько времени надъ тобою, я вижу, что тебя нельзя ни заставить, ни убѣдить повиноваться моимъ словамъ. Теперь я рѣшилъ отдѣлить тебѣ часть государства, которою ты будешь править, и впредь ты можешь безнаказанно избрать себѣ какой угодно путь.

раскаяніи и слезахъ, царь Авенирь скончался. Іоасафъ, проливъ искреннія слезы по умершемъ отцѣ, устроилъ почетное погребеніе, похоронивъ его на кладбищѣ благочестивыхъ. При погребеніи онъ облекъ его не въ царскія одежды, а въ одежду кающагося. Іоасафъ молился въ продолженіе цѣлыхъ семи дней, не отходя отъ гробницы отца. На восьмой же день, возвратясь во дворецъ, раздалъ все свое остальное богатство бѣднымъ, и самъ остался нищъ и убогъ. Совершивъ на сороковой день послѣ смерти отца поминки по немъ, Іоасафъ созвалъ всѣхъ сановниковъ, воиновъ и прочихъ гражданъ и объявилъ имъ о своемъ отказѣ отъ царства, предложивъ избрать вмѣсто себя царемъ христіанина Варахию. Не взирая на всеобщій плачь и сѣтованія, Іоасафъ не измѣнилъ своего рѣшенія. Оставивъ всю роскошь царскаго своего жилища, надѣлъ власяницу, данную ему Варлаамомъ, и тайно вышелъ изъ своей столицы. Въ народѣ произошло смятеніе. Народъ кинулся по его стопамъ. Занявъ всѣ дороги, окруживъ всѣ горы и неприступныя пропасти, народъ нашелъ Іоасафа въ одномъ оврагѣ,

Все было напрасно. Господь укрѣпить сердце юнаго Іоасафа видѣніями райскаго блаженства, передъ которымъ казалось ничтожнымъ все блаженство земное. Среди великопльня и богатства, окруженный удовольствіями, царевичъ Іоасафъ томился желаніемъ жить въ нищетѣ и трудѣ, въ отдаленной пустынѣ посвятить дни свои постоянной молитвѣ.

Царь Авениръ былъ въ отчаяніи, и уже не зналъ, что ему дѣлать.

Наконѣцъ, одинъ изъ приближенныхъ, Арахъ, сказалъ царю:

Посударь! до сихъ поръ сынъ твой не зналъ ни трудовъ, ни заботы. Ты, вѣроятно, ничего не пожалѣешь, чтобы спасти его. Можетъ быть, заботы и дѣятельность отвлекутъ умъ его отъ постоянной его мысли о Христѣ.

Царь Авениръ согласился съ нимъ, призвалъ сына и сказалъ ему:

— Потрудившись столько времени надъ тобою, я вижу, что тебя нельзя ни заставить, ни убѣдить повиноваться моимъ словамъ. Теперь я рѣшилъ отдѣлить тебѣ часть государства, которою ты будешь править, и впредь ты можешь безнаказанно избрать себѣ какой угодно путь.

раскаяніи и слезахъ, царь Авенирь скончался. Іоасафъ, проливъ искреннія слезы по умершемъ отцѣ, устроилъ почетное погребеніе, похоронивъ его на кладбищѣ благочестивыхъ. При погребеніи онъ облекъ его не въ царскія одежды, а въ одежду кающагося. Іоасафъ молился въ продолженіе цѣлыхъ семи дней, не отходя отъ гробницы отца. На восьмой же день, возвратясь во дворецъ, раздалъ все свое остальное богатство бѣднымъ, и самъ остался нищъ и убогъ. Совершивъ на сороковой день послѣ смерти отца поминки по немъ, Іоасафъ созвалъ всѣхъ сановниковъ, воиновъ и прочихъ гражданъ и объявилъ имъ о своемъ отказѣ отъ царства, предложивъ избрать вмѣсто себя царемъ христіанина Варахию.

Не взирая на всеобщій плачъ и сѣтованія, Іоасафъ не измѣнилъ своего рѣшенія. Оставивъ всю роскошь царскаго своего жилища, надѣлъ власяницу, данную ему Варлаамомъ, и тайно вышелъ изъ своей столицы. Въ народѣ произошло смятеніе. Народъ кинулся по его стопамъ. Занявъ всѣ дороги, окруживъ всѣ горы и неприступныя пропасти, народъ нашелъ Іоасафа въ одномъ оврагѣ,

простершимъ руки къ небу и совершающимъ молитву. Увидѣвъ его, народъ, заливаясь слезами, началъ умолять возвратиться къ нимъ. Но Іоасафъ сказалъ:

— Напрасно вы трудитесь: не надѣйтесь болѣе имѣть меня своимъ царемъ.

Указавъ на Варахія, произнесъ:

— „Его, братія, я выбираю для васъ царемъ“.

И затѣмъ онъ надѣлъ на Варахія царскія одежды, корону и царскій перстень.

Помолился вновь Іоасафъ, двинулся въ путь, сопровождаемый народными столами и слезами. Радостно удалялся онъ изъ своего царства. Чувство его было подобно чувству человека, возвращающагося послѣ долгаго изгнанія въ свою родину. Снаружи на Іоасафъ было его обычное платье, подъ нимъ— шерстяное рубище, подаренное ему Варлаамомъ. Встрѣтивъ въ первую ночь на своемъ пути хижину одного бѣдняка, Іоасафъ сбросилъ съ себя верхнее платье и отдалъ его бѣдняку. Такимъ образомъ и послѣднее свое имущество онъ употребилъ на милостыню.

Путь свой Іоасафъ продолжалъ напряженно, спѣша найти то мѣсто, въ которомъ подвизался Варлаамъ. Питался онъ на своемъ пути растеніями, которыя находилъ въ пу-

Варахія немедленно отправился въ пустыню съ отрядомъ войска, предсталъ предъ пещерою подвижниковъ и осмотрѣлъ ихъ могилу. Пролить надъ нею искреннія слезы, онъ вскрылъ могилу и обрѣлъ тѣла подвижниковъ нетлѣнными. Тогда Варахія велѣлъ положить тѣла подвижниковъ въ почетныя гробницы и перенести въ свое отечество.

Когда народъ узналъ о случившемся, то началъ приходить изъ всѣхъ городовъ и окрестностей, чтобы посмотреть и поклониться мощамъ блаженныхъ. Св. мощи помѣстили въ церкви, воздвигнутой нѣкогда Іоасафомъ.

Много чудесъ и исцѣленій совершилъ Господь чрезъ Своихъ святыхъ слугъ при перенесеніи ихъ мощей а также и въ послѣдующія времена. Царь и весь народъ видѣли эти чудеса. Тогда многіе язычествующіе, дивясь подвижничеству Варлаама и Іоасафа, приняли охотно и искренно христіанство.

Св. Варлаамъ проведъ въ пустынѣ 70 лѣтъ и скончался около 100 лѣтъ отъ роду. Іоасафъ проведъ въ пустынѣ 35 лѣтъ и скончался 60 лѣтъ.

простершимъ руки къ небу и совершающимъ молитву. Увидѣвъ его, народъ, заливаясь слезами, началъ умолять возвратиться къ нимъ. Но Іоасафъ сказалъ:

— Напрасно вы трудитесь: не надѣйтесь болѣе имѣть меня своимъ царемъ.

Указавъ на Варахія, произнесъ:

— „Его, братія, я выбираю для васъ царемъ“.

И затѣмъ онъ надѣлъ на Варахія царскія одежды, корону и царскій перстень.

Помолился вновь Іоасафъ, двинулся въ путь, сопровождаемый народными столами и слезами. Радостно удалялся онъ изъ своего царства. Чувство его было подобно чувству человѣка, возвращающагося послѣ долгаго изгнанія въ свою родину. Снаружи на Іоасафъ было его обычное платье, подъ нимъ— шерстяное рубище, подаренное ему Варлаамомъ. Встрѣтивъ въ первую ночь на своемъ пути хижину одного бѣдняка, Іоасафъ сбросилъ съ себя верхнее платье и отдалъ его бѣдняку. Такимъ образомъ и послѣднее свое имущество онъ употребилъ на милостыню.

Путь свой Іоасафъ продолжалъ напряженно, спѣша найти то мѣсто, въ которомъ подвизался Варлаамъ. Питался онъ на своемъ пути растеніями, которыя находилъ въ пу-

Варахія немедленно отправился въ пустыню съ отрядомъ войска, предсталъ предъ пещерою подвижниковъ и осмотрѣлъ ихъ могилу. Проливъ надъ нею искреннія слезы, онъ вскрылъ могилу и обрѣлъ тѣла подвижниковъ нетлѣнными. Тогда Варахія велѣлъ положить тѣла подвижниковъ въ почетныя гробницы и перенести въ свое отечество.

Когда народъ узналъ о случившемся, то началъ приходить изъ всѣхъ городовъ и окрестностей, чтобы посмотрѣть и поклониться мощамъ блаженныхъ. Св. мощи помѣстили въ церкви, воздвигнутой нѣкогда Іоасафомъ.

Много чудесъ и исцѣленій совершилъ Господь чрезъ Своихъ святыхъ слугъ при перенесеніи ихъ мощей а также и въ послѣдующія времена. Царь и весь народъ видѣли эти чудеса. Тогда многіе язычествующіе, дивясь подвижничеству Варлаама и Іоасафа, приняли охотно и искренно христіанство.

Св. Варлаамъ провелъ въ пустынѣ 70 лѣтъ и скончался около 100 лѣтъ отъ роду. Іоасафъ провелъ въ пустынѣ 35 лѣтъ и скончался 60 лѣтъ.

НАЗАРЯНСКИЙ ХРИСТИАННИКЪ

СОЗДАНИЕ А ТЕМЪ И НЕ ВОЗВРАЩАЮ
ТЕ НАСЪ ПЕНТЪ КО МНѢ. ТАКОВЕ
ВО БЪСТЬ И РАБО ИВНОЕ. МА БІ. А

Кн. II. Ноябрь. 1911.

МАЛЕНЬКІЙ ХРИСТІАНИНЪ.

Книжка II-я.

• СЕРГІЕВЪ ПОСАДЪ.

Типографія Св.-Тр. Сергіевой Лавры.

1911.

Печатать дозволяется. Виенія. Ноября 22 дня, 1911 года
Цензоръ, Ректоръ Виѣанской Духовной Семинаріи,
Архимандритъ Филиппъ.

СИГНАЛЬ.

Семень Ивановъ служилъ сторожемъ на желѣзной дорогѣ. Отъ его будки до одной станціи было двѣнадцать, до другой—десять верстъ. Верстахъ въ четырехъ въ прошломъ году открыли большую прядильню; изъ-за лѣса ея высокая труба чернѣла, а ближе, кромѣ сосѣднихъ будокъ, и жилья не было.

Семень Ивановъ былъ человѣкъ больной и разбитый. Девять лѣтъ тому назадъ, онъ побывалъ на войнѣ: служилъ въ денщикахъ у офицера и цѣлый походъ съ нимъ сдѣлалъ. Голодалъ онъ, и мерзъ, и на солнцѣ жарился, и переходы дѣлалъ по сорока и по пятидесяти верстъ въ жару и въ морозъ; слу-

чалось и подъ пулями бывать, да, слава Богу, ни одна не задѣла. Стоялъ разъ полкъ въ первой линіи; цѣлую недѣлю съ турками перестрѣлка была: лежитъ наша цѣпь, а черезъ лошину—турецкая, и съ утра до вечера пострѣливаютъ. Семеновъ офицеръ тоже въ цѣпи былъ; каждый день три раза носилъ ему Семень изъ полковыхъ кухонь, изъ оврага, самоваръ горячій и обѣдъ. Идетъ съ самоваромъ по открытому мѣсту, пули свистятъ, въ камни шелкаютъ, страшно Семену, плачетъ, а самъ идетъ. Господа офицеры очень довольны имъ были: всегда у нихъ горячій чай былъ. Вернулся онъ изъ похода цѣлый, только руки и ноги ломить стало. Не мало горя пришлось ему съ тѣхъ поръ отвѣдать. Пришелъ онъ домой—отецъ старикъ померъ; сынишка былъ по четвертому году—тоже померъ, горломъ болѣлъ; остался Семень съ женою самъ-другъ. Не задалось имъ и хозяйство, да и трудно съ пухлыми руками и ногами землю пахать. Пришлось имъ въ своей деревнѣ невтерпежъ; пошли на новыя мѣста счастья искать. Побывалъ Семень съ женой и на линіи, и въ Херсонѣ, и въ Допщинѣ; ни-

гдѣ счастья не достали. Пошла жена въ прислуги, а Семень попрежнему все бродить. Пришлось ему разъ по машинѣ ѣхать; на одной станціи, видитъ, начальникъ будто знакомый. Глядитъ на него Семень, и начальникъ тоже въ Семеново лицо всматривается. Узнали другъ друга. Офицеръ своего полка оказался.

— Ты Ивановъ? говорить.

— Такъ точно, ваше благородіе, я самый и есть,

— Ты какъ сюда попалъ?

Разказалъ ему Семень: такъ молъ и такъ.

— Куда-жъ теперь идешь?

— Не могу знать, ваше благородіе.

— Какъ такъ, дуракъ, не можешь знать?

— Такъ точно, ваше благородіе, потому, податься некуда. Работы какой, ваше благородіе, искать надобно.

Посмотрѣлъ на него начальникъ станціи, подумалъ и говорить:

— Вотъ что, братъ, оставайся-ка ты покудова на станціи. Ты, кажется, женатъ? Гдѣ у тебя жена?

— Такъ точно, ваше благородіе, женатъ;

жена въ городѣ Курскѣ, у купца въ услуженіи находится.

— Ну, такъ пиши женѣ, чтобы ѣхала. Билетъ даровой выхлопочу. Тутъ у насъ дорожная будка очистится, ужъ попрошу за тебя начальника дистанціи.

— Много благодаренъ, ваше благородіе, отвѣтилъ Семень.

Остался онъ на станціи. Помогалъ у начальника на кухнѣ, дрова рубилъ, дворъ, платформу мелъ. Черезъ двѣ недѣли пріѣхала жена, и поѣхалъ Семень на ручной телѣжкѣ въ свою будку. Будка новая, теплая, дровъ—сколько хочешь; огородъ маленькій отъ прежнихъ сторожей остался, и земли съ полдесятины пахатной по бокамъ полотна было. Обрадовался Семень: сталъ думать, какъ свое хозяйство заведетъ, корову, лошадь купить.

Дали ему весь нужный припасъ; флагъ зеленый, флагъ красный, фонари, рожокъ, молоть, ключи—гайки подвинчивать, ломъ, лопату, метель, болтовъ, костылей, дали двѣ книжки съ правилами и расписаніе поѣздовъ. Первое время Семень ночи не спалъ, все расписаніе твердилъ; поѣздъ еще черезъ два

часа пойдеть, а онъ обойдетъ свой участокъ, сядетъ на лавочку у будки и все смотритъ и слушаетъ, не дрожать ли рельсы, не шумить ли поѣздъ. Вытвердилъ онъ наизусть и правила; хоть и плохо читалъ, по складамъ, а все-таки вытвердилъ.

Прошло времени мѣсяца два; сталъ Семень съ сосѣдними сторожами знакомиться. Одинъ былъ старикъ древній; все смѣнить его собирались: едва изъ будки выбирался. Жена за него и обходъ дѣлала. Другой будочникъ, что поближе къ станціи, былъ человекъ молодой, изъ себя худой и жилистый. Встрѣтились они съ Семеномъ въ первый разъ на полотнѣ, посерединѣ между будками, на обходѣ; Семень шапку снялъ и поклонился.

— Добраго,—говорить,—здоровья, сосѣдъ.

Сосѣдъ поглядѣлъ на него сбоку. „Здравствуй“, говорить. Повернулся и пошелъ прочь. Бабы послѣ между собою встрѣтились. Поздоровалась Семенова Арина съ сосѣдкой; та тоже разговаривать много не стала, ушла. Увидѣлъ разъ ее Семень. „Что это,—говорить,—у тебя, молодица, мужъ не разговорчивый?“ Помолчала баба, потомъ говорить:

— Да о чемъ ему съ тобой разговаривать? У всякаго свое... Иди себѣ съ Богомъ.

Однако прошло еще времени съ мѣсяцъ, познакомились. Сойдутся Семень съ Васи-ліемъ на полотнѣ, сядутъ на край, трубочки покуриваютъ и рассказываютъ про свое житье-бытье. Василий все больше помалчивалъ, а Семень и про деревню свою и про походъ рассказывалъ.

— Не мало,—говорилъ,—я горя на своемъ вѣку принялъ, а вѣку моего не Богъ вѣсть сколько. Не далъ Богъ счастья. Ужъ кому какую таланъ-судьбу Господь дастъ, такъ ужъ есть. Такъ то братецъ, Василий Степанычъ.

А Василий Степанычъ трубку объ рельсу выколотилъ, всталъ и говоритъ:

— Не таланъ-судьба намъ съ тобою вѣкъ заѣдаетъ, а люди. Нѣту на свѣтѣ звѣря хищ-нѣе и злѣе человѣка.

Проѣзжалъ разъ начальникъ дистанціи путь осматривать. Черезъ три дня послѣ того господа важные изъ Петербурга должны были по дорогѣ проѣхать, ревизию дѣлали, такъ передъ ихъ проѣздомъ все надо было въ по-рядокъ привести. Баласту подсыпали, подров-

няли, шпалы пересмотрѣли, костыли подколотили, гайки подвинтили, столбы подкрасили; на переѣздахъ приказали желтаго песочку подсыпать. Сосѣдка сторожика и старика своего выгнала траву подчищать. Работалъ Семень цѣлую недѣлю; все въ исправность привелъ и на себѣ кафтанъ починилъ, вычистилъ, а бляху мѣдную кирпичомъ до сіянія оттеръ. Работалъ и Василій. Пріѣхалъ начальникъ дистанціи на дрезинѣ; четверо рабочихъ рукоять вертятъ; шестерни жужжатъ; мчится телѣжка верстъ по двадцать въ часъ, только колеса воютъ. Подлетѣлъ къ Семеновой будкѣ; подскочилъ Семень, отпрапоровалъ по-солдатски. Все въ исправности оказалось.

— Ты давно здѣсь?— спрашиваетъ начальникъ.

— Со второго мая, ваше благородіе.

— Ладно. Спасибо. А въ сто шестьдесятъ четвертомъ номерѣ кто?

Дорожный мастеръ (вмѣстѣ съ нимъ на дрезинѣ ѣхалъ) отвѣтилъ:

— Василій Спиридовъ.

— Спиридовъ, Спиридовъ... А, это тотъ

самый, что въ прошломъ году былъ у васъ на замѣчаніи?

— Онъ самый и есть-съ.

— Ну, ладно, посмотримъ Василія Спиридова. Трогай.

Налегли рабочіе на рукоятки, пошла дрезина въ ходъ.

Смотритъ Семень на нее и думаетъ: „Ну, будетъ у нихъ съ сосѣдомъ игра“.

Часа черезъ два пошелъ онъ въ обходъ. Видитъ, изъ выемки по полотну идетъ кто-то, на головѣ будто бѣлое что виднѣется. Сталь Семень присматриваться—Василій; въ рукѣ палка, за плечами узелокъ маленький, щека платкомъ завязана.

— Сосѣдъ, куда собрался?—кричитъ Семень.

Подошелъ Василій совсѣмъ близко; лица на немъ нѣту, бѣлый, какъ мѣль, глаза дикіе; говоритъ началъ—голосъ обрывается.

— Въ городъ,—говоритъ,—въ Москву... въ правленіе.

— Въ правленіе... Вотъ что! Жаловаться, стало быть, идешь? Брось, Василій Степанычъ, забудь...

— Нѣтъ, братъ, не забуду. Поздно забывать. Видишь, онъ меня въ лицо ударилъ, въ кровь разбилъ. Пока живъ—не забуду, не оставлю такъ!

Взялъ его за руку Семень:

— Оставь, Степанычъ; вѣрно тебѣ говорю: лучше не сдѣлаешь.

— Чего тамъ лучше! Знаю самъ, что лучше не сдѣлаю; правду ты про таланъ судьбу говорилъ. Себѣ лучше не сдѣлаю, но за правду надо, братъ, стоять.

— Да ты скажи, съ чего все пошло-то?

— Да съ чего... Осмотрѣлъ все, съ дрезины сошелъ, въ будку заглянулъ. Я ужъ зналъ, что строго будетъ спрашивать; все, какъ слѣдуетъ, исправилъ. Ъхать ужъ хотѣлъ, а я съ жалобой. Онъ сейчасъ кричать: „Тутъ—говорить—правительственная ревизія, такой-сякой, а ты объ огородѣ жалобы подавать! Тутъ—говорить—тайные совѣтники, а ты съ капустой лѣзешь!“ Я не стерпѣлъ, слово сказалъ, не то чтобы очень, но такъ ужъ ему обидно показалось. Какъ дать онъ мнѣ... а я стою себѣ, будто такъ оно и слѣдуетъ.

Уѣхали они, опаматовался я, вотъ обмылъ себѣ лицо и пошелъ.

— Какъ же будка-то?

— Жена осталась. Не прозѣваетъ; да ну ихъ совсѣмъ и съ дорогой ихней!

Всталъ Василій, собрался.

— Прощай, Иванычъ. Не знаю найду ли управу себѣ.

— Неужто пѣшкомъ пойдешь?

— На станціи на товарный попрошусь; завтра въ Москвѣ буду.

Простились сосѣди; ушелъ Василій, и долго его не было. Жена за него работала, день и ночь не спала: извелась совсѣмъ, поджидаячи мужа. На третій день проѣхала ревизія: паровозъ, вагонъ багажный и два первыхъ класса, а Василю все нѣтъ. На четвертый день увидѣлъ Семень его хозяйку; лицо отъ слезъ пухлое, глаза красные.

— Вернулся мужъ?—спрашиваетъ.

Махнула баба рукой, ничего не сказала и пошла въ свою сторону.

Научился Семень когда-то, еще малчишкой,

изъ тальника дудки дѣлать. Выжжетъ въ таловой палкѣ сердце, дырки гдѣ надо высверлить, на концѣ пищикъ сдѣлается, и такъ славно наладить, что хоть что угодно играй. Дѣлывалъ онъ въ досужее время дудокъ много и съ знакомымъ товарнымъ кондукторомъ въ городъ на базаръ отправлялъ; давали ему тамъ за штуку по двѣ копейки. На третій день послѣ ревизіи оставилъ онъ дома жену вечерній шестичасовой поѣздъ встрѣтить, а самъ взялъ ножикъ и въ лѣсъ пошелъ, палокъ себѣ нарѣзать. Дошелъ онъ до конца своего участка—на этомъ мѣстѣ путь круто поворачивалъ,—спустился съ насыпи и пошелъ лѣсомъ подъ гору. За полверсты было большое болото, и около него отличнѣйшіе кусты для его дудокъ росли. Нарѣзалъ онъ палокъ цѣлый пукъ и пошелъ домой. Идетъ лѣсомъ; солнце уже низко было; тишина мертвая, слышно только, какъ птицы чиликаютъ да валежникъ подъ ногами хруститъ. Прошелъ Семень немного еще, скоро и полотно, чудится ему, что-то еще слышно: будто гдѣ-то желѣзо о желѣзо позвякиваетъ. Пошелъ Семень скорѣй. Ремонту въ то время на ихъ

участкѣ не было. „Что бы это значило?“ — думаетъ. Вышелъ на опушку — передъ нимъ желѣзнодорожная насыпь подымается; наверху, на полотнѣ, человѣкъ сидитъ на корточкахъ, что-то дѣлаетъ; сталъ подыматься Семенъ потихоньку къ нему: думалъ, гайки кто воровать пришелъ. Смотритъ — и человѣкъ поднялся; въ рукахъ у него ломъ; поддѣлъ онъ рельсъ ломомъ, какъ двинетъ его въ сторону. Потемнѣло у Семена въ глазахъ; крикнуть хочетъ — не можетъ. Видитъ онъ Василия, бѣжитъ наверхъ бѣгомъ, а тотъ съ ломомъ и ключомъ съ другой стороны насыпи кубаремъ катится.

— Василии Степанычъ! Отецъ родной, голубчикъ, воротись. Дай ломъ! Поставимъ рельсъ, никто не узнаетъ. Воротись, спаси свою душу отъ грѣха.

Не обернулся Василій, въ лѣсъ ушелъ.

Стоитъ Семенъ надъ отвороченнымъ рельсомъ; палки свои выронилъ. Поѣздъ идетъ не товарный, пассажирскій. И не остановишь его ни чѣмъ: флага нѣтъ. Рельса на мѣсто не поставишь; голыми руками костылей не забьешь. Бѣжать надо, непременно бѣжать

въ будку за какимъ-нибудь припасомъ. Господи, помоги!

Бѣжить Семень къ своей будкѣ, задыхается. Бѣжить—вотъ-вотъ упадетъ. Выбѣжалъ изъ лѣсу—до будки сто сажень не больше осталось, слышитъ—на фабрику гудокъ загудѣлъ. Шесть часовъ. А въ двѣ минуты седьмого поѣздъ пройдетъ. Господи! спаси невинныя души! Такъ и видитъ передъ собою Семень: хватить паровозъ лѣвымъ колесомъ объ рельсовый обрубъ, дрогнетъ, накренится, пойдетъ шпалы рвать и въ дребезги бить, а тутъ кривая, закругленіе, да насыпь, да валиться то внизъ одиннадцать сажень, а тамъ, въ третьемъ классѣ, народу биткомъ набито, дѣти малыя... Сидятъ они теперь всѣ, ни о чемъ не думаютъ. „Господи, вразуми Ты меня!“... Нѣтъ, до будки добѣжать и назадъ во-время вернуться не поспѣешь...

Не добѣжалъ Семень до будки, повернулъ назадъ, побѣжалъ скорѣе прежняго. Бѣжить почти безъ памяти; самъ не знаетъ, что еще будетъ. Добѣжалъ до отвороченнаго рельса: палки его кучей лежатъ. Нагнулся онъ, схватилъ одну, самъ не понимаетъ зачѣмъ, даль-

ше побѣжалъ. Чудится ему, что уже поѣздъ идетъ. Слышитъ свистокъ далекій, слышитъ, рельсы мѣрно и потихоньку подрагивать начали. Бѣжать дальше силъ нѣту; остановился онъ отъ страшнаго мѣста саженьхъ во статутъ ему точно свѣтомъ голову освѣтило. Снялъ онъ шапку, вынулъ изъ нея платокъ бумажный; вынулъ ножъ изъ-за голенища; перекрестился. Господи, благослови!

Ударилъ себя ножомъ въ лѣвую руку, выше локтя; брызнула кровь, полила горячей струей; намочилъ онъ въ ней свой платокъ, расправилъ, растянулъ, навязалъ на палку и выставилъ свой красный флагъ.

Стоить, флагомъ своимъ размахиваетъ, а поѣздъ уже виденъ. Не видитъ его машинистъ, подойдетъ близко, а на ста саженьхъ не остановитъ тяжелаго поѣзда!

А кровь все льетъ и льетъ; прижимаетъ Семень рану къ боку, хочетъ зажать ее, но не унимается кровь; видно, глубоко поранилъ онъ руку. Закружилось у него въ головѣ; въ глазахъ черныя мухи залетали; потомъ и совсѣмъ потемнѣло; въ ушахъ звонъ колокольный. Не видитъ онъ поѣзда и не слышитъ

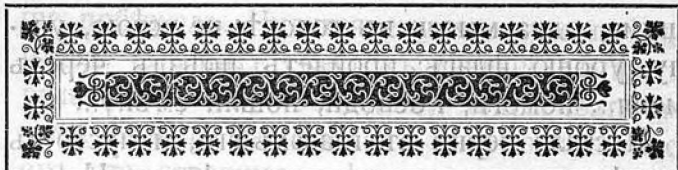
шума; одна мысль въ головѣ: не устою, упаду, уроню флагъ; пройдетъ поѣздъ черезъ меня... помоги, Господи, пошли смѣну...

И стало черно въ глазахъ его, и пусто въ душѣ его, и выронилъ онъ флагъ. Но не упало кровавое знамя на землю; чья-то рука подхватила его и подняла высоко навстрѣчу подходящему поѣзду. Машинистъ увидѣлъ его, закрылъ регуляторъ и далъ контрпаръ. Поѣздъ остановился.

Выскочили изъ вагоновъ люди, сбились толпою. Видятъ: лежитъ человѣкъ весь въ крови, безъ памяти; другой возлѣ него стоитъ съ кровавой тряпкой на палкѣ.

Обвелъ Василій всѣхъ глазами, опустил голову.

— Вяжите меня, — говоритъ, — я рельсъ отворотилъ.

ВАНЯ ШАРМАНЩИКЪ.

Изъ разсказа кн. В. Одоевскаго.

Отецъ Вани въ молодости былъ музыкальнымъ учителемъ: онъ давалъ уроки на фортепiano и на скрипкѣ и тѣмъ добывалъ для себя и для семейства безнуждное содержаніе. Продолжительная болѣзнь лишила его учениковъ; когда онъ нѣсколько выздоровѣлъ, мѣсто его во всѣхъ домахъ было уже занято другими учителями; новыхъ учениковъ онъ не находилъ, ибо возобновлявшіеся припадки принуждали его опаздывать, а часто и совсѣмъ не приходилъ къ урокамъ. Мало по-малу отецъ впадалъ въ нищету, мало-по-малу все его небольшое имущество распродано было для того, чтобъ достать денегъ на хлѣбъ, и, наконецъ, онъ при-

нужденъ былъ приняться за ремесло уличнаго музыканта. Думая больше выручить денегъ по разнымъ городамъ, нежели въ Петербургѣ, онъ отправился въ путь вмѣстѣ со своею женою и Ванею. Они ѣздили по ярмаркамъ; отецъ съ сыномъ показывали маріонетки, мать вертѣла органъ. Иногда же на долю Вани доставалось вертѣть органъ; тогда мать играла на арфѣ, отецъ—на скрипкѣ. Переходъ отъ безнужднаго состоянія къ крайней нищетѣ въ конецъ разстроилъ здоровье стариковъ.

Впослѣдствіи, отъ трудовъ ли, отъ того ли, что часто принужденъ былъ отказывать себѣ во всемъ нужномъ, отъ недостатка ли въ пищѣ, въ одеждѣ,—отецъ Вани такъ занемогъ, что не былъ болѣе въ состояніи даже вертѣть органъ. Ваня съ матерью на послѣднія деньги купили лошадь съ телѣгою и на ней перевозили изъ города въ городъ больного музыканта, ибо когда они долго оставались въ одномъ городѣ, то скоро сборъ ихъ прекращался, и они принуждены были выѣзжать въ другое мѣсто; что они получали, то употребляли себѣ на пищу.

Какъ часто Ваня, оставляя отца своего безъ куска хлѣба, самъ голодный, дрожа отъ

стужи, промоченный до костей, сквозь слезы заставлялъ куколъ своихъ хохотать или, показывая китайскія тѣни, рассказывалъ забавныя исторіи и тѣшилъ ими своихъ маленькихъ зрителей; а часто случалось, что зрители были недовольны имъ, находили картинки стертыми, стекло не довольно свѣтлымъ. Смерть была на душѣ у Вани, а онъ принужденъ былъ выдумывать остроумные отвѣты, смѣшныя анекдоты, чтобы какъ нибудь укротить гнѣвъ маленькихъ настойчивыхъ судей своихъ, отъ которыхъ зависѣла жизнь его отца, его матери, его самого.

Бѣдное семейство, наконецъ рѣшилось возвратиться въ Петербургъ, гдѣ, по старой привычкѣ, они снова надѣялись получить больше пособія. Отецъ Вани не доѣхалъ до Петербурга; онъ умеръ на дорогѣ. Похоронивъ его, какъ могли, поплакавъ, погрустивъ, Ваня съ матерью продолжали свой путь и, наконецъ, дотащились до Петербурга. По счастью, нашли они на старой своей квартирѣ нѣкоторыхъ изъ прежнихъ своихъ товарищей, которые съ радостью приняли ихъ въ свою артель. Ваня отъ природы былъ слабъ здоровьемъ; ему было уже лѣтъ двадцать восемь, но, смотря на него, можно было его принять

за старика: такъ безпрестанная нужда и горестъ изнурили его; часто и самъ онъ не могъ выходить, часто не могъ и оставить мать свою. Товарищи на нихъ роптали, упрекая Ваню въ лѣнности, и, когда онъ съ матерью садился за скудный обѣдъ, почти каждый кусокъ хлѣба дорого имъ доставался.

Однажды послѣ долговременной ея болѣзни, которая требовала безпрестаннаго присутствія Вани, сотоварищи его объявили ему, что ежели онъ въ этотъ день не заработаетъ сколько-нибудь денегъ, то они не дадутъ ни крохи хлѣба ни ему, ни его матери, а на другой день сгонять ихъ съ квартиры. Скрѣпя сердце, полубольной, Ваня съ трудомъ взвалилъ на плечи тяжелый органъ и вышелъ изъ дому на шумныя петербургскія улицы. Кто бы изъ проходящихъ подумалъ, слушая веселую пѣсню, которую онъ наигрывалъ на органъ, что въ этомъ человѣкѣ жизнь боролась со смертью и что самыя черныя мысли проходили въ его головѣ и сердцѣ. Въ этотъ день Ваня былъ особенно несчастливъ: тщетно проходилъ онъ мимо домовъ, показывая сидѣвшимъ у окна дѣтямъ свои прыгающія куколки; тщетно входилъ во дворы и до изнеможенія силъ вертелъ рукоятку своего осип-

лаго инструмента,—никуда его не позвали, ни гроша денегъ ему не было брошено!

Уже поздно къ вечеру Ваня, съ отчаяніемъ въ сердцѣ, возвращался домой; ужасная участь его ожидала: оставалось ему заложить свой органъ, единственное средство къ пропитанію, потомъ проѣсть вырученныя имъ за это деньги, потомъ умереть съ голоду. Когда Иванъ проходилъ черезъ перекрестокъ многолюдной улицы сквозь толпы народа, проскакали сани и зашибли женщину, шедшую подлѣ Вани. Женщина упала безъ памяти. Ваня, движимый чувствомъ состраданія, бросился къ ней на помощь. Столпился народъ, явились полицейскіе служители; сани были уже далеко. Одни въ толпѣ кричали, что сани задѣли женщину другіе толковали, что органщикъ, попятившись зашибъ ее своимъ органомъ; сама женщина была безъ языка, Ваня наиденъ наклонившимся надъ нею; къ тому же онъ, какъ ближайшій свидѣтель, могъ точнѣе рассказать, какъ было дѣло, и полицейскіе служители разсудили взять вмѣстѣ съ зашибленною женщиною и органщика. Ваня зналъ свою невинность и былъ увѣренъ, что его продержатъ недолго, но это недолго могло быть дня два или три, а въ продол-

женіе этого времени что могло случиться съ его матерью? Въ этотъ день и такъ уже у нея не было ни куска хлѣба, а на завтра жестокосердые товарищи могли вытолкнуть на морозъ больную, едва дышащую мать его. Тщетно онъ увѣрялъ въ своей невинности, тщетно упрашивалъ — полицейскій служитель готовъ уже былъ связать ему руки назадъ, когда его остановилъ человѣкъ, хорошо одѣтый, который давно уже наблюдалъ всю эту сцену и приблизился въ ту минуту, когда для органщика не было уже спасенія. Онъ остановилъ полицейскаго служителя, сказалъ ему свое имя и квартиру, прибавилъ что былъ свидѣтелемъ не только невинности, но даже великодушнаго поступка органщика, и, послѣ долгихъ переговоровъ, убѣдилъ блюстителя благочинія отдать ему Ивана на поруки. Убѣжденный ли его словами, или потому, что онъ зналъ въ лицо незнакомца, полицейскій служитель согласился на его предложеніе. Когда бѣдный Ваня избавился отъ рукъ своего страшнаго непріятеля, тогда незнакомецъ сказалъ ему:

— Ну, теперь ступай своей дорогой, да скорѣе.

Ваня, поблагодаривъ незнакомца за его участіе, сказалъ ему:

— Милостивый государь! Вы мнѣ сдѣлали благодѣяніе большее, нежели вы думаете; но оно будетъ для меня ничѣмъ, если вы мнѣ еще не поможете.

— Что тебѣ надобно?—спросилъ незнакомецъ.

— Вы, я вижу, человѣкъ добрый,—продолжалъ Ваня,—дайте мнѣ денегъ.

— Не стыдно ли тебѣ, молодому человѣку, просить милостыню? Ты можешь работать.

— Если бъ могъ, то не просилъ бы у васъ! Сегодня уже поздно работать, а мнѣ деньги нужны сегодня!—отвѣчалъ Ваня отчаяннымъ голосомъ.

Этотъ голосъ поразилъ незнакомца.

— Гдѣ ты живешь?—спросилъ онъ.

— Въ Чекушахъ, въ домѣ мѣщанки Р**.

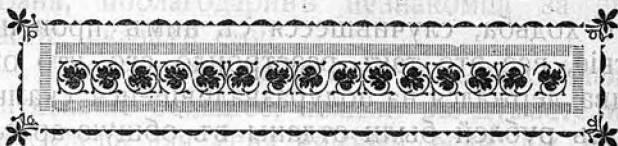
— Вотъ тебѣ пять рублей: постарайся завтра поутру быть дома, я приду къ тебѣ.

— Ко мнѣ?—вскричалъ въ изумленіи Ваня: такъ удивило его столь небывалое участіе въ судьбѣ его.

Они разстались.

На другой день Ваня печально сидѣлъ у постели своей больной матери. Вчерашняя

его ходьба, случившееся съ нимъ происшествіе, все это такъ разстроило его, что онъ едва держался на полуразвалившейся скамьѣ. Пять рублей были отданы въ общую артель: они едва уплачивали то, что слѣдовало за прожитое матерью и сыномъ. Не надѣялся онъ на посѣщеніе незнакомца; не разъ уже съ нимъ бывали подобные случаи: часто люди тронутые его выразительною фізіономіею, также спрашивали о его житьѣ-бытьѣ, его квартирѣ и... забывали, ибо много людей на свѣтѣ, которые и способны пожалѣть о судьбѣ несчастнаго, но много ли такихъ, которые будутъ помнить о ней и возьмутъ на себя трудъ докончить доброе дѣло?

ДВА МОРОЗА.

Народная сказка.

Дуляли по чистому полю два мороза, два
родныхъ брата; съ ноги на ногу поска-
кивали, рукой объ руку поколачива-
ли. Говорить одинъ морозъ другому;
„Братецъ, морозъ Синій-Носъ, какъ бы намъ
позабавиться, людей поморозить?“ Отвѣчаетъ
другой: „Братецъ, морозъ Красный-Носъ, коль
людей морозить, не по чистому полю намъ
гулять. Поле все снѣгомъ занесло, всѣ про-
ѣзжія дороги замело; никто не пройдетъ, не
проѣдетъ. Побѣжимъ-ка лучше въ лѣсъ: тамъ
хоть меньше простору, зато забавы будетъ
больше“.

Побѣжали два мороза въ лѣсъ. Бѣгутъ,

дорогой тѣшатся, съ ноги на ногу попрыгиваютъ, по елкамъ, по сосенкамъ пощелкиваютъ: старый ельникъ трещить, молодой соснякъ поскрипываетъ. Вотъ слышали они съ одной стороны колокольчикъ, а съ другой—бубенчикъ: съ колокольчикомъ баринъ ѣдетъ, а съ бубенчикомъ—мужичокъ. Стали морозы судить да рядить: кому за кѣмъ бѣжать, кому кого морозить. Морозъ Красный-Носъ, какъ былъ помоложе, говоритъ: „Мнѣ бы лучше за мужикомъ погнаться, его скорѣй дойму: полушубокъ, вѣрно, старый, заплатанный, шапка худая, на ногахъ одни лапти. А ужъ ты, братецъ, какъ посиленѣе меня, за бариномъ бѣги. На немъ шуба медвѣжья, шапка лисья, сапоги волчьи. Гдѣ ужъ мнѣ съ нимъ справиться!“—„Ладно,—говоритъ морозъ Синій-Носъ:—бѣги за мужикомъ, а я побѣгу за бариномъ. Какъ сойдемся подъ вечеръ, такъ и узнаемъ, кому какая была задача“.

Свистнули, щелкнули, побѣжали!

Только солнышко закатилось, они опять сошлись въ чистомъ полѣ. „Что, братецъ,—спрашиваетъ младшій,—намаялся ты съ бари-

номъ-то, а толку ужъ, навѣрное, не вышло никакого? Гдѣ его было пронять!“ А старшій посмѣивается и говоритъ: „Эхъ, братецъ, морозъ Красный-Носъ, молодъ ты и простъ! Я его такъ уважилъ, что онъ будетъ грѣться—не отогрѣется“.—„А какъ же шуба-то, да шапка, да сапоги?“—„Не помогли! Зѣбрался я къ нему и въ шубу, и въ шапку, и въ сапоги, да какъ началъ знобить!.. Онъ-то ежится, жметъ да кутается; думаетъ: дай-ка я ни однимъ суставомъ не шевельну, авось, меня морозъ не одолѣетъ. А мнѣ это на руку. Какъ принялся я за него, чуть живого въ городъ изъ повозки выпустилъ. Ну, а ты что съ своимъ мужичкомъ сдѣлалъ?“—„Эхъ, братецъ, морозъ Синій-Носъ, плохую ты со мной шутку сшутилъ, что во-время меня не образумилъ. Думалъ, заморожу мужика, а вышло—онъ же мнѣ бока намялъ“.—„Какъ такъ?“—„Да такъ. Ъхалъ онъ дрова рубить. Дорогой началъ было я его понимать, а ему и горя мало. Приѣхалъ онъ на мѣсто и принялся за топоръ. Я къ нему подъ, полушубокъ, и давай его знобить. А онъ-то топоромъ машетъ, только щепки кругомъ летятъ; даже вспотѣлъ. Я

прочь поскорѣе. Думаю: какъ быть? А мужикъ все работаетъ да работаетъ; стало ему совсѣмъ жарко. Гляжу, скидаетъ съ себя полушубокъ; а полушубокъ-то совсѣмъ мокре-хонекъ. Обрадовался я, забрался въ полушубокъ, да и заморозилъ его такъ, что онъ сталъ лубокъ-лубкомъ. Кончилъ мужикъ свое дѣло, подошелъ къ полушубку и покачалъ головой. У меня сердце такъ и взыграло: то-то потѣшусь!.. Посмотрѣлъ мужикъ кругомъ, выбралъ полѣно подлиннѣе, да какъ примется по полушубку бить! По полушубку бьетъ, а меня все бранить. Мнѣ бы бѣжать скорѣе, да ужъ больно я въ шерсти-то завязъ, выбраться не могу. А онъ-то колотить онъ-то колотить! Насилу я ушелъ; думалъ, костей не соберу, до сихъ поръ бока ноютъ“.

Л Ж Е Ц Ы .

Видно городникъ да мѣдникъ проходили
однажды мимо огорода съ капустой.
„Посмотри-ка, — сказалъ мѣдникъ, —
какіе большіе кочаны въ этомъ ого-
родѣ!“

— „Нашелъ чему удивляться, — возразилъ
огородникъ, — однажды я вырастилъ кочанъ
капусты величиною съ домъ.“

Мѣдникъ отвѣчалъ: „Все это можетъ быть!
Только я сдѣлалъ однажды котелъ величи-
ною съ церковь.“

Захохоталъ огородникъ и говорить:

„Какой же ты хвастунъ; лжешь и не краснѣешь! Ври да знай же мѣру. Ну скажи, пожалуйста, къ чему же тебѣ нуженъ былъ такой котелъ?“

— „Я хотѣлъ въ немъ сварить твой огромный кочанъ“, отвѣчалъ мѣдникъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ

НА

„МАЛЕНЬКІЙ ХРИСТІАНИНЪ“.

Дѣти, подписной годъ кончается. Еще одна книжка осталась за нами.

Будете ли вы нашими читателями въ будущемъ году?

Если будете, поспѣшите съ подпиской на журналъ.

Въ будущемъ году будетъ интересная премія къ „Маленькому Христіанину“.

Премію разошлемъ подписчикамъ своимъ бесплатно къ Св. Пасхѣ.

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Сигналъ.	3
Ваня шарманщикъ.	18
Два мороза.	26
Лжецы.	30
Объявленіе о подпискѣ на „Маленькій Христіа- нинъ“.	32

Безплатное приложеніе къ журналу „Христіанинъ“.

IX 30
ЖЕЛТЕНІЙ
ХРИСТІАНІНЪ

СОУСЛІДІ ДІТІНІ І НЕ ВОСРЕДІ
ТЕ ДІТІНІ ПОІНІ КО МНІ ТАКОВІСЬ
ВО СІТІ ІЗ БО МНОГО МА ДІДІ

Кн. 12. Декабрь. 1911.

МАЛЕНЬКІЙ ХРИСТІАНИНЪ.

Книжка 12-я.

СЕРГІЕВЪ ПОСАДЪ.

Типографія Св.-Тр. Сергіевой Лавры.
1911.

Печатать дозволяется. Декабря 17 дня, 1911 года. Цен-
зоръ, Ректоръ Виѳанской Духовной Семинаріи,
Архимандритъ Филиппъ.

Библиотека Виѳанской Духовной Семинаріи

1911

Ангелъ.

(Изъ стихотвореній Я. П. Полонскаго).

Дюбилъ я тихій свѣтъ лампы золотой,
 Благоговѣйное вокругъ нея молчанье.
 И тайнаго исполненъ ожиданья,
 Какъ часто я, откинувъ пологъ свой
 Не спалъ, на мягкій пухъ облокотясь рукою.
 И думалъ: въ эту ночь хранитель—ангелъ мой
 Придетъ ли въ тишинѣ бесѣдовать со мною?
 И мнилось мнѣ; на ложѣ, близъ меня,
 Въ сіяньи трепетномъ лампаднаго огня,
 Въ блѣдно серебряномъ сидѣль онъ одѣяньи...
 И тихо, шопотомъ я повѣрялъ ему
 И мысли, дѣтскому достойныя уму,
 И сердцу дѣтскому доступныя желанія.
 Мнѣ сладокъ былъ покой въ его лучахъ;

Я весь проникнуть былъ божественною силой.
Съ улыбкою на пламенныхъ устахъ
Задумчиво внималъ мнѣ свѣтлокрылый;
Но очи кроткія его глядѣли въ даль,
Они грядущее въ душѣ моей читали,
И отражалась въ нихъ какая-то печаль...
И ангелъ говорилъ: „Дитя, тебя мнѣ жаль!
Дитя, поймешь ли ты слова моей печали?“
Душой младенческой я ихъ не понималъ,
Края одеждъ его ловилъ и цѣловалъ,
И слезы радости въ очахъ моихъ сверкали.

(отъ автора Н. И. В. Николаевъ)

Дары Господу въ праздникъ Рождества Христова.

Мудрецы принесли Христу дары: золото, ливанъ и смирну (Мѡ. 2, 11). На востокъ былъ обычай приходить къ знатымъ людямъ съ дорогими подарками. Такъ, царица Савская посѣтила Соломона, привезла ему ароматы, множество золота, драгоценныхъ камней и пр. Поэтому и волхвы принесли дары Младенцу Іисусу.

Какой же подарокъ мы можемъ принести? Посмотримъ на тѣ сокровища, какія принесли волхвы,—не можемъ ли мы подражать имъ?

Они принесли золото—самый дорогой металлъ. Но Давидъ говоритъ, что слово Божіе дороже и вождельнѣе дорогого золота. Значить, если мы будемъ изучать Слово Божіе и хранить Его въ сердцѣ, то вотъ и даръ нашъ, который для Бога дороже золота;

этотъ даръ Его — истина: нѣтъ ничего дороже ея.

Волхвы принесли также ладанъ. Это — родъ того ароматическаго оиміама, который по повелѣнію Божію употребляли въ скинии и во храмѣ. Онъ имѣетъ очень пріятный запахъ; поднимаясь къ небесамъ, подобно облакамъ, онъ служитъ выраженіемъ благодаренія нашего Богу. Принесемъ же Богу „благодареніе“ за то, что Онъ пришелъ на землю спасти насъ.

Волхвы принесли Христу смирну. Подобно ладану она добывается изъ дерева, растущаго преимущественно въ Аравіи. Для этого надрѣзываютъ кору дерева, и оттуда вытекаетъ сокъ, который входилъ въ составъ того благовоннаго елѣя, какимъ помазывали царей и первосвященниковъ. Слово смирна — значитъ горечь, скорбь.

Не можемъ ли и мы принести этого дара Господу?

Если мы будемъ скорбѣть и сокрушаться о грѣхахъ своихъ, то вотъ нашъ даръ Господу. Отъ него мы услышимъ: „блаженны плачущіе, ибо они утѣшатся“ (Мѡ. 5, 4).

МАЛЕНЬКАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА.

Когда мы видимъ несчастныхъ дѣтей—горбатыхъ или слѣпыхъ, или нѣмыхъ, вообще съ какимъ нибудь недостаткомъ, то часто спрашиваемъ себя: почему заслужилъ ребенокъ такое несчастье? За себя ли страдаетъ онъ, за другихъ ли? Какъ бы ни удивляло насъ ихъ несчастье, не будемъ забывать, что Премудрый Господь незримыми путями ведетъ всѣхъ къ вѣчному спасенію и несчастье посылаетъ на духовную пользу для человѣка...

Гуляя съ дѣтьми въ дѣтскомъ садикѣ, я часто встрѣчала больную дѣвочку лѣтъ 11—12. У бѣдняжки были разслаблены ножки; она привозилась въ садъ няней въ изящной плетеной коляскѣ. Видно было, что это—дочь

довольно состоятельныхъ родителей. На ея личикѣ не было ни кровинки, и только большіе темные глаза смотрѣли выразительно и умно и оживляли его. На колѣняхъ у нея всегда лежала какая нибудь книжка. Однажды, придя въ садъ, я увидѣла, что около дѣвочки образовалась цѣлая толпа изъ дѣтей; стояла полная тишина. Подойдя поближе, я увидѣла такую трогательную картину.

Больная разслабленная дѣвочка съ воодушевленіемъ рассказывала своимъ сверстникамъ, и что рассказывала?—Жизнь святителя и чудотворца Николая, его чудеса и явленія... И всѣ эти нарядныя, бытъ можетъ, капризныя дѣти, съ вниманіемъ слушали ея задушевный рассказъ.

Когда она кончила, и няня повезла коляску домой, дѣти провожали ее до воротъ садика и громко кричали:

—„Прощай, Лидія, пріѣзжай завтра: еще что нибудь расскажешь; мы будемъ ждать тебя“.

—„Да да, непременно!“—отвѣчала дѣвочка, и что-то трогательно-кроткое разлилось по ея блѣдному личику.

Отъ дѣтей я узнала, что Лидія почти каждый день лѣтомъ рассказываетъ имъ что-нибудь назидательное. Будучи прикована бо-

лѣзнію къ телѣжкѣ, она большую часть времени проводить за чтеніемъ хорошихъ свя-
тыхъ книжекъ и прочитаннымъ дѣлится съ
подругами.

Развѣ не великое дѣло дѣлаетъ эта слабая,
убогая дѣвочка? Если бы она была здорова,
была ли она такъ хороша душою?

Еще разъ, будемъ повторять при видѣ по-
добныхъ дѣтей:

— „Богъ лучше насъ знаетъ, какъ устроить
жизнь cadaго. Положимся на Его Святую
Волю“.

И вы, здоровыя дѣти, поучайтесь этимъ
примѣромъ, добрымъ, хорошимъ, и старай-
тесь, насколько можете, приносить другимъ
добро и пользу,—и дѣлайте это отъ всей
души, отъ всего любящаго сердца...

А. Троицкая.

СВѢЧА НЕУГАСИМАЯ.

(Деревенскій сказъ.)

1.
„ то съ тобой?—скажи мнѣ, дитятко!
„Сглазь-ли чей къ тебѣ прикинулся,
„Огневица ль мучить лютая?!
„Весь въ жару лежишь—разски-
нулся...

„Отзовись, дитя, рождёное

„На тоё-ль на долю пахаря!

„Чѣмъ помочь тебѣ—не вѣдаю,

„Кликнуть не на что мнѣ знахаря...

„Послѣ мужа-упокойничка

„Извелася вся я—бѣдная;

„Безъ тебя—пропала-пропадомъ

„Голова моя побѣдная!..“

2.

Гроша нѣтъ въ избѣ, по закромамъ
Подмела нужда, все вымела,
Дворъ раскрыла, за одной одну
Всю скотинушку повывела;
Всѣмъ сосѣдямъ позадолжено—
Вдовимъ дѣломъ... Сынъ—надежею
Былъ одной для бѣдной матери,
Подросталъ во славу Божию;
Хоть и былъ еще не въ возрастѣ,
А ужъ во полѣ работникомъ
Становился, весь въ отца пошелъ—
О своемъ тяглѣ заботникомъ.

3.

Охъ, пришла немочь тяжкая,
Мучить цѣлую недѣлюшку,
Мучить—стелеть парню загодя—
Вѣковѣчную постелюшку:
Краше въ гробъ кладутъ—лежмя лежить,
Съ бѣлымъ свѣтомъ, зная, прощается...
Плачетъ мать, надъ милымъ дитяткомъ
Причитаетъ—убивается:
„Отзовись-откликнись, родненькій!“
Сынъ въ отвѣтъ ей—ни словечушка...
„Разступись ты, Мать Сыра-Земля!“
„Разорвись, мое сердечушко!“

4.

И упала мать, рыдаючи,
Передъ Спасовой иконою,
Слезы ронить, молитъ: „Господи!
„Подыми дитя моленное!
„Подыми его, пусть глазыньки
„Мнѣ закроетъ чадѣо милое!
„Ты не дай стоять горюшѣ мнѣ
„Надъ сыновнею могилою!
„Я тебѣ бы—Спасу нашему—
„Каждый праздникъ свѣчки ставила,
„Да лиха бѣда въ дому у насъ
„На одну-то не оставила!..“

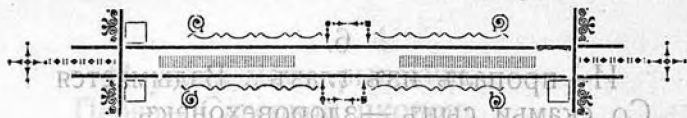
5.

Плачетъ мать, слезми горючими
Передъ Спасомъ заливается...
Вдругъ—творится диво-дивное:
Видитъ—дверь пріотворяется,
Входитъ старецъ (сѣдѣ-сѣдешенекъ),
А вокругъ него—сіяніе;
Молвитъ ей: „Утѣшься, горькая!
„Милость—вѣрѣ въздаяніе!“
Прикоснулся онъ къ болящему:
„Встань (сказаль), дитя любимое!
„Слезы матери—предъ Господомъ
„Не свѣча-ль неугасимая?!..“

6.

И—пропалъ изъ глазъ... Вздывается
 Со скамьи сынъ,—здоровехонекъ,
 Словно спалъ сномъ крѣпкимъ праведнымъ,
 А и не былъ самъ больнехонекъ.
 Говорить: „Охъ, мама! Снился мнѣ
 „Сонъ, что съ ношею тяжелою
 „Странникъ Божій выходилъ отъ насъ,
 „А что звать его—Николою“...
 Мать отъ радости не вспомнилась,
 Съ милымъ сыномъ обнималася;
 А изъ оконъ зорька—попымемъ
 Передъ Спасомъ разгоралася.

Аполлонъ Коринфскій.

Божественный Врачъ.

„**Л**ѣчить бесплатно отъ всѣхъ болѣзней. Успѣхъ обезпеченъ“. Такой плакатъ былъ вывѣшенъ въ одномъ городѣ.

„Приемные часы узнать“...

Далѣе слѣдовалъ адресъ.

На слѣдующій день подъѣздъ „доктора“ осаждался народомъ. На крыльцо вышелъ проповѣдникъ и сказалъ рѣчь.

„Врачъ, Который зоветъ васъ — Господь Христосъ. Приидите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Я успокою васъ, говоритъ Онъ.

„Онъ лѣчитъ всѣ болѣзни, подаетъ покой всѣмъ труждающимся. Онъ лѣчитъ собственною Своею кровью. Приходите и исцѣлитесь...

„Приемъ всегда“.

Проповѣдника едва не побии камнями...

Да, есть великій Врачъ, и Онъ зоветъ къ Себѣ. Къ Нему не идутъ.

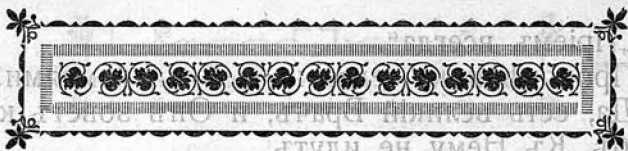
Онъ общаетъ исцѣленіе всѣхъ недуговъ духа—и идутъ не къ Нему, а къ хироманткамъ-ворожеямъ, пожалуй—къ врачамъ, но не къ Божественному Врачу.

В. Б.

Э т р а х н

—вжс—,уѣдишо глвѣдѣ я ожалот унд
 —шѣрѣ отъшѣвѣпѣотѣ глѣтѣвѣ глѣз
 глѣдѣ я :уѣдишо ундѣ—,вѣдѣрѣ эйн
 вѣ рѣдѣдѣвѣ гможѣнѣ, гнѣрѣвѣ гможѣнѣ
 глѣнѣ вѣдѣ. "Ийнѣлѣнѣрѣ глѣнѣ глѣнѣ
 :гнѣдѣ глѣ отѣ вѣдѣрѣ вѣдишо ете он, вѣдишо
 —гнѣ глѣнѣнѣрѣнѣ ~~гнѣдѣ~~ глѣдѣрѣ гнѣ
 эйтѣнѣМ! глѣдѣнѣ глѣнѣнѣ глѣдѣнѣ глѣнѣ
 :гтѣжѣвѣ вѣдѣрѣнѣ эйнѣтѣвѣрѣнѣ
 глѣдѣ я, уѣдишо глѣвѣдѣ я ундѣ ожалот.
 вѣ рѣдѣдѣвѣ гможѣнѣ, гнѣрѣвѣ гможѣнѣ
 "Ийнѣжѣрѣдѣооо глѣнѣ глѣнѣнѣ
 гможѣнѣ, глѣдѣдѣ я. "гтѣнѣрѣнѣ глѣдѣнѣ
 новѣ н эѣвѣрѣдѣ эѣвѣ вѣ рѣдѣдѣнѣ оннѣрѣвѣ
 я — !оннѣвѣдижѣнѣ глѣвѣ — гтѣдѣнѣ н глѣнѣ
 "гтѣнѣнѣнѣ вѣ вѣнѣнѣнѣнѣ

За грѣхи.

„дну только я сдѣлалъ ошибку,—сказалъ капитанъ потерпѣвшаго крушеніе корабля,—одну ошибку: я былъ слишкомъ увѣренъ, слишкомъ надѣялся на правильность моихъ вычисленій“. Одна лишь ошибка, но эта ошибка повела его къ гибели; онъ потерялъ свое судно и причинилъ внезапную смерть многимъ людямъ! Многіе несчастные нѣкогда скажутъ:

„Только одну я сдѣлалъ ошибку, я былъ слишкомъ увѣренъ, слишкомъ надѣялся на правильность моихъ соображеній“.

Другой говоритъ: „О, я бѣдный, слишкомъ увѣренно надѣялся на свое здоровье и свои силы, и вдругъ — какъ неожиданно! — я очутился въ вѣчности“.

Третій:

„А я думалъ, что Богъ не взыщетъ такъ строго за мои грѣхи. Зачѣмъ я былъ такъ увѣренъ въ этомъ мнѣніи!“

Такъ звучать, и еще болѣе зазвучатъ послѣ Страшнаго Суда Божія тысячи голосовъ людей, погибающихъ навѣки по своей безпечности.

„Я потерялъ день“.

рузья! я потерялъ день,—воскликнулъ одинъ изъ лучшихъ римскихъ императоровъ, вспомнивъ, что онъ въ теченіе цѣлаго дня не оказалъ никому изъ своихъ подданныхъ никакого благодѣянія.

„И я потерялъ“,—долженъ повторить за нимъ каждый христіанинъ, если въ продолженіе всего дня онъ велъ себя такъ, что другіе не видѣли въ дѣлахъ его свѣта Христова (Мѡ. 5, 16) и не прославили въ немъ Отца Небеснаго. Онъ потерялъ день, если не осушилъ ни одной слезы, не облегчилъ ни одной горькой нужды своей помощью, не положилъ ничего на алтарь общественнаго служенія... И тянутся такъ дни за днями, минуютъ годы, а изъ нихъ слагается наша жизнь.

Христіанинъ! лови минуты.

ПРАВДА И КРИВДА.

(Народная сказка.)

Живутъ у насъ на землѣ Правда да Кривда: живетъ Правда и во дворцѣ, и въ барскихъ хоромахъ, и во крестьянской избѣ; молвить народъ, что она у Бога живетъ; мыкается и Кривда всюду: и по царскимъ палатамъ, и по боярскимъ теремамъ, и по бѣднымъ лачугамъ. О Кривдѣ народъ молвить, что привилась она къ землѣ, и по ней стелеть и мелеть, и вретъ и плететь. Вотъ разъ идетъ по землѣ Правда, чище красного солнца: люди ея сторонятся, шапки снимаютъ, чествуютъ; а она каждому изъ своихъ ясныхъ очей привѣтомъ въ очи свѣтитъ. Вотъ и идетъ эта Правда по землѣ, ни шатко,

ни валко, ни на сторону, прямо какъ стрѣла. Навстрѣчу ей изъ косога переулка идетъ Кривда, ковыляя да пошатываясь; заслонила рукой глаза, прищурилась на Правду; а Правда—что солнышко: на нее Кривдѣ во всѣ глаза не глянуть!

— Ба, ба, ба!—говорить себѣ подъ носъ Кривда;—да это никакъ святая душа на костыляхъ, что люди Правдой зовутъ. Ужъ куда какъ мнѣ эта Правда надоѣла: какъ глянетъ въ лицо, то словно горькій дымъ глаза ѣстъ! Хоть бы какъ ни на есть извести ее, постылую!

Кривдѣ за худымъ дѣломъ не далеко ходить: какъ надумала, подковыляла она, щурясь, къ Правдѣ, низехонько ей поклонилась, и говоритъ сладкимъ голосомъ:

— Что тебя, золотая Правда, давно не видать? Аль заспесивилась? А еще про твою милость народъ молвить, что безъ тебя люди не живутъ, а маются. По моему-жъ худому разуму, такъ дѣло-то наоборотъ (прости на правдивомъ словѣ); съ тобой люди маются, а со мной душа въ душу сживаются, и наше житье бытѣе идетъ, какъ по маслу.

Глянула Правда Кривдѣ въ подслѣпныя очи, да и говорить:

— Нѣтъ, Кривда, худо тому, кто съ тобой сдружится; съ тобой весь свѣтъ пройдешь, да назадъ вернешься! Ложь не живуча!

Какъ разсердится Кривда за правдивое слово, да, ошетинаясь, закричить, зашипить на всѣ свои голоса:

— Вишь, что выдумала—я-ль не живуча! А знаешь поговорку; „соврешь—не помрешь?“— Да я на людей сошлюсь, что со мной жить лучше, чѣмъ съ тобой!

Правда покачала головой, сказала: „Нѣтъ!“ и пошла своимъ путемъ. Она въ увертки да извороты не пускается, много словъ не раздаетъ, у нея либо „да“, либо „нѣтъ“.

Увязалась Кривда за Правдой, зацѣпила клюкой и не пускаетъ.

— Давай,—говорить,—объ закладъ биться, что людямъ со мной лучше ужиться!

— Давай,—говорить Правда; — вотъ сто рублей. Смотри, Кривда, prospоришь!..

— Ладно, посмотримъ, чья возьметъ! Пойдемъ судиться къ третьему кому-нибудь, вотъ хоть къ писарю; онъ недалеко живетъ.

— Пойдемъ,—сказала Правда.

И пошли. А Кривда тѣмъ временемъ стянула у прохожаго бумажникъ да платокъ изъ кармана и спрятала къ себѣ въ карманъ. Вотъ

пришли онѣ къ писарю; стала Правда свое дѣло сказывать, а Кривда тѣмъ временемъ кажетъ писарю изъ-подъ полы деньги да платокъ. А писарь человекъ бывалый, какъ разъ догадался, что дѣлать; вотъ и говорить:

— Пропорила ты, Правда, свои денежки: въ наше время лучше жить кривдой: сытѣй будешь!

Нечего дѣлать, отдала Правда сто рублей сполна, а сама все стоитъ на своемъ, что лучше-де жить правдой.

— Экая ты неугомонная!— подзадоривала ее Кривда,— давай опять объ закладъ биться: я ставлю тысячу рублей въ конь, а ты, коли денегъ нѣтъ, ручайся глазами своими.

— Хорошо,— сказала Правда. Вотъ и пошли онѣ опять судиться, теперь ужъ къ боярину. Выслушавъ ихъ, бояринъ вздохнулъ и говорить:

— Ну, матушка Правда, пропорила ты ясныя очи свои: хороша святая Правда, да въ люди не годится.

Заплакавши, Правда боярину слово молвила:

— Не ищи же ты, бояринъ, Правды въ другихъ, коли въ тебѣ ея нѣту!

А Кривда зацѣпила Правду клюкой и по-

вела изъ города вонъ. Идетъ Правда, слезку за слезкой роняетъ: горько ей, что люди чувствовать чествуютъ ее, а правдой жить не могутъ.

Вотъ вывела ее Кривда въ поле, выколола ей глаза, да еще толкнула, такъ что Правда упала ничкомъ на землю. Отдохнувъ, она поползла ощупью, а куда ползетъ—и сама не знаетъ. Вотъ она схоронилась въ высокой болотной травѣ и пролежала тамъ до ночи.

Вдругъ, въ полночь, налетѣла со всѣхъ сторонъ недобрая сила и стала другъ передъ другомъ хвалиться, кто больше зла надѣлалъ.

— Я,—говорить одинъ,—мужа съ женой поссорилъ;

— Я,—говорить другой,—научилъ дѣтей не слушаться отца съ матерью!

— А я,—кричалъ третій,—весь день училъ дѣтей лгать да лакомства красть!

— Эка невидаль—ребенка сдѣлать воромъ да лгуномъ!—кричитъ Кривда.—А я такъ всѣхъ васъ за поясъ заткну: я переспорила Правду, взяла съ нея сто рублей, да еще выколола ей глаза! Теперь Правда ослѣпла, стала тою же Кривдой!

— Ну!—крикнулъ набольшій,—далеко кулику до Петрова дня! Правда живуча, на

водѣ не тонетъ, на огнѣ не горитъ; стоитъ ей только очной травкой глаза потереть—сейчасъ же все рукой сниметъ!

— Да гдѣ-жъ она добудетъ этого зелья?

— Травы этой на горѣ, по залежамъ не оберешься.

Лежитъ Правда въ осокѣ, къ рѣчамъ прислушивается, а какъ только разлетѣлась недобрая сила, то она поползла въ гору, на заброшенную старую пашню, сѣла на залежь и стала травку за травкой срывать да къ очамъ прикладывать. Вотъ и добралась она до очной травы, потерла ею глазокъ,—прозрѣла; потерла другой,—и другимъ прозрѣла!

„Хорошо“, думаетъ она, „наберу-ка я этой травы; авось и другимъ понадобится“.

И нарвала она цѣлое беремея, навязала въ пучечки и пошла домой.

Въ долгѣ ли, въ короткѣ ли, въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, ослѣпла у царя единственная дочь; и ужъ чего ни дѣлали, какъ ни лечили царевну,—ничего не беретъ! Велѣлъ царь по своему и по сосѣднимъ царствамъ кличь кликнуть; кто его царевну вылечить, тому онъ половину своей казны отдастъ, да еще полцарства въ придачу накинеть. Вотъ и сошлись отовсюду :

лекаря, знахарки, лекарки, взялись лечить; лечить-полечать, а вылечить не могут!

Разсердился царь, велѣлъ всѣхъ помеломъ со двора прогнать, а самъ сталъ думать да гадать, какъ своему горю пособить. Думалъ царь, думалъ, — ничего не надумалъ.

Приходятъ разъ слуги и докладываютъ ему, что пришла вѣщая странница, величаетъ-де себя Правдой, а берется царевну вылечить за одно царское спасибо, а казны-де ей не надо.

Подивился царь и велѣлъ нянюшкамъ мамушкамъ чудную знахарку къ царевнѣ свести.

Вошла Правда въ царевнинъ теремокъ, на иконы помолилась, царевнѣ поклонилась, вынула очную травку, потерла ею одинъ глазокъ, — царевна однимъ глазомъ прозрѣла, да, прозрѣвши, какъ вскочить отъ радости, да бросится въ отцовы палаты, стучить, бречить, по переходамъ бѣжить; а за нею тьма тьмущая нянюшекъ, мамушекъ, сѣнныхъ дѣвушекъ, въ догонку спѣшать. Какъ вбѣжала она къ отцу, да прямо ему въ ноги:

— Царь-государь, вижу тебя, родитель мой! вижу тебя яснѣе прежняго!

Царь до слезъ обрадовался, обнялъ дочь, цѣлуетъ, милуетъ ее, самъ о вѣщей знахар-

къ спрашиваетъ; а Правда ужъ тутъ и царю правдивымъ привѣтомъ въ очи свѣтитъ.

— Чѣмъ тебя, вѣщая, наградить?—спрашиваетъ царь:—хочешь казны? всю возьми! Хочешь царствовать? полцарства отдамъ!

Поклонилась Правда царю и говорить:

— Не надо мнѣ ни царства твоего, ни казны твоей; а если хочешь жаловать, такъ пожалуй меня въ твои старшіе судьи, чтобы безъ меня во всемъ царствѣ судьи твои ни одного дѣла не вершили.

Царь съ радостью согласился: ударили по рукамъ,—и съ тѣхъ поръ Правда поселилась въ этой землѣ, невѣрныхъ судей смѣнила, праведныхъ посадила, уму-разуму да чести научила; а Кривдѣ таково житіе пришло, что она безъ оглядки оттуда бѣжала.

КАКІЯ КНИГИ БЫЛИ ВЪ СТАРИНУ.

Въ самыя древнія времена люди уже умѣли писать, т. е. начертанными условными знаками передавать другимъ свои мысли и желанія. Сначала, въ древнѣйшемъ письмѣ, еще не было буквъ и словъ. Вмѣсто словъ рисовали разные предметы, и такія изображенія предметовъ служили условными знаками. Напримѣръ, изображеніе *стрѣлы* означало войну; изображеніе *собаки* — вѣрность и т. д. Потомъ вмѣсто рисунковъ и картинокъ стали писать условные значки, и каждый значекъ обозначалъ собою цѣлое слово. У cadaго народа были свои условные значки. Наконецъ, былъ изобрѣтенъ алфавитъ. Алфавитъ состоитъ изъ

буквъ, и каждая буква обозначаетъ собою звукъ человѣческой рѣчи. Изъ буквъ, какъ изъ звуковъ, можно составить любое слово.

Древніе люди писали свои картинки и значки не перомъ на бумагѣ, какъ пишемъ теперь мы. Бумаги тогда еще не было. Они вырѣзывали и начерчивали свои письма на камняхъ, на стѣнахъ своихъ храмовъ и дворцовъ.

Долго ученые люди трудились надъ тѣмъ, чтобы разгадать, что писали своими значками древніе люди. И многое разгадали, и прочитали, и объяснили другимъ.

На стѣнахъ египетскихъ пирамидъ, усыпальницъ и храмовъ ученые прочитали множество преданій; и узнали по нимъ исторіи цѣлыхъ народовъ.

Въ развалинахъ древнихъ городовъ было найдено много глиняныхъ плитокъ, испещренныхъ какими-то знаками. Ученые разобрали и ихъ. Тутъ были и ученныя сочиненія, и историческія, и рассказы, легенды, стихотворенія.

Видно, въ старину изъ такихъ глиняныхъ книгъ составлялись цѣлыя библіотеки. Читатели приходили въ эти библіотеки и требовали книги по номерамъ, только домой уносить ихъ не могли. И въ давно прошедшія

времена люди стремились къ свѣту знанія и любили читать. Но книгъ было очень мало, онѣ были и дороги, и тяжелы, и неудобны. Египтяне первые научились писать на папирусь. У нихъ, около стоячихъ водъ, росло болотное растеніе папирусъ; изъ сердцевины этого растенія они умѣли вырѣзывать тонкія длинныя полосы. Высушенные на солнцѣ, эти полосы становились прочными и твердыми. На нихъ можно было писать, какъ на бумагѣ. Хотя эта папирусная бумага была несравненно удобнѣе и дешевле глиняныхъ и деревянныхъ досокъ, но она все-таки была дорога. Цѣна ея иногда очень повышалась, если случался неурожай папируса. Писаніе на папирусь стало быстро распространяться въ древности и перешло изъ Египта въ Грецію и Римъ.

Рукописи папирусы не были похожи на наши книги. Писецъ бралъ длинную полосу или ленту папируса и писалъ на ней короткими строками, писалъ на одной сторонѣ; изнанка оставалась бѣлая. Когда исписывалъ одну полосу, то приклеивалъ къ ней другую. Иная рукопись бывала въ нѣсколько аршинъ длиною. Оконченную рукопись навертывали на деревянную скалку и получался *свитокъ*.

Такой свитокъ, большой и толстый, заключенъ былъ въ футляръ, къ которому привѣшивали ярлычки съ обозначеніемъ заглавія рукописи. Въ библіотекахъ и книжныхъ лавкахъ читатель могъ видѣть заглавіе сочиненія, не развертывая папируса. Книжныя лавки обыкновенно были любимымъ мѣстомъ, гдѣ собиралось много народу: ученые, писатели и читатели. Тамъ была особая комната, гдѣ за небольшую плату можно было читать книги.

Другимъ матеріаломъ для писанія книгъ въ древности былъ пергаментъ. Его выдѣлывали изъ кожъ. Пергаментъ былъ еще дороже папируса. Но зато онъ былъ прочнѣе и удобнѣе. На пергаментѣ писали съ двухъ сторонъ. И книга изъ пергамента имѣла такую же форму, какъ и теперешнія книги, т. е. состояла изъ листовъ. Но кожаныя, пергаментныя книги тоже были очень дороги.

Книги въ то время переписывали. Для того, чтобы переписать какое-нибудь сочиненіе въ нѣсколькихъ копіяхъ (экземплярахъ), надо было затратить много времени и труда. Переписка въ древности составляла ремесло, которымъ занимались особые писцы. Каждый книгопродавецъ имѣлъ около себя сотни писцовъ. Иногда переписывать книги заставляли

рабовъ, которые корпѣли надъ этой работой весь вѣкъ. Очень много книгъ переписывали монахи.

Переписка требовала очень много времени. Иногда одну книгу приходилось переписывать годы. Книги стоили очень дорого, и покупать ихъ могли только богатые люди. Богатые люди и были образованными, а бѣдные были темными и непросвѣщенными.

Въ библіотекахъ и читальныхъ залахъ, чтобы сохранить дорогія книги отъ похищенія,—ихъ приковывали желѣзными цѣпями. Очень немногіе могли пользоваться такой „прикованной книгой“. Нужно было освободить книгу отъ цѣпей, и пустить ее, свободную и доступную, гулять по бѣлу свѣту на счастье людей. Такое великое освобожденіе книги совершилъ Іоганнъ Гутенбергъ—изобрѣтатель книгопечатанія.

(Шиллеръ).

Присяга американскаго школьника.

 Во всѣхъ американскихъ школахъ введена своего рода присяга, которую дѣти даютъ при своемъ вступленіи въ нихъ. Она заключается въ слѣдующемъ: „Клянусь, что я никогда не буду портить или уничтожать ни деревьевъ, ни цвѣтовъ; торжественно обѣщаю, что не буду плевать ни на тротуаръ, ни въ трамваяхъ, ни въ классахъ школы, ни въ другихъ публичныхъ мѣстахъ; обѣщаю также, что не буду портить садовыхъ заборовъ, и не буду пачкать стѣнъ, ни внутри, ни снаружи домовъ. Не буду никогда бросать на улицахъ и въ паркахъ бумагу и остатки ѣды; я всегда буду почтителенъ съ людьми, буду беречь птичекъ и не дамъ ихъ жестоко истреблять, буду беречь чужія вещи, какъ собственныя и, кромѣ того, даю клятву, что я буду преданнымъ и справедливымъ гражданиномъ своего государства“.

23 и 400

6

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Ангель.	3
Дары Господу въ праздниѣ Рождества Христова.	5
Маленькая учительница.	7
Свѣча неугасимая.	10
Божественный Врачъ.	14
За грѣхи.	16
„Я потерялъ день“.	18
Правда и Кривда.	19
Какія книги были въ старину.	27
Присяга американскаго школьника.	32

Безплатное приложеніе къ журналу „Христіанинъ“.